

Елизавета Рыкова

ЛОВЦЫ СНОВ

12+

Елизавета Александровна Рыкова

ЛОВЦЫ СНОВ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30790505

SelfPub; 2018

Аннотация

В мире, где всё существует благодаря музыке, нелегко выжить, если ты сам почти не звучишь. Правда, там с пониманием относятся к тем, кто почти всё время проводит в наушниках. Мелодия Сима Нортенсена постепенно затихает, но он всё ещё хочет знать, как звучит жизнь.

Содержание

Глава 1. Стальная струна

Я лежу в кресле. Мне полагается кушетка, но я их ненавижу. В этом вопросе со мной не спорят, поэтому я лежу в кресле.

Сеньор Кейн сидит под лампой и покрывает закорючками страницы моей карточки. Лампа нестерпимо жужжит, но что поделать, за сотни лет ничего нового не придумали. И почему-то только в больничных лампах обычно эти мерзкие стальные струны, от которых этот мерзкий голубоватый свет.

Словно подслушав мои мысли, лампа начинает угасать. Медленно, как будто засыпает. Или умирает. Но при этом в свечении всё ещё можно различить лёгкие колебания. А что же, может, и из-за моих мыслей. Может, я какой-нибудь бессознательный звукомаг. Одного моего недовольства хватает, чтобы пригасить вибрации струны в лампе. И, скажем, завтра найдётся великий учитель, который раскроет мой великий потенциал.

Сеньор Кейн, не трудясь тянуться к выключателю, кладёт ручку и дёргает невидимую струну. Свет разгорается снова. Я рассматриваю сеньора Кейна и в тысячный раз думаю, какие больные у него были родители. Честное слово, надо было быть совсем психами, чтобы назвать его Альбином. Кажется, даже блики кошмарной голубой лампы гаснут на его чёрных волосах. Никогда не видел людей с такими чёрными волосами. Хотя сам он очень бледный. И глаза светлые. Вот что бывает с теми, кто всё время сидит под больничными

лампами. Ещё у сеньора Кейна белый халат, под которым – белая рубашка.

В тысячный раз оправдываю родителей Альбина Кейна и задумываюсь над вопросом: насколько имя определяет судьбу? Это привычная колея мыслей. Настолько привычная, что я, считай, и не думаю вовсе. Всё, что происходит сейчас в этом кабинете, повторялось и повторяется. Белый халат и прозрачные глаза сеньора Кейна. Мерзкий голубоватый свет. Толстая-претолстая карточка, в которой на каждой странице одно и то же – «синдром *una corda*¹», «усугубление внутреннего *rallentando*²», «острая динамическая недостаточность». Однажды он сплавил меня тупому, но очень хитрому практиканту. Тот просто переписал все рекомендации и диагнозы с предыдущих страниц. И был совершенно прав. Ничего не менялось. К лучшему, по крайней мере. Вот сейчас сеньор Кейн отложит мою карточку, потрёт переносицу двумя пальцами, посмотрит на меня этим своим *добрым, немного усталым взглядом*. Расскажет, как плохо влипать в неприятности. И я пойду домой к мамочке. Мне плевать. Я бы с удовольствием остался и у него в кабинете. Только бы мне дали поспать ещё пару часов.

Хоть я и знаю, что это тоже ничего не изменит. Я

¹ *Una corda* – от итальянского «одна струна». Приём игры на фортепиано, при котором молоточек бьёт только по одной из трёх струн. Звук получается отрывистый и глухой.

² *Rallentando* – «замедление». Указание играть постепенно замедляя темп.

проснусь, но мне всё равно не захочется двигаться.

Кейн откладывает мою карточку, трёт переносицу двумя пальцами. Поднимает на меня взгляд. И... я вздрогнул бы, если бы мне было хоть какое-то дело до происходящего. Но мне плевать. Так что я не вздрагиваю. Хотя Альбин Кейн сейчас очень страшен. Взгляд усталый, но совсем не добрый, о, вовсе нет.

– Ну, и что мы с тобой будем делать? – спрашивает он. Интонация слишком тихая и спокойная, чтобы сойти за доброжелательность.

– Зачем? – глупо спрашиваю я.

– Сим, ты хоть замечаешь, в какой момент кончаются игры и начинаются неприятности?

– Смотрю, я здорово вас достал, – бормочу я. И зеваю, не в силах более сдерживаться.

– Это да, – соглашается Кейн. – Твои демарши очень осложняют мою работу. Я мог бы ограничиться диагнозами и рецептами. Но ты калечишься всё больше и больше. Либо ты непроходимо туп и до тебя не доходит, что по ночам лучше не соваться под мосты. Либо тебя тянет туда так, что ты не можешь себя контролировать. Либо ты делаешь это назло мне. Все три варианта меня не устраивают.

– Я буду хорошо себя вести, сеньор Кейн, – заученно отвечаю я, глядя в потолок.

– Конечно, будешь.

О. Это что-то новенькое. Как он там всё время отвечал?

«Да ты каждый раз это говоришь, чтобы я отвязался», кажется, так. Он каждый раз это говорит, чтобы я не отвязывался. А теперь? Страшную кару небось придумал, ну-ну.

– Смотри, что у меня для тебя есть.

Кейн лезет в выдвижной ящик стола и спустя несколько секунд демонстрирует мне плоскую чёрную коробочку. От неё вниз тянется провод, который разделяется на ещё два, с круглыми утолщениями на концах. Я смотрю на коробочку. И до меня доходит, что это такое.

– Нет, – решительно говорю я, собрав остатки сил. – Ни за что.

– Сим, нет ничего постыдного в том, чтобы носить плеер.

– Ничего постыдного? – Я хочу возмутиться, но получается какой-то жалкий сарказм. – Да вы что, не знаете, откуда они пошли? Или, может, школьником никогда не были?

– Ты уже не маленький, пора бы знать, что музыкальные шкатулки, которыми умиряли одержимых, не имеют никакого отношения к плеерам.

– Да? И кто объяснит это моим одноклассникам? Может, вы?

– Никому ничего не нужно объяснять. Тебе тоже. Ты не обязан оправдываться. Твоя *una corda* – болезнь, а не вина перед обществом.

– А плеер – причина для насмешек.

– Нет, это великое открытие, которое спасло тысячи людей. Очень многие ходят в наушниках, и это позволяет им

вести полноценную жизнь. А вот ты, если так дальше пойдёт, однажды просто нарвёшься на каких-нибудь хулиганов, которые сбросят тебя с моста...

– И это будет в миллион раз лучше, чем просто лечь однажды и больше никогда не вставать!

В кабинете воцаряется тишина.

– Симэн Нортенсен, – терпеливо прикрыв глаза, говорит Кейн, – то, что твои одноклассники посмеются над тобой – всего лишь предположение. А вот то, что дела у тебя всё хуже – факт.

– Вы просто не хотите винить себя в моей смерти, – неохотно огрызаюсь я.

– Да я-то переживу как-нибудь.

Кейн отводит взгляд, невесело усмехнувшись. Что же, сеньор Кейн, один-ноль, этого я действительно не ожидал.

– Но подумай о своих родителях.

А вот это он зря.

– Хорошо. Подумал. Мой отец узнает о том, что я умер... ну, где-то через месяц. Разве что вы найдёте способ с ним связаться и велите вернуться в наш город. Чтоб был рядом в мои последние минуты.

– Я и не про него, – спокойно возражает Кейн. – Я про твою маму, Симэн. Представь, каково ей будет узнать, что ты отказался от лечения. Из гордости. Что ты умер не из-за болезни, не в очередном приключении. Из-за того, что побоялся насмешек.

Чёртов сеньор Кейн, лениво думаю я. То ли это было «два-ноль», то ли у меня уже нет сил спорить.

– Давай попробуем прямо сейчас, – предлагает он. – Подремлешь пару часов с плеером, а потом посмотрим, помогло или нет. Если не сработает, можешь его не носить. Я подумаю ещё.

Подремать пару часов? Я всё ему готов простить.

Где там ваш плеер?

Глава 2. Эгле

С музыкой у меня были свои отношения. В смысле, их не было. Синдром *una corda* фактически ставит запрет на звукомагию. По крайней мере, на той его стадии, которая была у меня. Я отлично понимал, что мне ничего не светит, так что подчёркнуто не интересовался музыкой. Я не знал ни имён, ни песен великих звукомагов. Ни за рубежом, ни среди моих соотечественников. Ни воинов, ни целителей. Это тоже отчуждало меня от сверстников, которые любили потрепаться о том, кто кому надрал задницу неделю назад в поединке. Но не думать о том, что слушаю, я не мог. Постепенно я начал подмечать общие закономерности. Интуитивно угадывать, где будет спад или подъём. Конечно, я по-прежнему не мог хвастаться знанием терминов. Что неудивительно, я же не пытался ничего специально запоминать.

Не знаю, на какой эффект рассчитывал сеньор Кейн. Но как-то незаметно у меня перестало хватать времени на то, чтобы шататься по подворотням и искать приключений.

Я по-прежнему не чувствовал себя полным энтузиазма по утрам, когда звонил будильник. Но в целом жить стало как-то легче. Раз в неделю я приходил к Кейну, и он заменял на плеере пару-тройку песен.

Не было в этих песнях ничего особенного. Ничего чарующего, выжимающего слезу или мгновенно дарующего радость жизни. Примерно те же инструменты. Один и тот же голос. Я не знал, кому он принадлежит, звал его просто «голос». Хотя, конечно, попытался классифицировать. Поискал информацию о диапазонах и пришёл к выводу, что Голос – баритон. Я почти не понимал, о чём он поёт, ведь наша родная алинга давно потеряла монополию на звукомагию. Теперь почти все известные песни исполнялись на языке Западного архипелага, кэлинге. Точнее, нет. Чтобы стать известными, им приходилось иметь текст на кэлинге. Вот так. Ну, какие-то познания в кэлинге у меня всё же имелись. Их хватило, чтобы немного разобрать слова. Насколько я понял, все песни, которые пел голос, были про любовь, про дружбу, про благородное дело риск, и ещё о том, как здорово летом танцевать на улице. Так что это, наверное, хорошо, что я почти не понимал текстов.

Без зубоскальств в классе, конечно, не обошлось. Но это были такие осторожные зубоскальства, которые не успели перерасти в серьёзные издевательства. Не успели, потому что над двумя смеяться сложнее, чем над одним.

Когда к нам перевелась Эгле, я только порадовался, что

теперь все отвлекутся на неё. Как это всегда бывает, расстановка сил и приоритетов длилась один урок. К перемене все уже определились с отношением к новенькой. Ну, понятно, девчонки в восторге не были. Сначала на всякий случай, а позже – потому, что в восторге были мальчишки. На третьем этапе девчонки разделились. Воображалы, которых было четверо, решили её игнорировать. Две странные подружки, Мари и Анна, стали вести себя дружелюбно, но сдержанно. Трое остальных напрасно ждали, пока она посмотрит в их сторону – чтобы налететь, всё объяснить, всё показать, помочь... короче, такой разрешённый способ порабощения. Предполагается, что новичок будет очень благодарен, потом его можно гонять со всякими мелочами.

Что касается мальчишек, я повторяю – они пришли в дикий восторг. И очень странно, что пришли. Эгле сама была похожа на мальчишку. Не было у неё длинных локонов – короткие светло-русые прядки, торчащие во все стороны, неровно подстриженная чёлка над серо-голубыми глазами. Не было и округлых форм, из-за которых удостаивались внимания воображалы. И даже хрупкой Эгле не была. Допустим, она вызывала бы желание покормить и защитить, это ещё можно понять. Но ведь не вызывала же. Она была поджарая и немножко угловатая, но не хрупкая.

Я так и не знаю, каким образом Эгле оказалась рядом с моей партией. В тот момент я сидел, переключая треки. С одной стороны, изображал человека крайне занятого и крайне

оторванного от реальности. С другой – пытался найти песню, которую ещё не успел заслушать до дыр. Я прогулял прошлую экзекуцию у Кейна, поэтому новых песен не получил. А в старых уже успел выучить все тексты, хотя понимал, может, слов десять. Ну, просто выучил, как последовательность звуков.

Эгле же стояла посреди класса, оглядываясь со спокойным любопытством. Будто это был безлюдный лес, а не шумный класс, и она хотела понять, в какой стороне искать чернику. Вот на этом моменте я потерял к ней интерес и принялся щёлкать кнопками. Так и не знаю, сколько времени прошло до того, как надо мной раздалось громкое:

– У тебя плеер!

От неожиданности я вдавил кнопку так, что три песни перещёлкнулись одна за другой и дали по слогу на кэлинге каждая. Я готов был поклясться, что в сумме это составило ругательство на алинге, возможно, чуть более грубое, чем я бы сказал при девчонке, но зато полностью отвечающее моменту. Самое интересное, что потом мне не удалось составить эту комбинацию заново. Так или иначе, я почти проникся благодарностью к Голосу. Ругаться вслух – значит, выражать эмоции и тратить энергию. Опасное удовольствие, если у тебя *una corda*. А тут он вроде как отреагировал вместо меня. Получилось забавно, так что теперь можно было не злиться на Эгле.

– У тебя плеер, – повторила Эгле, когда я вытащил науш-

ники и посмотрел на неё снизу вверх.

– Плеер, – подтвердил я.

И подумал, что интонация у неё какая-то странная. Как будто бы это такая примета: встретить человека с плеером – к счастью. Или как будто она проснулась сегодня с тремя ногами, весь день переживала, что у всех по две ноги, а у неё три, и вот нашла ещё одного трёхногого.

Ещё один трёхногий – это у нас я, значит.

Эгле, видимо, застеснялась, потому что весь класс на неё смотрел, она слишком громко сказала про плеер. Все обернулись, конечно. И я смотрел. А что делать? Не смотреть? Так ещё хуже, она же ко мне обратилась. Но что говорить или делать в таких случаях – понятия не имею. Лично знаю четверых, которые бы покраснели и убежали. Причём неважно, были бы они на моём месте или на месте Эгле. Естественно, мы не стали ни краснеть, ни убегать. Хотя момент был фатально неловкий. В конце концов, Эгле стиснула зубы, выпрямилась и сказала, уже гораздо спокойнее:

– Я болею. Мне тоже скоро придётся ходить с плеером. Очень боялась, что надо мной станут смеяться, и тут увидела тебя. Над тобой, кажется, никто не издевается, значит, и надо мной не будут.

Она обернулась к классу, впервые обводя их взглядом человека, смотрящего на группу людей, а не на предметы интерьера.

Клянусь, весь класс, все двадцать четыре крокодила,

включая воображал и самцов, все они дружно изобразили доброжелательность. Самое удивительное, что эта доброжелательность предназначалась не только Эгле, но и мне тоже.

Так у меня впервые в жизни появился друг. И надо сказать, это был отличный друг.

Глава 3. Май-маятник

Если верить мифу о Небесной Мельнице, погоду делает ветер. Он дует на четыре лопасти, вращая годовое колесо, и мельница перемальывает облака. Поэтому сверху постоянно что-то сыплется. То снег, то листья, то лепестки, то тополиный пух. Лично мне миф всегда казался нелогичным. Снег – ещё куда ни шло, но листья, лепестки и пух сыплются с деревьев, а не с неба. Эгле, впрочем, неуверенно предполагала, что просто миф пришёл с Восточного Берега. В смысле, в то время, когда там придумали тот миф, деревья были выше, а обитатели берега – меньше, и они очень редко смотрели вверх. Поэтому для них всё сыпалось с неба. Кейн предлагал восхититься тем, как древние люди прекрасно объясняли сложность мироздания. Ничего не зная о хлорофилле, они уже понимали, что у деревьев особая связь с небом.

Ну да, вот только эти древние люди точно знали, почему ветер дует. Потому что деревья качаются. Отлично они всё объясняли, ага.

Так вот, о ветре. Ему в этом году явно не доставало плотности. Очередная лопасть то ползла вперёд, то откатывалась назад. Весна безнадежно застряла в детском, майском состо-

нии, даже не думая превращаться в лето.

Сегодня я покидал школу последним. По крайней мере, так мне казалось, пока я шёл по гулкому пустому коридору. Una corda не освобождает от дежурств по классу, ха. Тем более, я же у нас теперь полноценный член общества, ведущий полноценную жизнь, благодаря новейшим технологиям.

Впрочем, ядом я плююсь, пожалуй, больше по привычке. В конце концов, новейшие технологии – очень неплохая штука. Год назад после дежурства я бы отправился прямым домом, где либо тут же заснул, либо уныло пялился в стенку. А сегодня – нет, никаких «домой», я иду слоняться по городу вместе с Эгле. На правах старожила я показываю ей всё, что в Ленхамаари есть интересного. Да, ведь она не просто так перевелась к нам в конце года. Ну, то есть в Ленхамаари она приехала потому, что тут жил Кейн, один из лучших специалистов по лечению болезней внутренней мелодии. Но дело в том, что её мама была скульптором-недочкой. Когда они с Эгле узнали, что в Ленхамаари обитает Кейн, сеньора Элинор Вайс сочла это знаком свыше и решила заодно завершить обучение. А набор в художественной школе начинался в конце мая. Итак, в апреле они переехали, и четвёртую четверть мы с Эгле начали вместе.

...Когда я наклонился, чтобы зашнуровать кроссовки, почувствовал, что голову мягко повело. Это не было похоже на темноту, ударяющую в глаза изнутри, когда резко встаёшь. Точнее, нет, похоже, но совсем не так. Ощущение словно бы-

ло... не такое телесное, что ли. Надо спросить у Кейна, как это правильно называется.

Сзади в открытое окно на меня налетел ветер и тут же стих. Подождав, пока головокружение пройдёт, я обернулся. Школьный двор неторопливо пересекал какой-то старшеклассник. С минуту я пялился ему в спину, силясь понять, кто это. Самое дурацкое, что потом я пытался понять, зачем мне так важно было узнать его. Этот вопрос пришёл ко мне в тот момент, когда старшеклассник свернул за угол.

Ага, тупить начинаем, значит. Обычная вялость мозгов при una corda. Коротенькие мысли, коротенькая память. Неспособность сложить два и два. Новейшие технологии, ваш выход.

– Нортенсен!

Отлично. Не успел.

Сморгнул. Блёклые пятна стали резче и обрисовали в пространстве образ директрисы. Правда, пятна могли оставаться пятнами. Я бы всё равно узнал старую добрую Хлою. Мы слишком часто видимся.

– Да, сеньора?

Мутно-голубые глаза за стёклами очков обеспокоенно смотрят на меня.

– Тебе нехорошо?

Скоро будет, думаю я. Но лучше всё решить сейчас. Кто знает, когда ей в следующий раз приспичит поболтать.

– Всё в порядке, сеньора. Только у меня не очень много

времени. Меня... ждёт друг.

Что? Что за странное выражение лица у неё сейчас сделалось?

– Друг? – переспрашивает она.

– Эгле Вайс, – поясняю я.

Исчерпывающее объяснение, казалось бы. Благовоспитанный мальчик пошёл гулять с благовоспитанной девочкой. Только вот я не был благовоспитанным. Наверное, Хлоя беспокоится, что я плохо влияю на благовоспитанную девочку Эгле. Вот и строит такие рожи.

Или нет. Странно. После этого её лицо несколько смягчилось. Но во взгляде проскользнуло... разочарование?

– Хорошо. – Хлоя прикрывает глаза. – Рада, что у тебя всё в порядке. Значит, получилось завести друзей в своём классе?

О чём это она?

– Скорее, это у Эгле получилось. – Я изображаю вежливую улыбку. – Она первая ко мне подошла.

– Какая молодец, – одобрительно говорит директриса. – Нелегко бывает влиться в чужой круг.

Я пожимаю плечами и смотрю на неё недоуменно. Какой у меня может быть круг? Или она думает, что класс – это коллектив? Не может быть, чтобы Хлоя оказалась такой же дурочкой, как некоторые молодые училки. Она не первый год в школе. Она не может не понимать, что в школе каждый сам за себя. Альянсы заключаются по тысячам причин. Но ни од-

на из них не звучит так – «потому что мы одноклассники».

Ну, кроме тех мимолётных моментов трогательного единства во время контрольных. Там-то да, там легко сосчитать, сколько у тебя лучших друзей. Берёшь количество учеников в классе и вычитаешь единичку.

Видимо, я слишком долго и слишком недоуменно молчу. Потому что Хлоя тоже поднимает нарисованные брови:

– Я думала, ты дружишь с ребятами из старших классов, разве нет?

– Старшаки с нами даже не здороваются, – растерянно говорю я. Ага. Вот так. Ко мне подбирались. И до сих пор подбираются. Но зачем?

Дурацкая *una corda*.

– М-да? – недоверчиво говорит Хлоя. – Значит, ты ничего не знаешь о мальчике по имени Кори Мит?

Странное имя. Имя ли вообще? Больше похоже на погремуху. Старшаки с погремухами, похожими на девчоночьи имена, редко бывают милыми ребятами с высокими идеалами.

Отрицательно мотаю головой. Хлоя натянуто улыбается:

– Тогда ладно. Хорошей вам прогулки. Не бродите до ночи, хорошо?

Мы обмениваемся улыбками, и она уходит. Я плюхаюсь на скамейку. Замечаю на себе неприветливый взгляд вахтёра. Тот отворачивается, но и я уже не смотрю на него. Моё внимание поглощено новейшими технологиями.

Что-то очень тёплое и ритмичное... нет, почти все песни в нынешнем сете такие, но эта особенно тёплая. Нажав кнопку «пуск», я представляю себе жидкий свет, пробегающий от джека и распадающийся на две струйки – к наушникам.

Всю первую песню я просто оттаиваю и прихожу в себя. На второй начинаю болтать ногами и уже пытаюсь думать.

И мне становится так стыдно за свою несообразительность, что я чуть не перестаю думать.

Ну конечно. Во-первых, отлично я знаю это головокружение. Просто раньше оно не было болезненным. Это ощущение «рядом что-то происходит». Кейн прав, людей с una corda часто тянет в неприятности, а ещё к опасным людям. Это наш способ подзарядки. Мы лезем к истеричкам и паразитируем на них. Причём неважно, восхищают они нас или раздражают. Это шанс что-то чувствовать. Поэтому на моём счету, хоть я весьма хилый, больше драк, чем у иного школьного хулигана. В последнее время, правда, без этого можно обойтись. Наверное, что-то во мне изменилось из-за музыки, и мне больше не подходит такой способ подзарядки.

Значит, тот старшекласник, который проходил через двор у меня за спиной, опасен.

Теперь Хлоя. За последний год я был у неё на ковре примерно сто тысяч миллионов раз. Теперь ясно, она надеялась, что я снова связался с плохой компанией. Вот почему она так изменилась в лице, когда я сказал, что меня ждёт друг. Потому что Кори Мит тоже оставался в школе. Наверное, Хлоя

вообразила, что мы готовимся провести приятный пятничный вечерок за изблением детей и женщин. А я бы легко мог заложить дружка. Это была бы хорошая разводка на сильные эмоции.

Ну почему Хлоя – именно Хлоя? Почему она не может быть обыкновенной училкой, которая не учитывает ничьих особенностей? Хотя, наверное, я сам виноват. Слишком часто ссылался на свою болезнь, и вот теперь Хлоя слишком много знает про *una corda*. Надо быть паинькой и держаться от неё подальше.

И ещё. Хорошо бы узнать, насколько опасен этот Кори Мит. Я бы забил, но теперь, когда поблизости постоянно была Эгле... короче, я не мог втягивать её в неприятности.

Неважно, что она об этом думает. Если ей захочется неприятностей, пусть ищет их сама. Я присоединюсь, конечно. Но в свои втягивать точно не буду. Мои неприятности – это только мои неприятности. И точка.

Глава 4. Соединение установлено

Эгле стояла ко мне спиной. Временами делала несколько медленных шагов вперёд и снова останавливалась. Я смотрел на неё и гадал, какое у неё сейчас выражение лица. Она шла уже минут десять. Всё шла и никак не могла пройти эти жалкие сорок метров, которые я наотрез отказался идти вместе с ней. У меня исчезающе мало принципов, связанных с взаимоотношениями. И вот это был один из них. Знакомство с морем – это то, что надо совершать в одиночку, если есть

такая возможность. По правде говоря, я всегда считал, что в Ленхумаари только одна достопримечательность – вот этот песчаный пляж, поросший морской мятой, пустой практически в любое время года. И живое огромное пространство, начинающееся за ним, чаще всего – серебристо-зелёное.

Ну, ещё в списке достопримечательностей Ленхумаари был Альбин Кейн, конечно же.

Была и другая причина, по которой я не пошёл с Эгле. Её болезнь отличалась от моей. Очень странно получилось. Мой синдром описывался словами, которые означали приглушённость и слабость. *Una corda* – указание для пианиста нажать левую педаль, которая заглушит две из трёх струн под ударом молоточка. А Эгле была резонатором. С ней происходило то, что происходит с фортепиано, когда зажата правая педаль и все три струны открыты. То есть не три, а три умножить на восемьдесят восемь. Ничего так диапазон. В этот момент фортепиано реагирует на любой звук. Струны начинают резонировать, стоит только хлопнуть в ладоши рядом или просто что-нибудь сказать.

Вот и с Эгле было так же. Она очень легко поддавалась влиянию чужой мелодии. Они заполняли её полностью. Она как будто становилась другим человеком. Всё и так достаточно сложно, когда ты подросток. Просто представьте, насколько всё может быть хуже, когда ты – совершенно точно не ты, и каждый день по-разному. Это не означало, конечно, что у неё не было собственной мелодии, просто из-за тысяч

чужих было трудно её выцепить. Не такая опасная болезнь, чтобы умереть, но свихнуться годам этак к шестнадцати – очень даже можно. С этой точки зрения, я был не таким уж плохим вариантом друга, который вечно крутится поблизости. Конечно, со стороны мы казались просто двумя большими *una corda*. Но зато слабенькая моя мелодия почти не глушила внутреннее звучание Эгле. Всех остальных я тоже не глушил. Но из-за меня они держались подальше. Такой резонанс Эгле было легче переносить. Так сказать, я ей не очень мешал, в отличие от большинства здоровых. И делал так, чтобы они не мешали. Здоровые вечно чем-то недовольны. Не то чтобы без причин. Но одно дело – ныть из-за собственных проблем. И совсем другое – часами переживать из-за людей, с которыми ты даже не знаком.

...Эгле несколько минут стояла у серебристо-зелёной кромки, глядя, как волны набегают на берег и откатываются обратно. Ей не пришлось в голову снять туфли и зайти в воду. А может, и пришлось, просто она решила этого не делать. Когда она всё-таки захотела коснуться морской воды – опустилась на колени, протянула руки к волнам и сидела так долго-долго.

Когда она снова подошла ко мне, по её лицу было совершенно невозможно понять, что она чувствует. «Что, если у моря тоже есть мелодия, и сейчас она отозвалась у Эгле резонансом?» – пронеслось в мозгу.

– Ну как? – спросил я.

Эгле медленно покачала головой.

– Я специально пыталась запомнить слова, которыми буду рассказывать впечатления... но сейчас снова слышу тебя. И ничего не изменилось. А значит, – она чуть-чуть улыбнулась, – ты думаешь про море точно то же самое. Значит, ты знаешь – как.

Я знал. Конечно же, я знал. И просто молча кивнул, когда она договорила.

Хорошо, что она теперь тоже знала. И ещё лучше – что знала то же самое. Вернее, так же.

Потом мы ушли немного дальше, к скалам. Там, на пригорке, мы разбили лагерь. Остаток вечера мы грызли вафли и болтали. Так оживлённо, как только могут болтать два человека с *una corda*.

– Почему-то все странные слова как-то связаны с фортепиано, – сказала Эгле после продолжительной паузы. – Никогда не замечал?

– Странные? – Я запустил камешком в сторону моря. Не добросил, конечно.

– Ну, например, наши болезни.

– Не просто замечал, – хмыкнул я. – Так и есть. Всякими названиями занимаются теоретики. А теорию легче всего объяснять на фортепиано, её пианисты и придумывали.

– Не знала. – Эгле потянулась за вафлей.

– Да ладно. Это же в началке объясняют.

– В началке я занималась дома, – сухо ответила Эгле. –

Возможно, репетитор как раз хотел мне об этом рассказать, когда мне стало нелегко беспокоиться, выключен у него дома уют или нет.

Я мысленно отвесил себе пинка.

– Извини.

– Не парься. По тебе не видно, но я-то знаю, что ты раскаиваешься.

Она улыбнулась краешком рта. Я оценил этот подвиг ответным сокращением лицевых мышц. И поклялся больше никогда не упрекать её за то, что она чего-то не знает.

Но только её, конечно.

– Так вот. – Прокашлявшись, я начал снова. – Есть миф, что люди раньше были птицами. Поэтому петь они умели всегда. Потом те из них, что произошли от дятлов, придумали ритм и барабаны. Те, что произошли от певчих птиц, придумали флейты и мелодии. Это были два рода с разных территорий, там ещё душещипательная такая история была, он, мощный, словно раскаты литавр, она, нежная, словно песнь флейты... не суть, в общем, там всё как обычно. Главное, что в конце этой истории удар объединился с мелодией, так появился третий род – струны.

– А когда появляются пианисты? – Эгле подтянула ноги к себе и обхватила их руками. Майская земля ещё не прогрелась, а солнце почти село.

Я наморщил лоб, восстанавливая в памяти цепочку событий.

– Ну... до этого ещё далеко, – наконец сказал я. – Люди ведь не сразу поняли, что музыка – это магия. И фортепиано... для него же требуется объединение рода барабанов и рода струн. Пианисты вообще не очень древние. Сначала род флейт придумал магию и стал первой магической школой.

– Мелодия Духа, – обрадовалась Эгле. – Так вот откуда они взялись.

– Ага... ну вот, как раз перед тем, как их разогнали, появились пианисты. Они-то их и разгоняли, собственно... Но это ты уже знаешь. – Я с надеждой посмотрел на Эгле. К счастью, она действительно кивнула.

– Да, помню. Была большая резня, потом все очень долго не любили пианистов.

– Да их и до этого не очень-то любили.

– Почему? – Эгле посмотрела на меня с едва заметным удивлением. – Нет, мне бы тоже было стрёмно находиться в одной комнате с человеком, если бы я знала, что он легко свернёт шею самому страшному звукомагу. Это я могу понять. Но когда об этом ещё не подозревали...

Я вздохнул. Так глубоко я не копал. Точнее, копал, но очень давно. Причинно-следственные связи за это время благополучно перетёрлись.

– Ну, они вроде как с самого начала были не очень-то белыми и пушистыми... Звукомагия была в то время немного не такая, как сейчас. Прямо скажем, ею не любая кухонная курица могла пользоваться. В самом начале ещё и нельзя

было обходиться без инструмента. Если ты – звукомаг, то ты контролируешь весь свой инструмент. Греешь его. Практически кормишь собой. А ведь самый маленький рояль был больше самого огромного пианиста.

– С катушек слетали? – понимающе спросила Эгле.

– Вроде того, – пожал плечами я. – Вот один такой слетевший и придумал играть на воздухе. Он был боевым звукомагом. Там у Западного архипелага с Континентом войнушка случилась, он участвовал. Когда перемирие объявили, ему за каким-то тритоном надо было присутствовать... ох, не помню. – Я бросил на Эгле извиняющийся взгляд. – Войны я ещё более или менее различаю, но кто у кого был на торжественном приёме и зачем...

– Неважно, – нетерпеливо отозвалась Эгле. – Пианист.

– Да. Пианист. Короче, был он на территории проигравшей страны. Где многие его знали и очень не любили. Фортепиано же в то время было вроде пушки, диапазон-то огого. Один пианист берёт пару аккордов – и вот человек двадцать уже лежат и помалкивают. Там, в столице проигравшей страны его и встретила почётная комиссия. А он к тому времени уже так уколдовался, что перестал понимать, когда он за клавишами, а когда – нет. Ну, и сбавил прямо по воздуху... бедняг по стенам размазало. И знаешь, когда он понял, что играл на воздухе?

– Когда забеспокоился, что клавиши забрызгал? – Слабая улыбка, но ощутимо ехидная.

– Точно. Оказалось, что та часть музыки, которая и есть магия, не зависит ни от струн, ни от деревяшек. Остальные пианисты живенько посадили первооткрывателя на музыкальную шкатулку и стали исследовать звукомагию.

– На музыкальную шкатулку? – тихо переспросила Эгле, глядя прямо перед собой.

Я понял, что она не требует объяснения, а выражает эмоции по этому поводу. Все счастливые обладатели плеера знают, что его предком была музыкальная шкатулка. Они полагались всем сумасшедшим и одержимым. Внутренняя мелодия постоянно подавлялась мелодией шкатулки. Это превращало человека в овощ. Но зато в таком виде он был безопасен для общества.

Пугающее наследие Мелодии Духа. Единственное, что от них оставили пианисты в те жуткие годы. Неудивительно, что все так ненавидели и пианистов, и адептов Мелодии Духа. Но ладно уж, может, не так всё плохо, раз эта страшная штука мутировала в плеер.

– Ну, – невесело хмыкнул я, – как это у нас обычно бывает с первооткрывателями...

Мы помолчали, глядя на небо, где было всё меньше красного и всё больше синего.

– Пойдём? – предложил я. – Нам ещё в город возвращаться, а автобусы отсюда ночью не ходят.

Эгле рассеянно взглянула на меня. Судя по её лицу, она повернулась на звук моего голоса, а слов не разобрала. Я

вздыхнул.

– Домой пора, говорю.

Недоумения на лице Эгле не убавилось.

– Ты же теперь тут живёшь, – вкрадчиво начал я. – Мы можем приехать сюда в любой день. И даже когда будут уроки. Скажем, что у нас приём у Кейна, и сбежим.

– А ты захочешь сюда? – Она смотрела на меня очень серьёзно.

Вот глупая. Как можно сюда не хотеть.

Примерно в этом смысле я и выразился. Лишь после этого Эгле согласилась взять обратный курс. И всю дорогу до остановки то и дело улыбалась.

Шли мы в молчании. На разговоры на ходу меня уже не хватало. Но когда мы сели в автобус, Эгле вдруг встревожено сказала:

– Знаешь, а я тебя плохо слышу. Мне ещё на берегу показалось.

– Меня всегда плохо слышно, разве нет? – пробурчал я. – Всё в порядке. Уж не хуже, чем днём.

Эгле помолчала. Видимо, прислушивалась. Потому что потом она сощурила глаза и прошипела:

– Ну и придурок же ты...

Демонстративно достала плеер и надела наушники. Я немного смутился. Ну да, я стесняюсь сидеть при ней в наушниках. Мы же вроде как разговариваем. Дотянул бы до дома, подумаешь.

Но я всё-таки достал свой экземпляр новейших технологий. Эгле это, однако, не успокоило.

– Почему ты его не включаешь? – спросила она через пару минут.

– С чего ты взяла? – как можно более равнодушно удивился я.

У неё иронично изогнулась бровь:

– Хочешь сказать, это ты переживаешь из-за неверной жены? Многого же я о тебе не знаю.

– Чего? Ну... – Я бросил взгляд в сторону лысины, покачивавшейся над спинкой водительского кресла.

В автобусе мы были одни.

– А ты её уже застукал? – не унималась Эгле. – Ну, хоть раз?

– Тихо ты, – шикнул я, кивая в сторону водителя.

Эгле тоже посмотрела на лысину и зажала себе рот обеими руками.

– Ой, – шёпотом сказала она, слегка краснея. – Надеюсь, он не слышал.

– Я тоже. Будет очень неловко, если он вышвырнет нас тут. Следующий автобус только утром.

– Не забалтывай меня, – твёрдо перебила Эгле. – И не ври. У тебя плеер разрядился, что ли?

– Угу, – со вздохом сознался я. – Да нормально всё, ещё пару часов я точно проживу.

Не стоило мне так выражаться. Эгле перестает понимать

шутки, когда речь идёт об *una corda*. Это жаль, за последние три года я придумал много смешных.

– По-моему, – осторожно начал я, – так делать нельзя.

Эгле сидела, угрожающе направив на меня наушник своего плеера.

– Почему? Кейн не велел? – насмешливо спросила она.

– Нет, – мрачно отозвался я, – законы звукомагии. Ты что, думаешь, любая музыка сгодится для подзарядки?

– Моя музыка – для подзарядки.

– Врёшь, тебя только стабилизируют.

– В этот раз ещё и подзаряжают.

Я адресовал ей самый угрюмый взгляд, на который только был способен.

– Это ты от меня нахвоталась? *Una corda* теперь ещё и разна?

Эгле прикрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула. Открыла глаза. И очень спокойно сообщила:

– Если ты сейчас же не возьмёшь наушник, я тебя стукну.

– Даже если твоя музыка для подзарядки – это музыка для подзарядки тебя, а я...

– Стукну, – веско повторила Эгле.

– Ладно, – сдался я. – Можно, я скажу Кейну, что ты мне угрожала, если он спросит?

– Откуда он узнает, что нужно спрашивать? – удивилась Эгле. – Или ты думаешь, что из-за пары моих песенок ты превратишься в меня?

Честно говоря, примерно об этом я и думал. Вот только боязнь подхватить чужой эмоциональный фон... наверное, это не та тема, которую мне стоило обсуждать с Эгле. Она имела полное право в лучшем случае счесть это трусливым хныканьем, а в худшем – смертельно обидеться. С другой стороны, не у Кейна же спрашивать. Конечно, предполагается, что именно у Кейна, но... нет.

Нет.

Итак, дать ответы мне мог только собственный опыт. Я взял предложенный наушник.

Музыка была немного похожа на ту, что поддерживала во мне жизнь. Только более яркая, броская, лёгкая и быстрая. Солист тоже пел баритоном, только Голос был не таким высоким, чистым и... маневренным, что ли. И этот маневренный голос был не один, там был почти всегда хор, в качестве основной мелодии или подпевки. Такой многоцветный и многоголосый. Я слушал с закрытыми глазами. А когда открыл глаза, обнаружил, что мир неуловимо изменился. Чётче стали ощущаться запахи. Я понял, что мне ужасно нравится вид за окном. Нравится ехать в автобусе. Поймал себя на лёгком чувстве вины перед водителем. И ещё многое, многое другое. Всё дальше и дальше, с каждой нотой.

...Дома я отболтался от ужина. Первым делом, как только мне удалось проникнуть в свою комнату, поставил плеер на зарядку, потом выдернул лист из тетради и записал:

«Эгле

не любит больших бабочек, громкий шум, говорить шёпотом, темноту, гипсовые статуи, школьные экскурсии, стразы, малину, старые зеркала, шерстяные носки, дождь, щелчки метронома

любит перчатки без пальцев, печёную картошку, карамельки, овсяное печенье, самодельные украшения и игрушки, прозрачные пуговицы, высоту, скорость, запах горячего металла, старые фильмы, книжки про космос и Тихие Земли, морскую мяту».

Внимательно перечитал оба списка, убедился, что больше ничего не вспомню. И лишь после этого плюхнулся на кровать, надев уже свои наушники.

У меня там была неудачно нажата пауза – на хвосте закончившейся песни, а не в начале следующей. Когда я включал плеер, снова ткнул не туда, и песня запустилась с начала. Я не стал переключать. Не потому что записал эту песню в любимые, не потому что мне было лень. От удивления, вот почему. Она звучала теперь совсем по-другому. Да, это всё ещё был Голос, всё ещё та музыка, которую я уже давно считал чем-то вроде своей крови. Но после песен из плеера Эгле она, эта музыка, как-то вдруг... распахнулась, раскрылась, набрала ещё больше цвета. Я бы сказал, что теперь она была не сама по себе. Ещё через полчаса подумал, что, наверное, у меня просто есть возможность сравнить.

Перед сном понял окончательно. Это была не возможность сравнения, а следующая глава. Белое пятно карты, пе-

реставшее быть белым. Контекст. Зря я боялся, что из-за Голоса забуду всё, что узнал про Эгле. Не забыл. И даже вспомнил ещё кое-что.

Похоже, теперь я лучше относился к самому себе. Чуть-чуть, но лучше.

Надо показать ей Голос, сонно подумал я. И тут же – ах да, она слышит меня, значит, и так знает. Здорово. Интересно, у нормальных людей, которые всё чувствуют и выражают самостоятельно, тоже так, когда у них есть друзья?

Глава 5. Я один

– Привет.

Я сел на лавочку рядом с Эгле и принялся расшнуровать правый ботинок. Ботинки были новые, мы только вчера ходили с мамой за ними, и вот за дорогу до школы они успели натереть мне мозоль. Я подозревал, что это случится, я не в ладах с новой обувью, так что захватил с собой пластырь.

– Привет, – угрюмо отозвалась Эгле.

Я оставил ботинок в покое и разогнулся.

– Что-то случилось?

Эгле как-то странно посмотрела на меня.

– Нет. Ничего.

Правый наушник болтался на проводке, значит, левый был у неё в ухе. Странно. Обычно мы отключаем плееры, когда разговариваем друг с другом. Ну, хотя бы когда здороваемся. Что касается Эгле, то она и вовсе почти не доставала плеер в школе.

– Ничего? – переспросил я, выразительно посмотрев на наушник.

– Ничего.

– Ничего, значит.

Молчание. Мимо с хохотом и гиканьем пронеслось несколько третьеклассников – звонок ожидался через пять минут, холл уже почти опустел. Пожав плечами, я вернулся к своим мозолям. Убедившись, что пластырь не слетит, надел ботинок, зашнуровал. И только после этого предпринял ещё одну попытку коммуникации:

– Мы идём на урок?

– Идём.

Интонация у Эгле была всё такая же механическая. Резонировать со мной она не могла, у меня сегодня было на редкость хорошее утро. Я ещё раз внимательно присмотрелся к ней. Нет, ничего. Только вот...

Сумка. Она обычно носит сумку на ремне через плечо. А сейчас держала её за короткую ручку, как обычно держат портфели. Разлохмаченный конец лямки высовывался из-под крышки. Проследив за моим взглядом, Эгле быстро сунула измочаленную лямку поглубже под крышку.

– Что случилось? – с нажимом спросил я.

Эгле посмотрела на меня тяжело и устало:

– Опоздание на математику, вот что случилось. И случится долгая вонь дорогой классной, если мы не поторопимся.

Ладно, подумал я, если Эгле не хочет говорить, я всё рав-

но узнаю. Но сейчас и в самом деле не лучшее время.

Всю математику я просидел как на иголках. Что такого могло случиться? Что её так расстроило? Она была не тем человеком, которого могла вывести из себя лопнувшая лямка. Насколько я знал, даже дома её не ждали никакие страшные кары за испорченные вещи. Да и семья, которая смогла себе позволить переезд в Ленхамаари, вряд ли разорится из-за покупки новой школьной сумки.

Я бросил взгляд на сумку Эгле, лежавшую подле её парты. И заметил ещё кое-что. Лямка оторвалась не потому, что не выдержали нитки, которыми она была пришита к сумке. Пришитый кусочек был на месте и тоже лохматился.

Выходит, лямку перерезали?

Великая Изначальная Гармония.

– Кто? – прямо спросил я, подсакивая к парте Эгле, скорее, пока она не ушла под каким-нибудь предлогом.

Глаза у Эгле по-прежнему были такие же тёмные и уставшие, как и её голос.

– Не знаю. – Она вяло пожала плечами. – Кто-то из старшаков. В следующий раз постараюсь побыстрее пройти вахтёра. И буду следить, чтобы сзади стоял кто-то знакомый. И тебе советую. Извини, мне надо выйти.

Она аккуратно обошла меня. Я остался стоять, глядя ей вслед. На самом деле, у меня остались вопросы. Но уже через минуту они перестали быть актуальными. Мне вдруг вспомнилось ещё несколько эпизодов.

Эгле стоит около урны, держа в руках шнурки от спортивных кроссовок. «Наступила, а они порвались. Да ладно, уже были грязные, сама хотела выкинуть».

Эгле не идёт в столовую, когда наступает время обеденного перерыва. «Ты ведь тоже не питаешься в столовой? Я составлю тебе компанию».

Эгле опаздывает на урок, а появляется мокрая и злая. «Около дома трубу прорвало, какой-то лихач пронёсся по луже, бывают же гады».

Значит, над ней целенаправленно кто-то... издевается?

Невероятно. Над нами никогда никто не смеялся. В нашем классе мы давно уже считались крутыми – потому что не реагировали. Мы оставались спокойными всегда. Когда случались внезапные контрольные, когда отменяли уроки, когда проводились внеплановые пожарные тревоги – мы сохраняли спокойствие, достойное индейских вождей. Нас ничем было не пронять, поэтому одноклассники даже гордились нами.

А тут.

Вернувшись на своё место, я принялся рыться в рюкзаке. У меня резко испортилось настроение. Через пару минут оно испортилось ещё сильнее. На всякий случай, я вытряхнул из сумки всё на парту. Так и есть. Плеер мой был дома, лежал около подушки, теперь-то я вспомнил, как забыл взять его с собой.

Ну нет, нет, люди не бывают настолько тупыми. Даже если

они – я.

Ещё одно прочёсывание сумки доказало – бывают.

Переживу, наверное, решил я. Главное, чтобы больше никакой фигни не случилось.

После уроков Эгле быстро собрала сумку, надела наушники и, так и не взглянув в мою сторону, пошла прочь. Она удалялась так поспешно, что я нагнал её только у выхода из школы. Поскольку у меня постепенно терялось всякое воображение, я так и не придумал, что ей сказать. Просто пошёл рядом, как будто бы она не пыталась меня игнорировать.

– Я не домой, – предупредила Эгле. – У меня ещё Кейн.

– А, – сказал я, – это хороший повод сохранять кислую рожу так долго.

Эгле промолчала. Видать, дело совсем было плохо. Где «от кислой рожи слышу»? Где злобные подколки по поводу текстов песен в моём плеере?

– Слушай, – осторожно начал я, – как ты думаешь, зачем они всё это делают?

– Сим, ты что, первый год в школе? – сухо спросила Эгле. – Ты что, не знаешь, что сильный жрёт слабого не затем, чтобы выжить, а потому что может?

– Но я думал, резонанс...

– Так ведь над ними в толпе не загораются надписи «скотина тут», Сим! – воскликнула Эгле. Светлые брови взметнулись, образовав обиженную морщинку на лбу.

– Значит, ты не знаешь, кто это был? – Как я и гово-

рил, способность делать выводы потихонечку куда-то утекала, вместе с воображением.

– Нет, – сердито ответила Эгле.

– Просто может такое быть, что я знаю кого-то из твоего фанклуба.

– Ну и здорово.

Она сунула руку в карман с плеером, теперь мне была слышна партия ударных в песне, которая играла в наушниках. Хуже некуда.

Но я очень способный.

– Да не парься, – сказал я, – скоро каникулы, а там-то они до тебя не докопаются.

Эгле бросила на меня такой взгляд, что я мгновенно осознал, какую тупость сморозил. Нет пределов моей способности всё портить. Сказать такую трусливую чушь, и кому – Эгле, которая говорит прямо, Эгле, которая не отступает, Эгле, которая не притворяется.

Короче, я сказал это Эгле, и лучше бы я забыл плеер в недельной школьной поездке и сдох на обратном пути.

Так я думал, идя домой. Через некоторое время оказалось, что сдохнуть я очень даже могу.

В середине лба расплзалась тупая боль – пожалуй, скорее, тяжесть, а не боль. Но этого вполне хватало, чтобы утратить способность думать связно. Тело тоже стало тяжёлым и неловким.

Раздражало всё. Абсолютно. Но раздражение тоже было

вялым и каким-то глухим. На Оранжевой улице мне встретились какие-то весельчаки, посоветовавшие мне «улыбаться и не париться». Перестрелял бы. Придурки. Хотя нет. Не перестрелял бы. Даже если бы мог. Меня сейчас едва хватало на то, чтобы идти. Мысли были короткими. Я ощущал себя неповоротливым. Никчёмным. Тупым. Почти несуществующим.

Доползти. Домой.

...Я упал на кровать. Два раза уронил наушники, пытаюсь их надеть, запутался в проводах. Если бы у меня было чуть больше сил, я бы разрыдался от злости. А так я просто сидел, бессмысленно уставившись на чёрный узел.

Состояние, в котором я терял способность двигаться, было у меня дважды. Первый раз – в раннем детстве, когда началась осень, и у нас под окном завяли цветы. Всё пожухло, небо посерело и начался дождь. Наверное, я испугался, что так теперь будет всегда. В каком-то смысле, так и вышло.

Второй раз случился перед моим знакомством с Кейном. Собственно, именно поэтому я и познакомился с Кейном. Это он тогда меня вытащил.

И теперь вот третий. Я сижу, словно тупая неподвижная кукла, в двух шагах от спасения. И не могу просто надеть эти дурацкие наушники. Если мама вернётся с работы пораньше, может, догадается. Может, зайдёт в мою комнату и догадается включить плеер.

Хотя какая разница. Даже если я и не дотяну до этого

времени. Насколько надо быть неудачником, чтобы получить лекарство, забыть его дома, успеть до него доползти и не успеть использовать?

Вот это да. Я сейчас отключусь. Так и не успею помириться с Эгле.

Почему-то это сработало как удар током. Не слишком сильный, но я всё же дёрнулся. Смог только взять наушники... и тут же меня накрыло душной темнотой. Тупая боль во лбу расплзлась на всю черепную коробку.

Нет, успел подумать я, не надо. Ну почему всё так по-идиотски.

Смешно, но именно эта мысль вытянула меня на поверхность темноты. А в следующий момент – вероятно, этот момент длился около двух минут – у меня получилось даже немного обалдеть. Наушники по-прежнему были у меня в кулаке, но я каким-то образом слышал песню, игравшую на плеере. Оказывается, он был включен всё это время.

Тёплая светлая волна переливчатых струнных аккордов толкнулась сильной долей в пульсации моей крови. Я почувствовал, что оживаю. Пожалуй, не такой уж я неудачник. Если плеер был включен всё это время и не разрядился, если он работает ещё и таким образом...

Голос выводил незатейливую мелодию, я слушал, понемногу оттаивая. Уже через двадцать минут я оттаял настолько, что вспомнил о недочитанной книге и смутно обрадовался. Не потому, что она мне очень нравилась и было бы обид-

но умереть, не дочитав её. Просто её мне дал мой единственный друг, с которым я так по-дурацки поссорился. У меня был отличный повод снова заговорить с Эгле, если завтра она всё ещё будет дуться. Обсудить интересную книжку – по моему, это замечательная тема даже для разговора с лютым врагом. Насколько я знал, Эгле была того же мнения.

«Спасибо, Голос, – подумал я, – кто бы ты ни был и где бы ты ни был сейчас – спасибо».

«Ты не один», – отозвался Голос.

Да, да, знаю, это просто была единственная строчка в песне, которую я понимал. И даже просто удачным совпадением могло считаться только то, что я услышал её сразу, как поблагодарил Голос. Но тем не менее.

Домашки задали мало, ведь мы почти дожили до каникул. Так что остаток вечера я провёл за книжкой. Это пока было всё, что я мог сделать, чтобы помириться с Эгле. Может, когда *una corda* перестанет ставить палки в колёса моим попыткам думать, я даже вычислю тех скотин и сочиню страшную месть.

«Размечтался», – явственно послышалось мне. Нет, точно послышалось, подумал я, песня-то на кэлинге. Хотя было бы забавно, я почти улыбнулся.

На всякий случай я воткнул наушники в уши. Всё-таки, слушать их руками – это немного странно.

Поскольку мои ботинки исчерпали запас сюрпризов, сего-

дня я появился в школе гораздо раньше. Сидел и буквально ногти грыз. Нормально ли будет заговорить с Эгле как ни в чём не бывало? Что делать, если она меня пошлёт подальше? Уйти подальше? Или продолжить говорить? Вернуть книжку сразу? Сначала поздороваться? Использовать книжку как тему для начала разговора или оставить как запасной вариант?

Почему всё так сложно-то!

Пока я терзался, Эгле вошла в класс. Не взглянув на меня, села на своё место. Я заметил, что сумка у неё та же, но лямка уже аккуратно пристрочена.

Интересно, какое объяснение получила сеньора Элинор.

Она доставала из сумки тетради, ручки, учебник, а я стоял у неё за спиной, не решаясь заговорить.

– Привет. – Эгле, не дожидаясь, пока я соберусь с мыслями, подняла голову и посмотрела на меня.

– Привет, – сказал я. – Вот, книжку тебе принёс. Дочитал. Спасибо.

Эгле бросила на меня испытующий взгляд, как будто ждала ещё какого-то комментария. Я молчал, потому что ждал вопроса "и как тебе?". Но Эгле отвела глаза:

– Понятно. Не за что.

Спрятав книжку в сумку, она принялась переключать с места на место ручку и карандаш. Я нерешительно потоптался рядом. И вдруг неожиданно для самого себя ляпнул:

– Ты когда-нибудь слушала музыку руками?

Вскинув голову, Эгле удивлённо подняла брови.

– Я тоже нет, – торопливо продолжил я, пока она не передумала со мной говорить, – просто вчера схватил наушники, хотел надеть, а плеер, оказывается, был включен, я и услышал, что музыка играет. Вот.

– Ну, – сказала Эгле, – по-моему, эти штуки так и устроены, нет? Мой плеер всегда включается сам, когда я надеваю наушники. Правда, руками я их не слушала. Это как-то... странно.

– Я просто не успел их надеть, – проворчал я. – Совсем вымотался, пока домой дошёл. Думал, прямо там и сдохну, уже почти двигаться не мог.

Ой. Зря я это сказал. Эгле резко изменилась в лице.

– Чистые квинты... – тихо сказала она. – Сим, прости, пожалуйста.

Вид у неё был самый что ни на есть несчастный.

– Я же слышала, что ты на пределе. – Она приложила обе ладони ко лбу, что означало крайнюю степень замешательства. – Но я не знала, что ты забыл плеер, правда!

Когда всё успело стать ещё сложнее? Теперь уже Эгле не знает, куда деться от чувства вины.

– Не парься, – нерешительно сказал я. – Я сам виноват. Тоже наговорил тебе всякого...

– Но ты хотя бы пытался помочь, – пробурчала Эгле.

Я кашлянул. И храбро возразил:

– Ничего я не пытался. Помочь – это узнать, кто над тобой

издевается, и морду ему набить.

– Много чести, – поморщилась Эгле. – Связываться ещё...

Невыносимую из-за взаимной неловкости сцену примирения милосердно прервал звонок.

Ну вот, подумал я, садясь на место, теперь Эгле знает, что я правда могу помереть, если она будет на меня злиться. Зато, кажется, мы снова разговариваем. Проблему подонков из старших классов это не решает, но хотя бы не усложняет.

И ещё промелькнуло – «ну вот, а я думал, она удивится». Это про моё открытие.

И снова – «всё-таки, кто?»

...К концу дня тревога почти испарилась. Мы шли домой вместе, а по пути болтали про книжку, которую я вернул Эгле.

И ещё целую неделю всё было хорошо.

А потом снова была моя очередь дежурить. И когда я отправился домой, путь мой лежал мимо заднего двора школы, как и всегда. Мимо служебного входа, который вёл в столовую, и нескольких больших мусорных баков.

Крепко закусив губу, Эгле презрительно смотрела на старшеклассника, стоявшего перед ней. Он был ко мне спиной, и я не сразу опознал в нём Кори Мита. Вероятно, Кори боялся не справиться в одиночку, раз привёл ещё одного подонка. Он-то и удерживал Эгле, заломив ей руку.

Мне показалось, что мой позвоночник превратился в лёд. Уши словно заложило. Увидев меня, Кори расплылся в ра-

достной ухмылке. Он что-то говорил, но я его не слышал.

Я узнал и подонка, державшего Эгле. Конечно, я его помнил. Моя единственная полная и безоговорочная победа. Одна из моих последних драк. Эх. Последние месяцы я провёл слишком славно и спокойно, вот уже и забыл об этом. А ведь первое время так осторожничал. Знал же, что он попытается отомстить. Знал. Но мне показалось, что мир подонков и начинающих сволочей остался по ту сторону наушников. Показалось, что они не тронут меня, когда я перестану тянуться к ним, чтобы нарваться на очередной мордобой.

И вот мир подонков пришёл за мной сам.

Я не слышал ничего, кроме своего сердцебиения. Вернее, это в первый момент я подумал, что стучит моё перепуганное сердце. Потом вдруг оказалось, что стучит оно довольно-таки спокойно и уверенно. И не совсем оно. Это был отсчёт ритма для вступления. Несколько тактов спустя я услышал остальные инструменты.

И Голос.

Голос звучал внутри меня. Не знаю, как. В этой песне тоже была всего одна строчка, которую я понимал. Но он звучал, не оставив мне выбора. Хотя, собственно, выбора не было с самого начала.

Нет, старик, ты ошибался, когда пел, что я не один, думал я, аккуратно поставив школьную сумку на землю и беря разгон. Я один. И всё равно у нас численное преимущество. Потому что один и один, и ещё один – это три, вот тут ты аб-

солютно прав, а их всего двое. Мы их уделаем. Я, ты и Эгле.

Глава 6. Сеть

Больничные лампы жужжали на низкой, угрожающей ноте. Обычно они издавали монотонный, выматывающий душу звук. Этот звук и так сложно было счесть благим предзнаменованием. Но сегодня их жужжание по-настоящему нагнетало обстановку.

Я тихонечко расковыривал дырку в окровавленном носовом платке. Эгле нервно мяла в руках бинт, которым были обмотаны её костяшки. Ну, то есть сейчас с костяшками всё уже было в порядке, но поначалу их пришлось забинтовать.

– Прости, – наконец вполголоса сказала Эгле.

– За что? – Я почти по-настоящему удивился. – Не ты же привела этих полудурков.

Эгле угрюмо потеребила бинт.

– Можно считать, что я. Ты ведь уже догадался?

Я скосил на неё глаза:

– Насчёт чего это?

Выражение лица Эгле напомнило мне момент нашего знакомства. Тогда она тоже сжала зубы, выпрямилась и сказала то, что должна была сказать.

– Я тебе соврала.

И даже голос так же звучит – немного механически.

– Я сказала, что не знаю, кто надо мной издевается. А я знала.

– Очень интересно, – ответил я. В прошлый раз я так себя

и вёл – говорить можно без выражения, главное, продолжать вставлять реплики. Чтобы разговор продолжался. Глядишь, всё прояснится.

Эгле беспокойно убрала со лба светлую чёлку.

– Я просто не хотела, чтобы они и к тебе лезли.

– Ты думала, я сразу пойду с ними разбираться? Я польщён.

– Да хоть бы и не сразу. Всё равно этим бы всё кончилось.

– Тогда почему ты мне не рассказала?

– Надеялась, что смогу им не попасться.

– Ты совсем балда, что ли? – сердито спросил я. – При чём тут «смогу не попасться»? Им пора было начистить рожи ещё месяц назад, если я правильно помню.

Эгле прямо взглянула мне в глаза.

– В смысле, я должна была подойти к тебе и сказать: «Вот там стоит гадёныш, он портит мои вещи, чтобы ты попытался с ним подраться, не делай этого ни в коем случае». Так, что ли?

– Нет, не так. Ты должна была сказать: «Вот там стоит гадёныш, он портит мои вещи, пошли, будем драть ему задницу». Я тебе друг или хвост пороссячий?

– Друг, – с отчаянием в голосе ответила Эгле, – и вот именно поэтому я и не могла тебя втягивать.

– Че-го-о?

– Того, – буркнула Эгле. – Их много. И Кори с тем недомерком – это так, отросточек. Они в той шайке единствен-

ные, кто ещё в школе учится.

Не могу сказать, что меня это очень напугало. Но неприятные ощущения в области загривка точно появились.

– Это у них стиль такой, – мрачно продолжала Эгле. – Если они хотят что-то тебе сделать, они ловят твоего друга-слабака. И потом всячески тебя унижают, а тебе приходится терпеть, чтобы они больше не прикапывались к твоему другу.

Злорадная ухмылка получилась у меня совершенно без усилий.

– Только они не учли, что ты не слабак.

– Да, – важно кивнула Эгле. – И не учли, что ты не будешь ничего спрашивать, а сразу драться полезешь.

– И Хлою не учли.

Ушлёпка, державшего Эгле, я сразу проигнорировал, бросился на Кори. Эгле справилась сама – ударила его макушкой в подбородок, а когда он взвыл и выпустил её – добавила кулаком в зубы. Сильно рассадила костяшки, но вроде даже что-то ему выбила. Не скажу, что мы так уж хорошо дрались, но смогли продержаться до подхода Хлои. Потом Эгле прикинулась напуганной барышней, а я – храбрым рыцарем. Хлоя не прониклась. Тогда мы весьма убедительно изобразили приступ. Точнее, я изобразил приступ, а Эгле принялась носиться вокруг с причитаниями. Так мы из двух зол выбрали Кейна. Тем более, что мы и вправду считали его более дружественным взрослым. По сравнению с Хлоей.

Это мы, конечно, немножко просчитались. Мы что-то пи-

щали в своё оправдание, но он всё проигнорировал. Молча остановил носовое кровотечение у меня, залечил разбитые костяшки Эгле и ушёл. Велел сидеть здесь и никуда не высываться. И его не было уже очень долго – страшно представить, куда за это время можно пропасть.

Причём с каждой минутой всё страшнее и страшнее. Куда там мифической шайке юных шантажистов.

– Кстати, – встрепенулся я, – откуда ты всё это знаешь? Ну, про Кори и его шайку.

– Ох, там такая алиингйская опера... – вздохнула Эгле. – В общем, слушай. Ты хорошо знаком с Мирандой?

– Воображала, – откликнулся я. – Их четверо, я даже не знаю, кто из них хуже.

Эгле кивнула.

– Да. Подходит она ко мне сегодня и спрашивает: «А что ты делаешь после занятий?». Сказала, что их девчачий клуб хочет познакомиться со мной поближе.

– Миранда сказала? – Недоверчиво уточнил я.

– Вот именно. Видимо, на этом месте я должна была умереть от восхищения. Как же, богини красоты снизошли до меня...

– Я и сам бы умер, – буркнул я, – тут же.

Эгле хихикнула.

– Ну, выбить меня из колеи ей удалось, факт. Я так удивилась, что ответила честно. Сегодня я не очень хорошо себя чувствую, никуда не пойду, отправлюсь сразу домой, прове-

ду вечер в скорбях и сожалениях, что лишилась такой компании.

– И что Миранда? – Я всё ещё не мог представить себе Миранду разговаривающей с Эгле, поэтому нуждался в деталях. Мне кажется, у неё должен был взорваться мозг ещё до того, как Эгле попыталась бы открыть рот.

– Ой, – сказала Эгле, – как она хлопала ресничками и заламывала ручки, ты бы видел. Столько соболезнований мне, кажется, ещё никто не высказывал. Короче, милая наша девочка сильно перегнула палку, и я заподозрила неладное. Подошла на следующей переменке к Юлсу, спросила, как Миранда, не болеет ли...

– Почему именно к Юлсу? – удивился я.

Эгле посмотрела на меня с жалостью:

– Сим, ты совсем в танке? Юлсу нравится Миранда. Она вроде как с ним гуляет, но вроде как нет. Он у неё такая синица в руках.

– Ну дела, – разочарованно протянул я, – а ведь он мне казался вполне здравомыслящим парнем.

– Он и есть здравомыслящий, – возразила Эгле. – Юлс мне всё выложил. – И помрачнела: – Правда, мне это не помогло.

– Забей, – поморщился я. – Ты же не могла знать, что Кори подкараулит тебя у самого выхода. Давай дальше, про Юлса и Миранду.

Эгле кивнула и продолжила:

– Оказывается, Миранда синичку свою не отпускает, но

и на журавля в небе тоже замахивается. И знаешь, кто этот журавлик?

– Подожди-ка... – медленно сказал я, – ты же не хочешь сказать, что речь идёт о типичнейшей ошибке школьников средних классов?

– Хочу.

– У неё большие и светлые чувства, а он её использует?

– Да.

– Ей так польстило внимание старшеклассника, что она этого не замечает?

– Именно.

– Она способна на любую гадость, лишь бы он продолжал с ней общаться?

– Точно. – Эгле изобразила восхищение моей интеллектуальной мощью. – А я-то думала, ты врёшь, что на самом деле ты умный, просто una corda мешает.

– Вот возьму и ни словечка Кейну не скажу, когда он потребует подробных объяснений, – пригрозил я. – Сама ему будешь рассказывать, какой я великий герой.

– Да ладно тебе. – Эгле шутливо толкнула меня плечом. – Я бы и так рассказала. Но пока что я рассказываю про этого собачьего Кори. Или как, дальше ты сам?

– Сам, конечно, – проворчал я. – Теперь-то всё ясно. Юлс хочет, чтобы Миранда перестала заглядываться на Кори. Значит, Кори должен перестать кадрить Миранду. В смысле, понять, что она бесполезна. То есть, Миранда должна обла-

жаться.

– Не совсем, – покачала головой Эгле. – Юлс не хочет, чтобы Миранда связывалась с Кори, это правда. Но побуждения у него более высокие. Рано или поздно вся шайка очень крепко влипнет. А когда она только начнёт влипать, в первую очередь не поздоровится школьникам.

– А-а, – глубокомысленно промышчал я. – Какие страсти.

– Так я и говорю, – уныло подтвердила Эгле, – алинггйская опера. Мы были бы в курсе, если бы почаще вылезали из наушников.

– Угу-у...

Мы замолчали. Не знаю, как Эгле, а я вспомнил, что нам предстоит неприятный разговор с Кейном. И, вероятно, с родителями. Зависит от того, что он им скажет.

В худшем случае, сеньора Элинор Вайс сочтёт меня начинающим уголовником и запретит своей дочери со мной общаться. И мама...

Ох, чёрт. Я достаточно эгоистичный и плохой сын, чтобы не интересоваться жизнью родителей. Когда Эгле спросила, есть ли у мамы хобби, я не смог вспомнить. Да что там, за несколько лет я ни разу не ответил ни на одно письмо от отца, которые каждый месяц приходили из Тихих Земель. Но даже я заметил, как мама радуется, что я не влипаю в неприятности и дружу с хорошей девочкой Эгле.

С хорошей девочкой, которая спокойно выбила зуб плохому мальчику.

Это обнадёживало.

Дверь кабинета бесшумно распахнулась. Мы, признанные столпы спокойствия, в смысле, пеньки бесчувственные, непроизвольно пододвинулись чуть ближе друг ко другу.

– Сеньора Вайс, марш домой, – строго велел Кейн, взметнув полами белого халата. – Сеньор Нортенсен, вы остаётесь.

– Но мы же... – запротестовала Эгле.

– Никаких возражений.

– Вы хотите отправить её домой одну?! – возмутился я.

– Не об-суж-да-ет-ся. – Кейн развернулся ко мне. – Успокойтесь. Сегодня драк больше не будет.

– Так ведь это же не мы...!

– Я знаю, – неожиданно спокойно отозвался Кейн. – А теперь замолчите – оба – и подумайте. Кто-нибудь видел, как Сим изобразил приступ?

Мы с Эгле озадаченно переглянулись.

– Нет, – наконец ответила Эгле. – Те двое убежали, когда Хлоя вышла, а кроме них, там больше никого не было.

– Значит, они не знают, что вы отправились ко мне. Если сеньора Вайс, – Кейн послал ей суровый взгляд, – не будет валять дурака и сразу поедет домой, у них очень мало шансов где-то её подкараулить.

Тупые взрослые. Городские хулиганы всегда находят тех, кого хотят поколотить.

Но сколько бы мы ни пытались возражать, Кейн и слышать ничего не хотел. В конце концов, Эгле скрылась за дверью,

бросив на меня виноватый взгляд. Я кивнул ей – понимаю, дружище, ты не специально.

– Отчитывать будете? – С вызовом спросил я, когда Кейн уселся на своё место.

Ответ меня удивил.

– Зачем бы? – пожал плечами Кейн.

– Ну, – сказал я, – вы же сейчас родителям нашим звонили, да?

– Звонил.

– Всё рассказали, наверное. Сообщили, что я плохо влияю на Эгле. Попросили принять меры. Да? Чтобы я одумался, вёл себя прилично...

Я осёкся, потому что Кейн утомлённо посмотрел на меня поверх пальцев, сцепленных в замок.

– Ну что ты несёшь? – негромко спросил он, дождавшись, пока я заткнусь. – Думаешь, я не знаю, что вам ещё не раз придётся кому-то давать отпор? Думаешь, я не понимаю, что два – это больше, чем один? Причём не в два раза больше, а в десять, если речь идёт о противостоянии.

Великая Гармония. Кейн. Кейн ведёт себя так, как будто он когда-то тоже был человеком!

Я смотрел на него во все глаза, стараясь не упустить ни одного слова, ни одной интонации, ни одного движения мимических мышц.

– За что тебя отчитывать? – продолжал Кейн. – За то, что ты друга выручил? Я прекрасно понимаю, что ты вовсе не

хотел ни с кем драться.

Вот это да. Я-то думал, он поверил Хлое, которая утверждала, что я взялся за старое. Я-то думал, он ничего не понял из наших с Эгле попыток рассказать, как всё было. Я-то думал, он позвонил нашим родителям и пересказал им слова Хлои, попутно домыслив пару-тройку гадостей.

– Всё я понял, – устало сказал Кейн.

Ой. Кажется, я так обалдел от всего этого, что произнёс вслух часть мыслей.

– А если вы всё поняли, то почему отправили Эгле домой одну? – не удержался я.

– Сим, – снисходительно начал Кейн, – ты что, не знаешь повадки школьного хулиганья? Ни за что не поверю. Они ещё дня два будут приходить в себя. Сегодня вам обоим точно ничего не грозит. Эгле пора домой, потому что сеньора Элинор Вайс знает – дочь помогала своему другу добраться до больницы. Не потому, что кто-то должен был залечить ей содранные костяшки. Сеньора Дана Нортенсен знает, что её сыну стало плохо, но сейчас всё в порядке. Плохо – потому что у него серьёзная болезнь, разбитый нос тут совершенно ни при чём. Поэтому ты пока побудешь тут.

– А как же Хлоя? – недоверчиво спросил я. Надо же. Я был уверен, что она первой добралась до наших родителей.

– А что Хлоя? – безмятежно переспросил Кейн. – Не разобралась, подняла панику, так часто бывает.

– У меня одежда кровью закапана, – мрачно напомнил я.

– Что же, – сказал Кейн, – конечно, есть звукомагические способы вывести пятна. Но они работают только с влажной тканью, а твоя кровь уже засохла. Впрочем, это означает только то, что ты должен незаметно пробраться в свою комнату и переодеться. И в кои-то веки самостоятельно постирать одежду. Полагаю, это единственный сложный момент во всём плане.

Издаётся ещё.

– Год кончается, – сообщил я, – надвигается последнее родительское собрание. Хлоя обязательно захочет поговорить и с моей мамой, и с мамой Эгле. И скажет, что вы всё...

– А мотивы? – Кейн надменно вздёрнул бровь. – Кто в здравом уме поверит, что я стану тебя прикрывать? У нас с тобой натянутые отношения, это все знают.

Ну надо же. Я думал, он не знает.

– В любом случае, – Кейн вздохнул, откидываясь на спинку стула, – это будет потом. Сейчас... я не хочу, чтобы ваши родители делали поспешные выводы. Сейчас вас обоих нельзя тревожить. Ты слишком привязался к Эгле, а она – к тебе. Вас уже невозможно просто изолировать друг от друга. Даже думать не хочу, какие будут последствия. Так. – Он слегка хлопнул ладонями по столу. – Враки враками, а за твоей мелодией после такой эмоциональной вспышки действительно надо понаблюдать.

На этом удивительные открытия кончились. Теперь всё стало привычным. Снова датчики, снова жужжание больнич-

ных ламп, наморщенный лоб Кейна, шорох ручки, стремительно скользящей по бумаге.

Но я не обманывался. Теперь-то я знал, что всё в один момент может измениться. Может быть, вообще ничего не очевидно, восторженно размышлял я, потом окажется, что у Кейна тоже болезнь внутренней мелодии, и он вот сейчас резонировал с Эгле и со мной.

– Я отойду на несколько минут. – Голос Кейна отвлёк меня от размышлений. – Если я запущу музыку с проигрывателя, а не с плеера, ты сможешь просто сидеть и ничего не трогать?

Я только кивнул. Я всё ещё переживал крушение привычной картины мира. За обломками маячила совершенно иная реальность. В ней Кейн вёл себя по-человечески. Не читал нотации. Не давал бесполезных советов. Не требовал заведомо невыполнимых обещаний. Знал, как себя ведут подонки вроде Кори, и действовал в соответствии с реальным положением вещей. А не руководствовался идиотскими представлениями о мире, которые обычно люди приобретают в его возрасте.

Может, у него ещё и друзья есть. А что? Чем чёрт не шутит.

Хотя нет, это я, пожалуй, замечтался.

Мне нужно было время, чтобы со всем этим свыкнуться и решить, как жить дальше.

Что же. С такой картиной мира я, пожалуй, был согласен. Настолько, что даже был готов ещё некоторое время – так

и быть – сидеть и ничего не трогать. Просто из признательности. Жизнь понемногу налаживалась. То есть, и до этого всё было относительно неплохо. А сейчас, когда подключился Голос, я и вовсе почувствовал себя человеком.

Голос. Я вспомнил, как услышал музыку вместо привычного глухого стука в ушах. Выходит, это теперь я. Это я теперь так звучу. Я звучу как песни о танцах на улице, как песни о дружбе, как песни о ветре, снах и полётах. Звучу с этим вот простором и смелой вольностью, граничащей с пофигизмом, но не с равнодушным пофигизмом, а с весёлым, который выражается словами: «И ничего вы мне не сделаете».

С ума сойти.

Глава 7. Ночь

– Вот и погуляли, – уныло подытожила Эгле.

– Угу, – так же уныло отозвался я.

Мы оба умолкли.

– Похоже, теперь действительно придётся... – Она закончила фразу с непередаваемым отвращением: – ...вести себя хорошо.

– Уж по крайней мере, никаких ночных прогулок, – грустно хмыкнул я.

Эгле скомкала в руке записку, бывшую причиной нашего общего расстройствa, и со злостью запустила в сторону урны.

Всё началось с того, что Эгле пожаловалась на сеньору Элинор – мол, шагу ступить не даёт, скоро придётся запрашивать письменное разрешение на выход из дома. Я пони-

мал Эгле лучше, чем хотелось бы. Ну, всё-таки, наши матери растили детей с болезнями внутренней мелодии. Было бы странно, если бы они над нами не тряслись. Но мы были маленькими неблагодарными паршивцами, достаточно хитрыми, чтобы придумать, как обойти контроль.

Итак, мы придумали отличный, замечательный план на эту ночь. Мы разрабатывали его несколько дней и воплощали несколько недель. Мы угробили кучу времени на дипломатическую работу. Чего стоила операция «Очередь», когда мы подгадывали время приёмов у Кейна – так, чтобы наши мамы постоянно сталкивались друг с другом. Чтобы они проводили друг с другом достаточно времени для установления взаимной симпатии. Но – и это важно! – меньше, чем требуется для того, чтобы подружиться. Мы были тошнотворно хорошими детьми всё время до начала каникул и потом ещё неделю.

А потом я пошёл к Эгле в гости посмотреть на звёзды. И надо же было такому случиться, что Эгле тоже решила посмотреть на звёзды. В гостях у меня. Да ещё и в ту же ночь. На наше счастье, у Эгле был какой-то наполовину игрушечный телескоп, а у нас – вполне пристойная крыша. Сеньора Элинор поначалу не хотела отпускать Эгле. Она сказала, что это всё очень хорошо, но смотреть на звёзды можно и с их крыши. Эгле страдальчески подняла брови – «но мама, у нас ведь такой бардак, мы ведь всё никак не можем раскидаться после переезда». Взяв с Эгле клятву явиться домой

не позднее семи часов утра, сеньора Элинор всё-таки разрешила ей пойти ко мне. Что касается моей мамы, она была рада, что моя жажда приключений ограничивается желанием созерцать ночное небо.

Ни на какие звёзды мы, конечно, смотреть не пошли. Мы пошли к морю. Набережная была недалеко от дома Эгле, каких-то сорок минут ходьбы – и вот уже слышны волны. Такой путь нам обоим был под силу. Кроме того, целую неделю мы честно выполняли все-все предписания, как следует выспались накануне вылазки и зарядили плееры.

На самом деле, было не так уж важно, куда идти. Главную задачу мы уже выполнили. Мы вышли из-под контроля, и сейчас никто не знал, где мы. Непривычное чувство.

Обалденное чувство.

Сначала мы шли в молчании, но когда немного отдалились от дома Эгле, уже вовсю болтали. Ощущение полной свободы и гордость – да, мы страшно гордились, что план сработал – оказались лучшей подзарядкой. Впервые за несколько лет Ленхамаари казался мне прекрасным городом. Нет, в теории я знал, что у нас куча архитектурных памятников, что ежегодно сюда наведывается толпа художников и звукомагов, ищущих вдохновения. Но сейчас я это как-то... понял, что ли. Ах, да. Прочувствовал, вот. Это называется «прочувствовал».

Гулять предстояло долго. Эгле предложила идти не напрямик, а немножко поплутать по кварталам. Я был не совсем

уверен в том, что мы сможем потом найти дорогу. Но раз Эгле не боялась заблудиться, я не стал возражать. Да и какой бы дурак стал лезть с нудными предупреждениями в такую ночь.

Нам и вправду очень повезло со временем, которое мы выбрали для прогулки. Было очень тепло, но не душно. Сумрак, таящийся между домами, казался бархатным. Каждый источник света был прекрасен. Фонари? Отлично, пусть они светят всегда. Фары последних автобусов, возвращающихся в депо? Доброй ночи. Лимонно-жёлтые окна? Конечно же, за стеклом самые уютные квартиры. Вроде и понятно, что там обитает какая-нибудь скучная тётка с неудавшейся жизнью, сидит сейчас на кухне и пытается понять, где же она свернула не туда. Или просто у кого-то бессонница. Или кошмары. Из-за чего ещё приличные люди могут не спать в это время суток? А всё равно. Сейчас это всё как-то и понятно, и неважно.

Эгле всё ускоряла шаг, словно предчувствовала что-то ужасно интересное впереди. А я наоборот вертел головой во все стороны, глазел на ночной город, как впервые увидел. Временами проверял, где Эгле, догонял её, и всё повторялось.

Когда я в очередной раз нашёл её взглядом, оказалось, что она застыла у поворота во дворы. У неё как-то странно напряглись плечи.

Слегка забеспокоившись, я подошёл ближе. Хотел встать

рядом, но Эгле вдруг вскинула руку, преграждая мне путь. Повернулась и тихо, почти беззвучно прошептала:

– Пойдём обратно?

Нахмурившись, я шагнул к стенке, быстро выглянул за поворот.

Нет, мы ни на секунду не забывали о существовании в этом мире Кори и его мерзавцев-приятелей. С помощью Юлса мы выяснили всё, что могли выяснить о любителях собрать толпу побольше и найти жертву послабее. И мы точно знали, что в этом районе нам встреча с Кори не грозит. Потому что у этого района было своё сборище, которое называло себя орденом. Тоже ничего хорошего, но у ордена, по крайней мере, были принципы. Например, они не били девочек и не нападали на одного скопом.

В отличие от скотин из компашки Кори, стоявших в глубине двора. Да, это были они. Не хочешь получать по морде – умей узнать врага со спины.

Правда, за последнее время я столько раз от них убегал, что они меня, наверное, тоже уже узнавали со спины.

– Вот чёрт, – выдохнул я, вжимаясь в кирпичную стену. – Каких тритонов они здесь делают?!

– Не знаю, – отозвалась Эгле. – Я тоже думала, что они тут не бродят.

Я внимательно посмотрел на неё.

По-моему, это я теперь с ней резонировал, а не она со мной. Потому что только сейчас мне стало действительно

жутко.

Никогда не видел, чтобы у неё были такие огромные глаза и такое бледное лицо.

До нас донеслись крики, ругань, звуки ударов и звон металла.

– Всё ясно, – мрачно сказал я, уже не таясь. Всё равно бы меня не услышали. – У них тут драчка.

– Надо вызвать полицию.

– Ты спятила.

Эгле наградила меня таким взглядом, что мне снова захотелось вжаться в стену.

– Пошли.

И припустила вниз по улице. Мне оставалось только последовать за ней. Не орать же ей вслед. Не пытаться же ей объяснить, что полиция вряд ли приедет. А если приедет, то ребята не расценят это как руку помощи. И если кто-то из них стоял на стрёме, скажем, в щели меж домов напротив...

Ох.

Я бросил взгляд через плечо. В поле моего зрения попала и упомянутая щель. И рядом совершенно точно кто-то стоял. Стоял и смотрел нам вслед.

Если это был наблюдатель из шайки Кори, пожалуйста, пусть орден их уделает. Потому что если не уделает, то нас ждёт увлекательнейшая ночь. И отличное лето. И просто чудесный год. Или даже несколько.

Если это был наблюдатель из ордена, пожалуйста, пусть

полиция не приедет. Потому что если они приедут и загребут в кутузку всех, кто не успеет побыстрее свалить...

Ох.

Тогда количество людей, которые желают нам с Эгле смерти в мучениях, возрастёт как минимум в два раза. И самое плохое, что каждый из них вполне в состоянии устроить нам эту самую мучительную смерть.

Так я думал, мчась рядом с Эгле сквозь бархатный сумрак и оранжевый свет фонарей. На бегу мы оба искали глазами хоть одну телефонную будку. Эгле – чтобы позвонить в полицию. Я – чтобы заметить будку первым и не дать Эгле это сделать.

Наивный, наивный я.

Может, я и мог скрыть от Эгле своё намерение помешать ей вызвать полицию. Но стоило мне наткнуться взглядом на телефонную будку, как Эгле моментально повернулась в ту же сторону.

Ничего, мысленно утешал себя я, покорно следуя за ней. Может, телефон не работает.

Но телефон работал. И трубку взяли, хоть и не сразу. А в голове моей непостижимым образом сохранился адрес дома, во дворе которого сейчас шёл жесточайший мордобой. И зачем-то я этот адрес сказал, когда звенящий от напряжения голос Эгле прервался и она бросила на меня отчаянный взгляд.

– Какой ты молодец, – с уважением сказала Эгле, аккурат-

но повесив обруч с наушниками обратно на рычаг. – И какая же я дурочка. Поскакала полицию вызывать, а сама даже не подумала, что надо адрес посмотреть. Спасибо.

Не за что, подумал я. Когда мы уходили, я бросил взгляд на телефонную будку. Скорее всего, завтра её тут не будет. Вернее, будка-то останется. Просто из неё уже больше никто и никогда не вызовет полицию. Она разделит участь своих собратьев из районов, где жили ушлёпки вроде Кори.

Наверное, провод наушников перережут, подумал я. Шайка Кори поступает так. Если бы это были ребята, которые называют себя сворой, они бы ещё и стёкла выбили.

На орден я уже и не надеялся. При всей их крутости, я не верю в уличную драку по правилам. Беспринципные сволочи всегда выигрывают в таких стычках. Просто потому, что у них больше вариантов.

Мы медленно шли по улице, восстанавливая дыхание. Лично у меня, судя по ощущениям, в боку застряло копьё. Эгле тоже здорово выдохлась. И всё же недостаточно сильно, чтобы не почувствовать мои мрачные мысли.

– Что-то не так? – спросила она.

Знала бы ты, дружище, во что мы сейчас вляпались, подумал я.

– Нет, ничего, – преувеличенно бодро сказал я. – Просто удивляюсь, какая ты, оказывается, храбрая.

– Будешь подлизываться – поколочу, – ласково сообщила Эгле.

– Но я правда удивился, – примирительно поднял руки я.

Эгле фыркнула:

– С каким треплом я, оказывается, дружу.

Но больше ничего не сказала.

Разумеется, о том, чтобы продолжать прогулку, не могло быть и речи. Эгле заверила меня, что сможет пробраться к себе, не разбудив сеньору Элинор, а утром скажет, что решила вернуться пораньше и что я её проводил. Это даже не было неправдой, потому что я в самом деле её проводил.

Сам я домой добирался уже на автопилоте. По счастью, без приключений. Понятия не имею, что творилось в том дворике. По крайней мере, ребята были достаточно заняты, чтобы ловить в ночном городе кого-то вроде меня.

Итак, я вернулся домой, успешно миновал мамину комнату, юркнул в свои апартаменты. Рухнул, не раздеваясь, на кровать и мгновенно заснул. Нервные встряски хороши в качестве подзарядки только в сам момент встряски. Потом *una corda* возвращается и говорит: «Ой, это что, эмоции? Зачем тебе такие сильные? Ты же всё равно не умеешь их испытывать». И накатывает куда сильнее, чем было до встряски. Ладно ещё, хватило ума запереть комнату и включить плеер...

– Доброе утро, – немного удивлённо сказал я, остановившись в дверях кухни. – А ты чего не на работе?

– У меня выходной, – сухо ответила мама.

Ой, точно. Я немного вылетел из времени, как это обычно бывает на каникулах.

– Ой, точно, – произнёс я вслух.

Она посмотрела на меня долгим печальным взглядом. Странно. В последний раз я видел у неё это выражение лица до того, как обзавёлся плеером.

– Сим, что это?

На столе лежал лист бумаги. Довольно помятый лист бумаги.

– Очередное письмо от папы, на которое я не ответил? – неуверенно предположил я.

– Боюсь, что нет.

Нахмурившись, я подошёл ближе.

Спасибо *una corda*, которая не позволяет моим мимическим мышцам вот так сразу скорчить рожу, соответствующую мыслям.

Мне показалось, что внутри что-то порвалось.

Очевидно, что послание принёс почтовый голубь. Каменный почтовый голубь. Вот почему в гостиной было так прохладно.

– Только попробуй соврать мне, что это вы теперь так переписываетесь с Эгле, – предупредила мама, крепко стиснув в ладонях чашку. – Скажи мне правду. Чем ты вчера ночью занимался?

– Гулял с Эгле, – брякнул я. – Ну, в смысле, на звёзды смотрел. Как и собирались.

– То есть, – начала мама, – Эгле может подтвердить... – она махнула рукой, досадливо, перебивая сама себя: – Ох, да конечно же, подтвердит. Она ни за что тебя не подставит.

– Ты можешь и сеньору Элинор спросить, – возразил я, чувствуя себя всё гаже и гаже с каждым словом. – Она тоже скажет, что мы с Эгле смотрели на звёзды.

Мама поднялась, горько улыбнувшись и покачав головой.

– Эгле тебя ни за что не подставит, – повторила она. И постучала пальцем по листку: – А ты её?

И она вышла из кухни. Я стоял, уставившись на кривые строчки. Примерно минуту спустя я услышал, как щёлкнул замок входной двери.

«Любишь дышать ночью свежим воздухом, Нортенсен?» – было написано на листке.

Мы с Эгле сидели на набережной – на городском, обустроенном её участке.

– Опять я всё испортила, – пробурчала Эгле. – Ты поэтому тогда сказал, что я спятила, да?

– Поэтому, – кивнул я, – но это было уже без разницы. Там кто-то из них стоял на стрёме. После того, как он нас увидел и узнал, мы бы могли хоть бежать впереди полицейских и дорогу им показывать.

– Ладно, – встряхнула волосами Эгле. – Давай подумаем, о чём нам всё это говорит.

Я послушно попытался сосредоточиться на фактах.

– Ну, – начал я, – во-первых, Кори знает, где я живу. Во-вторых, нам не помешало бы выяснить точно, чем кончилась вчерашняя драка.

– А что тут непонятного? – подняла брови Эгле.

– Да почти всё, – хмыкнул я. – Разбить окно не так уж сложно. Хватит одной руки, а на людях их по две растёт, это уж стандартно. Даже если эти люди этими руками по ночам других людей убивают. Нам надо знать, во-первых, приехала ли полиция. Если да, то кого она забрала. Если нет, то кто вчера победил.

– А, – ровным голосом откликнулась Эгле, – вот что тебе непонятно. Тогда слушай, расскажу. Полиция не приехала, а орден продул.

– Как ты узнала? – Я потрясённо обернулся к ней.

Она повела плечом. Взгляд у неё был как пасмурное небо.

– Я же дворами сюда шла. Видела, как они в подворотне кого-то потрошат. Если бы они продули ордену, фиг бы на следующий же день появились в моём районе.

– Это плохо...

Я подтянул ноги к груди, положил подбородок на колени и задумался. Ну, допустим, я смогу провожать Эгле до дому. Но чёрт возьми. Это же во сколько у нас комендантский час-то будет? В шесть вечера? Это нам теперь ходить только по людным улицам?

– Сейчас-то они, наверное, просто территорию метят, – пробормотал я под нос. – Потом поутихнут. Шататься по

всем районам сразу они физически не смогут. Ну, тем количеством, которому мы точно не дадим сдачи...

– Ты так спокойно об этом говоришь, – неодобрительно заметила Эгле.

– Ты про беднягу, которого они потрошили?

– Вот именно.

– Ну, извини. – Я слегка пожал плечами. – Могу бурно обрадоваться, что это была не ты. И не я.

Эгле только рукой махнула.

Мы оба замолчали. Так или иначе, каникулы были безнадежно испорчены. Даже не потому, что мы всё крепче влипали. Просто жаль было саму идею. Мы так старались, мы так долго готовились к ночной прогулке. Один-единственный раз мы попытались жить, как нормальные люди, и вот чем всё кончилось. Ужасно несправедливо, что нас угораздило наткнуться на этих сволочей. Из-за этого разочарования теперь не придумывалось вообще ничего интересного. Весь план, все наши усилия псу под хвост. Просто потому, что каким-то идиотам нравится делать другим больно.

А мы из-за этого должны сидеть по домам, слушаться маму, лечиться так, как нам говорит Кейн. Ну, может, ещё иногда играть в тихие игры и смотреть одобренные взрослыми фильмы. Можно пойти и на крайности. Например, записаться в кружок.

Хотя.

Точно. Нам же не разрешат.

Я чувствовал себя так, словно наши болезни подкрались к нам и обняли сзади за плечи.

– Мне к Кейну, – негромко напомнила Эгле, словно отвечая моим мыслям.

Я кивнул.

Прямо передо мной упала крупная капля. Одна, другая, третья.

– У меня есть зонтик. Возьмёшь?

– А ты? – Эгле протянула руку, но зонтик не взяла.

– Не сахарный. Кейн полчаса будет нудить, если ты придёшь к нему с мокрой головой.

– И правда, – вздохнула Эгле. – Ладно. Спасибо.

Она раскрыла зонтик и ушла. Я немного посидел на набережной. Совершенно несносная сегодня была погода. То дождь, то солнце. Так что я надеялся, скоро тяжёлые водяные капли перестанут сыпаться. Но дождь, кажется, планировал перерасти во что-то затяжное.

Плохо я себя чувствовал, плохо. И не был уверен, что плеер поможет. Судя по подборке песен, у Голоса была довольно беззаботная жизнь. Такая, которой никогда не будет жить Эгле. Такая, которой никогда не буду жить я.

Впрочем, кажется, больше мне ничего не оставалось. Сдохнуть от *una corda* прямо сейчас я не планировал. Так что у меня не было причин оттягивать включение плеера дальше.

...Песня, выпавшая в произвольном воспроизведении,

имела довольно спокойный темп и светлую, немного печальную мелодию. Удивительно. И ещё более удивительно, что текст был на алинге.

«...дождь глаза застилает, я не вижу пути...»

Ха, подумал я, поднимаясь со ступенек, всё-таки даже у тебя бывали плохие дни. Пожалуй, это веская причина продолжать тебе доверять.

Когда солнце уходит будить иные города и Тихие Земли, когда колыбельная заката тает на диминуэндо, когда с неба стекают в море дневные яркие краски, тогда зажигаются звёзды.

Когда пустеют улицы, когда умолкают чайки, когда ночной ветер топит город во влажном солоноватом запахе, тогда зримый мир становится прозрачным, а невидимый – осязаемым.

Когда ты плохо знаешь карту переулков, когда ты не можешь быстро и долго бегать, когда ты не привык обходить углы по широкой дуге, менять ритм шагов и считать тени, тогда тебе стоит пойти домой и сидеть там до утра.

Пять пар ног в тяжёлых ботинках топочут вразнобой, и так же, вразнобой, звенит металл. По улицам мечется эхо, как будто город тревожно вздрагивает во сне. И это, пожалуй, так.

Они вовсе не смелы. Просто им на самом деле нечего бояться. Они находят своё веселье в криках и мольбах о поща-

де. Соппротивление? Это ещё веселее. Они познают злую радость боя с равными. Они не идут по ночному городу – они топчут его. Они словно живой символ насилия. Они начинают свою охоту, и если ты не привык обходить углы по широкой дуге, менять ритм шагов и следить, сколько впереди тебя теней, тогда тебе стоит пойти домой.

Прямо сейчас.

Но уже слишком поздно.

Если ты идёшь, не таясь, по самому центру улицы, если ты держишь пустые ладони в пустых карманах, если ты смотришь вверх, по сторонам или даже прикрываешь глаза на несколько мгновений – у тебя должна быть очень веская причина поступать так.

Сейчас тебе предстоит подтвердить это.

Если ты не ускоряешь шага, если ты ведёшь себя так, будто не слышишь тревожного эха, у тебя, должно быть, скверно со слухом или ты просто не знаешь, что это значит.

Сейчас тебе объяснят.

Если ты смотришь на город не так, как смотрят хозяева, если ты пялишься на него влюблёнными глазами восторженного гостя, будь готов увидеть недостатки.

Сейчас тебе их покажут.

Когда человек, который выглядит слишком хлипким для хорошей драки, отказывается играть по правилам, следует призвать его к порядку.

Когда человек со спокойными, чуть снисходительными

глазами не отвечает на приветствие, следует научить его, как вести себя в приличном обществе.

Когда человек, баритон которого чем-то похож по тембру на звук серебряной гитарной струны, говорит тебе: «Эй, парень, оставь меня в покое, эй, слышишь, оставь меня в покое, знаешь ли...»

Тогда ты понимаешь, что он говорит на кэлинге, и сразу становится ясно, что чутьё не обмануло, вот почему он смотрел на город взглядом счастливого гостя.

И ещё он начинает притопывать ногой, и сразу становятся ясно, что слова, которые он произносит нараспев, складываются в ритмический рисунок.

Сразу становится ясно, что он вовсе не пьян, не обдолбан и – самое главное – не беспомощен.

Но уже слишком поздно. Красно-оранжевые сполохи летят быстрее, чем велосипедная цепь, чем метательный нож. И конечно, они быстрее, чем несколько испуганных мальчишек, бросившихся врассыпную.

Слишком хлипкий для хорошей драки человек со спокойными, чуть снисходительными глазами уходит в сторону набережной. Он что-то напевает на кэлинге – словно подбирает слова к мелодии, вертящейся в голове.

Он замолкает на секунду, потом чуть улыбается – строчка вписывается хорошо.

Он идёт, напевая на ходу, и иногда прищёлкивает пальцами в такт:

«...Я возвращаюсь в мой город».

Глава 8. Субстанция

Прошло уже больше недели с нашей неудачной ночной вылазки. Как я и думал, банда Кори немного утомилась (мы по-прежнему называли это собрание бандой Кори, хотя он-то там, очевидно, был мелкой сошкой). Мы вели себя хорошо. Наверное, длительное следование предписаниям мне на пользу не пошло. Наверное, когда Кейн в очередной раз вышел и попросил ничего не трогать, я подумал: «А почему, собственно?»

Хотя точно уже не помню, что я там подумал.

Проигрыватель представлял собой плоский серебристый ящик с углублением в центре. В углубление клались прозрачные разноцветные шарики – кристаллы, на которые записывалась музыка. Они работали по тому же принципу, что и древние сонотиции. В смысле, лет этак триста назад переговорные устройства представляли собой похожие кристаллы. С их помощью можно было обмениваться только текстовыми сообщениями, причём сначала надо было петь своему кристаллу последовательность нот, которая присваивалась кристаллу собеседника. И потом пелось само сообщение. Ну, то есть, надо было ещё и специальную мелодию каждый раз сочинять. Понятное дело, пользовались ими только звукомаги. Потом кто-то додумался прицепить к ним что-то вроде музыкальной шкатулки. Теперь звук воспроизводился с помощью кнопок и сообщался сразу кристаллу. Сонотиции

стали проще в обращении и получили новое название – чаиви. Первые экземпляры издавали резкий звон, похожий на звук велосипедного звонка, поэтому сам процесс создания связи назывался звонком.

А то, что теперь называлось сонотичиями, служило для записи и хранения звука. На больших кристаллах, воспроизводимых с помощью проигрывателей, хранились сборники произведений. А маленькие плееры, вроде тех, что носили мы с Эгле, проигрывали отдельные песенки. Кейн перезаписывал их на крошечные шарики, я даже видел их вне плеера. Поэтому приблизительно представлял себе, какого цвета моя музыка и какого цвета музыка Эгле.

Интересно, с чем ещё работает Кейн?

Я аккуратно отодвинул замочек с дверцы, прикрывающей углубление, где хранились кристаллы. Один из них тут же выпал, я едва успел его подхватить.

Какой же он был странный. Я поднёс его ближе к свету и заглянул вглубь. Внутри клубились запертые в цвете звуки – серебро, тускло блестящее под больничной лампой, болотная зелень и тьма облачного новолуния.

Почти не осознавая, что делаю, я осторожно убрал золотистый кристалл из гнезда проигрывателя. Голос в моих наушниках прервался на полуслове. Секунду спустя музыка зазвучала снова. Но на этот раз она была совершенно другой. Тёмной и тяжёлой.

Я замер. У меня немного кружилась голова. Казалось, это

она теперь – кристалл, в котором клубятся серебро, тьма и зелень. Теперь я знал также, что этот серебряный тёмный дым очень вязкий. Я всё выдыхал его и не мог выдохнуть. Шевелиться было попросту опасно – я мог запросто упасть и что-нибудь разбить.

А потом появилось это.

Я внезапно осознал, что жить мне, пожалуй, не стоит. И не только мне.

Ох. Это же очевидно. Проблема даже не в *una corda*. В этом смысле я, пожалуй, действительно наравне с остальными. Весь этот мир – насмешка. Надо же. Я так долго этого не понимал. В какой-то степени, я заставляю людей думать, что в их жизни есть смысл. Кейн вот, например. Он думает, что делает большое, важное, трудное дело, когда ищет способы лечения *una corda*. Проблема в том, что в моём существовании никакого смысла нет.

Жить так, как хотелось бы, всё равно не получится. Наверное, это вообще никому не удаётся. Счастье – ожидание счастья, но что толку, если сам себя я счастливым не чувствую.

Опять же, кто вообще сказал, что люди должны быть счастливы...

Хлопнула дверь.

– Ну как? – деловито поинтересовался Кейн, проносясь мимо меня к своему столу.

Я тупо посмотрел на золотистый кристалл в гнезде. Когда

я успел вставить его обратно? Насколько могло растянуться это мгновение, в которое Кейн открывал дверь?

– Сим?

Голова кружится, невыносимо кружится. А, теперь я вспомнил. Я слышал, как Кейн подходит к двери. Подходит и кому-то отвечает: «Сегодня? Да. Отлично. Хорошо, буду там». С такой теплотой и сдержанной радостью, словно уверен – кто-то будет счастлив его видеть. Я боюсь, что его собеседник притворяется. Мы все притворяемся, что нам важны другие люди. Вроде бы Кейн живёт достаточно долго, чтобы это знать.

– Всё н-норм, – ответил я.

Ох, чёрт. Это всё из-за музыки. Верните мне мою *in a corda*, пожалуйста, на это я не подписывался. Какая-то часть меня осознавала, что я под воздействием мелодии, оказавшейся для меня ядом. Наверное, срочно нужен Голос. Но сам я сделать уже ничего не мог. Вот если Кейн скажет, что я должен надеть наушники, тогда да. Всё настолько бессмысленно, что можно даже не тратить время и силы на спор с Кейном.

– Тогда ты можешь идти.

Вот блин. Если я сейчас скажу, что мне нужно послушать ещё немного, Кейн точно заподозрит неладное.

Кейн сел за свой стол, зашелестел бумагами. Я настороженно смотрел на него. Заметил он или нет?

– Иди-иди, – повторил Кейн. – На сегодня экзекуции

окончены, жду тебя послезавтра.

Кейн, Кейн, где твоя паранойя? Кейн, почему ты не говоришь «но на всякий случай послушай ещё вот это»? Ты живёшь на этой работе, почему сегодня ты так торопишься от меня избавиться?

Дверь кабинета захлопнулась у меня за спиной. Я остался один в пустом больничном коридоре.

Один.

С осознанием трагичной бессмысленности происходящего.

Каким-то невероятным усилием воли я в тот вечер всё же включил плеер. Просидел (и пролежал) в наушниках до самого утра. Трагичной бессмысленности вроде поубавилось. Но это, наверное, из-за головной боли, которую я себе заработал. Когда так болит голова, в ней не остаётся места на бесконечные рассуждения о смыслах. Всё заполнено огромным ежом, неистово пытающимся пробить черепную коробку металлическими иглами. Ежу, видимо, тоже хреново.

Иными словами, Голос, кажется, очень плохо совмещался с той болотной жижей. Неудивительно. Но мне-то теперь что делать?

Вот чёрт. Если я что-то испортил в собственной внутренней мелодии, то как исправлять?

Ладно, ладно, я сваял дурака, просто сваял дурака. Как

маленький. Завтра приду к Кейну и во всём сознаюсь. Надеюсь, он разберётся. Потому что если нет, то... ох, просто дослушаю эту штуку до конца и смело скинусь с моста.

Но это завтра. А сегодня мы договорились встретиться с Эгле и продолжить наши социально одобряемые развлечения. В частности, прогуляться по условно дикой части набережной. Даже это теперь было ужасно скучно, но по отдельности – в сто раз хуже, чем вместе.

Местом встречи сегодня была назначена кофейня неподалёку от автобусной станции. Подходя, я заметил, что Эгле пришла первой. Она стояла на крыльце в компании очень виноватой девушки с бумажным стаканчиком в руках и какого-то субъекта, щедро политого кофе. До меня донёсся обрывок их разговора, вернее, я услышал, как субъект назвал Эгле по имени.

От любопытства у меня даже головная боль немного отступила.

Я наострил ушки и вытянул шею, пытаюсь его рассмотреть. Ровесник Кейна. Или немного старше. Внешность не то чтобы очень примечательная. Разве что для наших мест. У нас так не загорись. Короткие, чуть волнистые волосы, наверное, были рыжеватыми, прежде чем выгорели до этой белесой желтизны. Ещё с моего места было видно, что он худощав, пожалуй, высок, а поскольку он стоял ко мне в профиль, я отметил крючковатый нос. Одежда, разумеется, тоже была каких-то светлых песочных цветов. Удивительно, что

он столкнулся только с одной любительницей кофе на вынос, в таком-то костюмчике.

Эгле, которая тоже разглядывала его во все глаза, с подозрением поинтересовалась:

– Кто вы и откуда знаете, как меня зовут?

– Кофейные демоны много чего знают, – охотно пояснил субъект, прикладывая ладонь к мокрому пятну на боку.

– Я вас не заметила... – сконфуженно проямлила девушка с бумажным стаканчиком.

– Конечно, – отозвался субъект. – Обычно я невидим. Требуется специальный ритуал, чтобы дать кофейному демону материальную оболочку в этом мире. Каждый раз, когда я хочу стать человеком, жрицы тайного культа приносят мне жертвы. Чаще всего это кофе в бумажном стаканчике. И тогда я принимаю человеческое обличье. К сожалению, жрицы почти всегда промахиваются... в том смысле, что не попадают в места, предназначенные для усвоения кофе. У меня, по крайней мере. Говорят, среди моих собратьев есть и те, кто выпитывает кофе исключительно боками. Везучие гады.

Субъект медленно отвёл ладонь в сторону. Незнакомая девушка и Эгле удивлённо ахнули – за его рукой тянулась тонкая бежевая струйка. Судя по всему, крючконосый воспользовался каким-то заклинанием, отделившим кофе от его одежды. Наверное, тем самым заклинанием, о котором мне говорил Кейн, когда я разбил нос.

– Прошу меня извинить, сеньора, кофе я вам не верну, –

серьёзно сообщил он девушке, стряхивая струйку в клумбу у крыльца. – Хоть вы и промахнулись, но жертва есть жертва.

– Простите, пожалуйста, – пробормотала она, опустив голову.

– Чепуха, – отмахнулся крючконосый, – было бы глупо ожидать, что вы попадёте в нужную точку невидимой цели. Здесь нужны годы практики. И не расстраивайтесь, что кофе был едва тёплый, лично я могу вас за это только поблагодарить. Было бы очень обидно воплотиться в человека с ожогом на боку.

Кем бы ни был этот тип, он явно не любил становиться причиной чьего-то чувства вины. Не уверен, что неловкие ситуации разругиваются именно так. Но Эгле и незнакомая девушка улыбались.

Внутри меня словно переключилось несколько треков. Вот укол зависти, потому что в моём присутствии Эгле не будет так улыбаться, её слишком давит моя слабость; вот слабое удивление новому чувству, такому нормальному; вот мысль, что голос крючконосого кажется мне знакомым.

Пока я стоял, пытаюсь вернуть контроль над мыслями, девушка успела испариться, а меня заметила Эгле. Кивнула в знак приветствия. Поняв, что я слышал часть разговора, она выразительно посмотрела на «кофейного демона» и подняла брови. Я понял, что она спрашивает, хочу ли я с ним разговаривать. Я отрицательно покачал головой и изготовился исчезнуть за поворотом.

– Здравствуй, Сим, – дружелюбно сказала эта крючконосая скотина, разворачиваясь ко мне.

– Здрасьте, – отозвался я, вытаскивая наушник. – А кофейные демоны всегда выпендриваются перед девчонками, которым в отцы годятся? – И повторил жест, которым он вытянул жидкость из ткани.

Не то чтобы я собирался хамить. Но чего он ожидал? Что я с воплями радости бросаюсь на шею всем незнакомцам, которые знают моё имя? Если так, надо было срочно дать ему понять, как всё обстоит в действительности. Это честно.

– Так и знал, – удручённо покивал он, – надо было подождать, пока она накинется на меня с салфетками. Или нет, лучше с носовым платком. Он бы остался у меня, а я бы потом искал хозяйку по всему городу, чтобы вернуть. Романтика.

Логично.

Гад.

Но всё-таки. Почему у него такой знакомый голос?

– Искать по всему городу? – Я приподнял брови. – Вряд ли для вас это сложно. Похоже, вы тут всех знаете.

– Нет, только подопечных Альбина Кейна, – спокойно возразил крючконосый, словно не заметив издевки. – Мне известно, что их тут всего двое. Хотя оба ходят с плеерами, довольно легко понять, кто из них Эгле Вайс, а кто – Сим Нортенсен.

Он ещё и из шайки Кейна. Отлично.

– А что, больные una corda у нас теперь достопримечательность? Надеюсь, Кейн не слишком задирает цены на посещения?

Эгле уже успела обосноваться у меня за спиной и теперь предупреждающе шипела, но меня понесло. Безнадёжно.

– Приходите ещё. Можете договориться с нами и отдавать нам ровно в два раза меньше, чем сейчас платите Кейну. А мы не скажем ему, что вы приходили поглазеть на нас.

Крючконосый не оскорбился. Он смотрел на меня разочаровывающе спокойно. Кажется, с любопытством.

Даже его глаза похожи на песок, подумал я. Точнее, на песочное дно на морском мелководье – в полный штиль, когда солнце в зените, оно бывает вот таким, зеленоватым с золотистыми прожилками.

Не люблю море в штиль. У него тогда как будто тоже una corda.

– Сеньор, простите, – несчастным голосом сказала Эгле, – наш автобус подходит...

– Не смею вас задерживать. – Он ласково улыбнулся Эгле, чуть поклонившись.

...Уже когда мы сели в автобус, я медленно сказал вслух:

– Нет, не может быть.

Эгле вопросительно покосилась на меня.

– Он не может быть из этой бледной шайки, – пояснил я. – И вообще он не отсюда. Эта рожа за последние года два солнца видела больше, чем мы с тобой за всю жизнь. И под

больничными лампами он явно дольше часа в месяц не проводил.

Эгле молчала, и я продолжил:

– Странно это всё. Какой-то мужик, знакомый Кейна, но не имеющий отношения к больнице, случайно встречается нас на улице.

– Не знаю, кто он, – хмуро отозвалась Эгле, – но ты вёл себя не очень-то красиво. Я понимаю, что una corda заставляет тебя разводить людей на сильные эмоции. Но почему бы не попробовать их веселить, а не бесить?

– Я похож на клоуна? – хмыкнул я.

Эгле ничего не ответила. А я вспомнил, как она улыбалась, когда крючконосый заливал про кофейных демонов. Стало совсем мерзко.

Я зажал кнопку, активирующую плеер, нацепил наушники. Голос начал знакомую песню, и мне почти тут же полегчало. Ненадолго, но за это время я успел подумать, что, наверное, Эгле права. Ненадолго – потому что...

А если представить, что Голос не поёт, а говорит? И на алинге, а не на кэлинге?

Я помотал головой и снова сказал:

– Не может быть.

От слишком резкого движения металлический ёж в моей голове взбесился. Ох, парень, ну сидел же ты тихонечко всё это время...

– Что с тобой? – Эгле моментально обернулась ко мне.

– Да нормально всё, – отмахнулся я. – Немножко голова утром болела, а тут ещё и этот... я расстроился, в общем.

– Ну-ну, – неопределённо сказала Эгле, снова отворачиваясь к окошку. – Кричи хоть, если что.

За столом Альбина Кейна сидел робот с мозолями от ручки на бледных пальцах. Раз в сорок минут робот клал ручку на стол Альбина Кейна и дёргал невидимую струну. Свет разгорался ярче, пальцы становились бледнее, мозоли вежливо напоминали о себе и тут же покорно умолкали, снова соприкоснувшись с ручкой. Кейну не пришлось трогать сами струны в больничных лампах, ни разу, на самом-то деле, не пришлось, но он мог поклясться, что само заклинание скоро сотрёт ему кожу сильнее, чем ручка.

Он был рад передышке, которую получил, открывая сообщение. Но ничего не отразилось на его лице. До большого перерыва было ещё как минимум полчаса. А пока надо было как следует поработать.

Приглушённо щёлкнул механизм замка, когда дверная ручка повернулась, приведённая в движение кем-то с другой стороны двери.

И робот с бейджем на груди, где было написано «Альбин Кейн», стал Альбином Кейном.

Не потому, что велик был звукомаг Вигге Марсен, и всё оживало в его присутствии. Но всё же, поистине удивительны дела, которые может совершить простое человеческое

злорадство. Или предвкушение злорадства.

– Ну что? – поинтересовался Альбин, изнывая от любопытства. – Как тебе милый мальчик Сим? Рассказывай. Я хочу знать всё. Как далеко он тебя послал, какую деталь твоей внешности высмеял, что за обидное прозвище он тебе придумал. Он ведь очень креативный мальчик, очень, очень способный и творческий.

Марсен терпеливо дождался, пока Альбин умолкнет.

– До чего же мерзкие тут лампы, – вздохнул он, неторопливо усаживаясь в кресло. – От этого жужжания с ума сойти можно.

– Вот и Сим того же мнения, – хмыкнул Альбин, сплетая пальцы в замок. – Итак, вы случайно встретились в городе, ну, и?

– Встретились, – спокойно кивнул Марсен.

Альбин восхищённо внимал.

– Я понял, в чём ваша проблема. – Голос Марсена был полон участия, на зависть любому семейному психологу. – Просто ты склонен его недооценивать, а вот он тебя переоценивает. И этот трагический разрыв...

– Неужели? – удивился Альбин.

– Я тоже был поражён, – сообщил Марсен. – Похоже, ты его совсем не знаешь. Я думал, он твой давний пациент.

Выражение лица Альбина приобрело оттенок недоумения.

– Серьёзно, – Марсен укоризненно покачал головой, – как

ты мог считать его таким поверхностным?

С удовольствием понаблюдав за метаморфозами в мимике Альбина, он невозмутимо продолжил:

– Сим Нортенсен вовсе не склонен высмеивать физические недостатки новых знакомых. С самой первой фразы разговор шёл только о моих внутренних, человеческих качествах. Кстати, тебя он тоже упоминал. Возможно, тебе стоит знать, что он более высокого мнения о твоих умственных способностях, чем...

– ...Чем о твоих? – ехидно подхватил Альбин.

– Чем я, – кратко ответил Марсен.

– Что-то ты темнишь, сеньор великий звукомаг, – заметил Альбин. – Я верю в Сима, он бы обязательно что-нибудь придумал.

– Ну, – сказал Марсен, почесав кончик носа согнутым указательным пальцем, – ты мог бы и сам догадаться. Меня он обвинил в чрезмерном интересе к слишком юным девушкам.

– А ты его к ним проявляешь? – восторженно спросил Альбин.

Марсен неуловимо поморщился.

– Какая-то трепетная двадцатилетняя дева облила меня кофе.

– А, – понимающе сказал Альбин, – и ты выкрутился в своём обычном стиле.

– Не сразу. Но истерики и публичных самоубийств мы избежали.

– Я в тебе не сомневался. А что там насчёт моих умственных способностей?

Марсен некоторое время молчал, задумчиво глядя в потолок. Затем произнёс:

– Если в двух словах, то Сим считает тебя отличным предпринимателем.

Альбин издал какой-то странный звук.

– В частности, – продолжал Марсен, бросив на него быстрый взгляд, – думает, что ты наживаешься на чужом несчастье.

– На них с Эгле? – озадаченно уточнил Альбин. – Честно говоря, никогда не думал об извлечении выгоды из болезней внутренней мелодии.

– Я тоже думал, – отозвался Марсен, – что ты об этом не думал. Потому-то я и говорю тебе, что мальчик о тебе более высокого мнения, чем я. Но наживаешься ты не на них, а на мне и моём слабоумии. Я, видишь ли, никогда не встречал больных *upa corda*. Они, видишь ли, больше нигде не водятся. Только в Ленхамаари. Любопытствующие съезжаются буквально со всего света. А злокозненный Альбин Кейн за скромную плату говорит им, где можно найти этих самых больных.

– Самых больных... – эхом повторил Альбин, вертя в пальцах ручку.

– Альбин, – сказал Марсен очень мягко и очень укоризненно.

Тот прикусил губу и опустил голову.

– Я знаю, что не должен так говорить.

– Вот именно, – подтвердил Марсен. Взгляд его, устремлённый на Альбина, был спокоен и строг. – Если ты хочешь ему помочь, тебе нужно изменить своё к нему отношение. Считай его личностью. И спроси себя – почему ты считаешь возможным оскорблять жалостью эту личность?

Он слегка повысил голос на последней фразе. Альбин молчал.

– Этого не по годам проникательного парня?

Альбин посмотрел на Марсена исподлобья. Марсен, ожидавший этого взгляда, закончил:

– Этого маленького паршивца, который думает, что любая пакость сойдёт ему с рук?

Альбин был страшно доволен.

– Я знал! – торжествующе воскликнул он. – Я знал, что мальчик сможет завоевать твои симпатии!

– Буквально тремя фразами, – усмехнулся Марсен. – И двумя жестами.

Альбин развеселился ещё больше. Видимо, представил. Марсен тоже улыбнулся. Видимо, вспоминал.

– Вообще-то, немного жаль, что всё так получилось. – Альбину удалось совладать со злорадством и принять серьёзный вид. – Хотя... – Он задумался, потом махнул рукой: – Впрочем, ладно. Ты здесь отдыхаешь, всё-таки.

– Ты хотел попросить меня за ними присмотреть? – Мар-

сен чуть приподнял брови.

– Хотел, – признался Альбин.

– Так попроси.

– Но ты же откажешься?

– Почему?

– Да потому что ты же шут гороховый, который делает всё, что ему нравится. А то, что не нравится, шут, соответственно, не делает.

– Ну, – несколько уязвлённо отозвался Марсен, – ещё у меня есть чувство долга. Так говорят.

– Какое ещё чувство долга? – возразил Альбин. – Мальчик и так живёт, благодаря твоей музыке. Ну да, наверное, ему было бы полезно слышать живого донора, но ты ему ничего не должен. Словом, продолжай делать то, что тебе нравится.

Марсен скорчил рожу.

– Это ты меня так на слабо берёшь, да?

– Наглец, – оскорбился Альбин. – Я же честно тебя предупреждаю, что Сим не подарок. И говорю, что ты не обязан ради него надрываться. Всё, о чём тебя просили, ты уже сделал.

– А может, я хотел бы с ними подружиться? – Задумчиво, словно сам себя, спросил Марсен.

Альбин внимательно на него посмотрел. Дождался, пока Марсен тоже скосит на него глаза.

– Ты всё места себе найти не можешь? – поинтересовался Альбин вполголоса.

Марсен пожал плечами и улыбнулся – открыто, даже с долей беззащитности. Мол, если ты собирался меня в чём-то уличить, то зря, я и не прятался, я думал, ты и так в курсе, разве нет?

– Думаешь, меня не стоит подпускать к детям вообще?

– Ну, – осторожно начал Альбин, – учитывая, чем кончился первый твой контакт с детьми этого города...

– Они тоже не просто поздороваться подошли.

– А ты что, полагаешь, Сим будет с тобой здороваться? – ехидно спросил Альбин. – Болтать с тобой о погоде? Складывать журавликов? Играть в шахматы? Ходить на рыбалку? Разводить хомячков?

– Я очень надеюсь, – серьёзно отозвался Марсен, – что он всего этого делать не будет. В особенности разводить хомячков.

Оба замолчали. Наконец Альбин тяжело вздохнул.

– Я предупреждал. Я предупреждал тебя, что у крутого солдафона, каким ты по молодости и глупости хотел стать, будет прочный панцирь. Что будет очень сложно возвращаться назад.

– Я донор, – мягко напомнил Марсен. – Уже почти десять лет.

– Да. И почти тринадцать – боевой звукомаг. Рискнёшь связаться с *una corda*? Можешь забыть о том, чтобы когда-нибудь снова стать прежним.

– Я и так не стану прежним, – усмехнулся Марсен. – И не

нужно. Вернуться в определённый возраст, к определённой картине мира, да ещё и застрять в этом всём? Что может быть хуже?

– Не притворяйся, что не понял. – Альбин мрачнел всё больше. – Знаешь, что делает una corda? Она толкает больного на разные безумства. Окажешься поблизости – будь готов принимать такие вызовы, какие тебе и не снились. Симу плевать, что ты какие-то там десять лет назад кого-то там победил. Он страшно обижен на весь мир, и это всё, что его волнует.

– Его можно понять, – негромко сказал Марсен. – Он чувствует, что мир играет. Любой обижается, если его не берут играть.

– Вот именно. Он будет требовать от тебя чудес здесь и сейчас. Но не будет в них верить. А если ты не справишься – считай, мы его потеряли. И Эгле заодно. И знаешь, что хуже всего для тебя? Проблему силы легче всего решить боевому звукомагу. А тебе так делать нельзя. Это окажется взрывом.

Марсен молча кивнул. Затем поднялся с кресла. Подошёл к Альбину, слегка хлопнул его по плечу:

– Ладно тебе, док, я и так всё это знаю. Может, просто попробуем понять, чего от нас хочет Изначальная Гармония?

– Предлагаешь монетку кинуть? – хмыкнул Альбин.

Марсен взглянул на него немного удивлённо.

– Ну, – сказал он, – кинь, если хочешь. Но я-то имел в виду, что готов... к бездействию.

– В смысле, ты готов не играть в рыцаря на белом коне, пока никто тебя об этом не просит? – Недоверчиво уточнил Альбин.

– Ну да.

– Допустим, – всё ещё глядя на него с подозрением, согласился Альбин. – Ладно, давай. И запишись ко мне на приём, мне кажется, что-то не так с твоей внутренней мелодией... Марсен! Током-то зачем?!

– Доказываю, что я в полном порядке, – невинно ответил Марсен. – А если серьёзно, то я действительно готов некоторое время ни во что не ввязываться. В итоге всё будет так, как должно быть, ты же знаешь.

– Я знаю, что ты так думаешь, – вздохнул Альбин. – Это всё.

– Хорошо, – терпеливо согласился Марсен, – тогда слушай меня, я буду посланник Изначальной Гармонии. И с этого момента я обещаю не предпринимать никаких попыток вмешательства, если только не попаду в ситуацию, в которой это окажется единственным выходом. Идёт?

Альбин посмотрел на него снизу вверх. Потом улыбнулся:

– Идёт.

К вечеру мне стало совсем плохо. Когда мы вышли из автобуса, Эгле прямо поинтересовалась, что со мной такое весь день. Точнее, что это такое магическое позволяет мне врать

ей весь день и не краснеть.

– Всё норм, – упрямо повторил я, стараясь не кривиться. – Просто голова болит.

– Просто болит?

– Ага.

– Просто.

– Болит.

– Сим.

– Что?

– Гнусный обманщик, вот ты кто. – Эгле тяжко вздохнула. – Я знаю, когда у людей физически что-то не в порядке, а когда – гармонически. Вот не стыдно тебе?

– Не стыдно... – просипел я.

И вот это была чистая правда. Мне и не могло быть стыдно. К этому моменту я уже ощущал только настоящую потребность сесть. Для начала. Пришлось позволить Эгле утащить меня к ближайшей лавочке. Там я кое-как распутал наушники. Едва не теряя сознание от головной боли, вставил их в уши, запустил трек...

Без изменений. Без изменений, чёрт возьми. Голос звучит в моей голове, я знаю, он пытается усмирить дурацкого железного ежа, но безрезультатно. Ёж бесится, и скоро у меня лопнут глаза. Шум в ушах нарастал, и он не имел ничего общего с музыкой.

Но вдруг Голос всё-таки пробился. Пробился сквозь темноту и шумовую кашу. А потом я понял, что он звучит и

внутри головы, и снаружи. Кто-то подпевал Голосу в моих наушниках. Голос подпевал Голосу в моих наушниках.

Ёж угомонился, наверное, тоже был весьма удивлён. Так удивлён, что к концу трека бесследно исчез.

– Чистые квинты, – сказал Голос. – Чем это ты умудрился так травануться?

Я поднял глаза, с трудом сфокусировал взгляд. Крючконосый. Теперь-то никаких сомнений не было, а ведь я правда надеялся, что быть такого не может.

Ну почему из миллионов людей именно он?

Очередная шутка Изначальной Гармонии. Она всегда любила так надо мной прикалываться.

– Пойдём, прогуляемся к сеньору Кейну, несчастный.

Он помогает мне подняться на ноги, поддерживает, буквально тащит на себе. Мне уже не больно, но я очень слаб.

Голос продолжает напевать что-то на кэлинге. Приоткрыв на секунду глаза, я вижу полосы разноцветного воздуха, которые ветер уносит вместе со звуком.

Глава 9. Перепалка

– ...Так. Ещё раз. То есть, ты взял и оставил его одного в кабинете?

– Да.

– В одном помещении с песнями Нейлер Ренн?

– Да.

– От которых даже мне иногда нехорошо?

– Именно поэтому я и храню их в кабинете.

– Нет, нет, погоди, я, наверное, всё-таки чего-то не понял. Ты оставил в одном помещении с песнями Нейлер Ренн человека, которому я прихожусь донором?

– Да, да, да, чёрт возьми, я так и сделал.

– Человека, донором которого являюсь я?

– Марсен. Ты случайно не хочешь послушать немного Нейлер Ренн?

– Не хочу. Лучше скажи, на что ты рассчитывал? Или мы знакомы первый день? И тебе ни о чём не говорит характер воспринимаемой мелодии? Ты не знаешь, что в качестве донорской музыки может использоваться только то, что попадает в резонанс? Ты не можешь себе представить, с чем должна резонировать моя музыка?

– Слушай, заткнись, а? Откуда я мог знать, что полуживой мальчишка полезет исследовать чужой проигрыватель? Он даже от плеера поначалу шарахался.

– Да, действительно. Откуда. Какая у меня там была температура, когда я согласился, чтобы ты попытался меня вылечить звукомагией?

– Что-то за сорок, кажется...

– Вот. Мне это не помешало довериться тебе и стойко вытерпеть все твои издевательства. Заметь, из чистого любопытства. Это всё, что остаётся, когда терять нечего.

– Довериться и стойко вытерпеть? Нечего терять? Ты составил список вещей, которые ты должен будешь вспомнить, если моё лечение окончательно вскипятит твой мозг и пре-

вратит тебя в овощ!

– Это было разумной предосторожностью.

– Да? А как насчёт завещания?

– Знаешь, что? Посмотри на тело несчастного Сима Нортенсена и скажи: «Я, Альбин Кейн, никогда не совершаю ошибок, достойных, по крайней мере, жесточайших насмешек». Лично я только сейчас понял, что тогда чудом выжил. Ты ведь в то время даже великим целителем не считался.

– А я сейчас понимаю, что всё-таки вскипятит твои мозги. Прости, друг, выходит, это из-за меня ты теперь такой придурок.

– Слушай, я сегодня же вычеркну тебя из завещания. Не видать тебе пластмассовой блок-флейты как своих ушей! И камень «куриный бог» ты тоже не получишь.

– И не надо. Хочешь, я тебя с ними захороню? Будешь как древний царь. Что ещё положить в твою нищевородскую сокровищницу? Коллекцию разноцветных стёклышек? Хотя нет, они пойдут на украшение твоей могилы. Я выложу ими надпись: «Здесь лежит величайший придурок всех времён и народов». Мне ведь хватит стёклышек?

– Добрый ты... а ведь я, между прочим, внёс тебя в список того, что обязательно должен был вспомнить.

– Ага. Внёс. В контексте «ты потерял память из-за Альбина Кейна, напидай ему за это, когда выздоровеешь».

– ...Нет. Сам питайся своим супом из травы.

– А ты будешь сидеть и на меня смотреть?

– Я могу отвернуться. Это очень легко, я тебя научу.

Смотри, вот так вот – раз...

– Когда Эгле вырастет, мы с ней напишем книгу. Она будет называться «Как жить, если твой лучший друг – придурак».

– Пишите-пишите. Я не замедлю с ответным ударом. У меня давно есть одна идейка для песни, я тоже название придумал.

– Что-нибудь вроде «Самый занудский зануда в мире»?

– Точно.

– Ты чудовищно предсказуем. Так, в последний раз спрашиваю – чай будешь?

– А я в последний раз отвечаю – нет, ни за что на свете, отстань от меня со своей варёной травой раз и навсегда. Видимо, не так уж я предсказуем, раз ты всё ещё надеешься на какой-то другой ответ.

– Просто я пытаюсь привить тебе правила хорошего тона. Я даю тебе шанс на другой ответ. Например, такой: «Нет, спасибо огромное, я не рискну лишать тебя этого напитка богов, друг мой, но обязательно сложу балладу о твоей щедрости».

– Нет, друг мой, обойдёшься без баллады. А то все узнают, что у тебя есть напиток богов и что ты им щедро делишься. Хотя нет. Одну я всё-таки напишу. Я напишу балладу о том, что ты – воплощённое зло.

– Это ещё почему?

– Потому что я уже битых десять минут пытаюсь узнать у тебя координаты ближайшего дружественного кофейника, а ты отвлекаешь меня этими замороженными листиками!

– Не ори. Я выдал тебе эти самые координаты, как только ты спросил. Причём нарисовал на листочке, как туда пойти. Ты сунул его в карман и принялся мотать мне нервы.

– Правда? А... точно. Извини.

– Кофейный демон, тоже мне.

– Откуда ты знаешь?

– О, ты не поверишь, сколько всего известно нам, чайным вампирам... Ладно, ладно, мне Эгле рассказала. Давай, шуруй за своим эликсиром жизни. Постарайся материализоваться через пятнадцать минут, у меня как раз вода остынет до нужной температуры.

– Жалкие смертные совсем обнаглели. Где это видано, чтобы кофейные демоны сами себе жертвы приносили?

– Я могу принести тебе в жертву немного мелочи, только обещай развоплотиться прямо сейчас.

В пустой палате было хорошо. Там были большие окна, а за окнами – солнечный июньский день. Поэтому дурацкие больничные лампы были выключены. То есть, царила блаженная тишина. Ну, начала царить, когда я вытащил наушники.

Я наконец-то пришёл в себя самостоятельно. Судя по ка-

лендарю, я провалялся трое суток. Сейчас надо было проанализировать информацию, благо, голова вроде работала. Более того, в ней сохранилась информация о том, что происходило вокруг. Ну, в те моменты, когда меня выносило на поверхность тёмного потока. Не сомневаюсь, меня навещала Эгле, но этого я не помнил. Меня всегда будил Голос... в смысле, Марсен.

Чёрт. Я так привык воспринимать Голос как нечто отдельное. Иногда – как часть себя. А теперь придётся как-то осознать, что у него есть имя и человеческое тело. И крючковатый нос, да.

Но это полбеды. Или даже треть беды. Его ведь теперь ещё и выключить нельзя. Ну, то есть, можно. Но это, во-первых, называется «вырубить». Во-вторых, преследуется по закону. И, в-третьих, очень проблематично.

И да, оказывается, у Альбина Кейна действительно есть друзья. Ну, наверное, в детстве он был не такой занудный. Хотя... судя по подслушанным пикировкам, он всё ещё умеет говорить по-человечески. Просто тщательно это скрывает. Да что там, у него даже чувство юмора есть, страшно представить. Он весьма достойно держался во всех перепалках.

Ещё я понял, что они оба, Кейн и Марсен, за словом в карман не лезут. И хотя оба довольно безжалостны, мне, как оказалось, по-настоящему ни разу не доставалось. Пока.

Интересно, когда мы с Эгле станем «друзьями детства», будем ли мы так же обмениваться колкостями? Будут ли у

нас пикировки, свидетели которых будут то ржать до упаду, то беспокоиться, не пора ли нас растащить?

Размечтался, ехидно одёрнул я сам себя, приличные люди столько не живут. Слышит Изначальная Гармония, я – первый кандидат стать приличным человеком. Из нас двоих, по крайней мере.

И мне вдруг стало отчаянно обидно. За окном мерзопакостная солнечная погода, в которую глаз толком не открыть, море наверняка вот этого вот противного золотисто-зелёного цвета, ещё и отвратительно тёплое небось. А я лежу тут, как идиот, к тому же, совсем один. Трачу время, которого вообще всем не так уж много отпущено, а мне ещё и порцию урезали. Удивительно, думал я, прислушиваясь к глубокой внутренней обиде. Всегда был спокоен на этот счёт. А теперь – поди ж ты.

Чёртов крючконосый.

Словно в ответ моим мыслям, дверь палаты приоткрылась. В щель просунулась разлохмаченная голова Эгле.

– Привет, – шёпотом сказала Эгле, расплывшись в улыбке.

От неожиданности я тоже улыбнулся. Хотя и не так широко.

– Марсен сказал, что ты уже не спишь, – сообщила Эгле, проскальзывая внутрь. – Так-то я тут уже минут сорок сижу.

Марсен, значит, сказал. Настроение у меня слегка подпортилось.

– Не сплю, – подтвердил я. – Много я пропустил интерес-

ного?

Эгле сморщила нос и помотала головой:

– Что тут могло происходить интересного, если ты сутками дрыхнешь и только с боку на бок поворачиваешься?

Я чуть не сказал «подлизываешься?» Но вовремя спохватился. Эгле бы мне этого не простила. А мы видимся впервые за четыре дня, я не мог себе позволить всё испортить.

– Я хочу пнуть тебя в ногу, – серьёзно призналась Эгле. – В правую. Повернись, пожалуйста.

– За что? – Удивился я, на всякий случай отодвигаясь.

– За попытку самоубийства, вот за что. Ты чем думал, когда те песни запустил? Совсем дурак, да?

– Мне было интересно. – Я виновато развёл руками.

– Интересно? – возмутилась Эгле. – Слушай, я ещё могу понять, когда маленькие дети видят красивый блестящий шарик и тащат его в рот. Но ты же знаешь, что плей-лист тщательно подбирается.

– Эй, – возмутился и я, – вообще-то, я был хорошим мальчиком, пока ты не предложила мне свой наушник.

Эгле фыркнула:

– Ты что, наши сонотиции никогда не видел?

– Ну, видел.

– И каких они обычно цветов?

– Похожих, – сконфуженно отозвался я, уже поняв, к чему она ведёт.

– А сонотиций с Нейлер Ренн какой был?

– Не такой. – Я примирительно поднял руки: – Ладно, ладно, я уже понял, это было глупо. И когда ты вырастешь, вы с Кейном напишете книгу и назовёте её «Как жить, если твой лучший друг – придурок».

Эгле на секундочку задумалась.

– Отличная идея, – наконец сказала она. – А что, у Кейна тоже есть лучший друг-придурок?

Ага, насчёт «лучшего друга» возражений нет. Это плюс. Но сам вопрос наталкивает на мысль, что Эгле питает некоторые иллюзии по поводу Марсена. Это минус.

Тьфу. Вспомнишь песню – вот и эхо.

– Конечно, есть, – жизнерадостно подтвердил крючконосый, заходя в палату. – У здравомыслящего человека обязательно должен быть друг-придурок. Чтобы смотреться на его фоне воплощением истины.

Какой же. Он. Отвратительный.

Нет, серьёзно. Нормальные люди так не улыбаются, разве что лошади. У него же зубы треть лица занимают. Это даже «лыбой» не назвать, это «лыбища».

Впрочем, ещё меня могло бесить то, что ответ этой невыносимой солнечности играл и на лице Эгле.

– Эгле, пусть он уйдёт. – Я демонстративно натянул простыню на голову. – Он мне своими зубами солнечные зайчики в глаза пускает. И не рассказывай сеньоре Элинор, какие подозрительные типы здесь появляются. А то она тебя больше ко мне не отпустит.

Ох, да, я знаю, я очень плохо себя веду, с почётными донорами и жизнеспасателями так не разговаривают.

Но он меня раздражал.

– А они знакомы, – не без злорадства отозвалась Эгле. – Кстати, мама сказала, что из тебя получился красивый человек. Только ты сильно не обольщайся, это у неё специальное выражение такое. Нет, иногда она правда про красивых людей так говорит. Но то же самое она говорила про одноглазую девушку и ещё про какого-то старика.

Ого. Трижды – «ну ничего себе».

Первое – ну ничего себе, я точно только три дня проспал?

Второе – ну ничего себе, этот тип понравился сеньоре Элинор?

Третье – ну ничего себе, а я и не знал, что Эгле так умеет. Поставила меня на место, а крючконосого то ли похвалила, то ли обругала. Вроде как: «А вот и не подерётесь». Или: «Вы меня в это не втянете».

– В любом случае, спасибо, – с лёгкой оторопью отозвался Марсен. – Ладно, я, в общем-то, по делу пришёл.

«Говори и выметайся», – чуть не сказал я.

– Я бы не стал вмешиваться в ваш разговор с Эгле, – неожиданно серьёзно начал он, – но лучше сказать вам об этом до того, как Сим отсюда выйдет.

– В чём дело? – зевнул я. – Снаружи зомби-апокалипсис?

– Не исключено, – рассеянно согласился Марсен, – но он к делу не относится. Я просто хотел предупредить, что у нас

появилась общая проблема. Или, опять же, выгодная особенность.

– Сеньор, – сказал я, – за свою жизнь с una corda я слышал достаточно плохих новостей. Если вы хоть что-то знаете про мою болезнь, то вы могли бы догадаться. Я всё равно не смогу толком отреагировать. Хватит с меня словесных анестетиков. Они на здоровых-то не действуют.

Марсен вздохнул, будто хотел сказать – «ну, я предупредил».

– Дело в том, что я постоянно натыкаюсь на своих реципиентов, стоит мне попасть в один город с ними. Или они на меня натыкаются. И чем больше у них в плей-листе моих песен, тем чаще наши пересечения.

Забудьте всё, что я говорил про una corda, плохие новости и мою стойкость.

Мир, ты очень, очень несправедлив. Я надеюсь, тебе за это стыдно.

Марсен слегка потрянул головой, сунул руки глубоко в карманы, а взгляд у него стал почти сердитый. Но сердился он не на меня, а на ситуацию в целом. Странно, сейчас он выглядел куда младше, чем при первой нашей встрече. Если бы я не знал, что он дружил с Кейном в детстве, вообще подумал бы, что у нас всего несколько лет разницы. Я об этом думал ещё тогда, когда слушал песни – что Голос всегда один, а возраст у него будто каждый раз другой. Но решил, что просто песни были записаны в разное время.

– Я говорю это для того, чтобы вы не подумали, будто я вас преследую, – сказал Марсен. – Но я сто лет мечтал сюда вернуться. И у меня примерно такое же право заставить вас постоянно меня видеть, как у вас – просить меня немедленно уехать. То есть никакого.

– Ничего страшного, – ровным голосом отозвался я. – Посижу дома. Всегда мечтал всё лето посидеть дома. Я тебе даже скажу, где живу, чтобы ты на меня случайно не натыкался.

– А есть другие варианты? – вмешалась Эгле, бросив на меня уничижительный взгляд.

Марсен развёл руками.

– Мы можем извлечь из этого пользу. Вместо того, чтобы ломать планы друг друга, мы можем их придумывать. Я вырос в Ленхамаари. Уверен, тут ещё остались места, которых вы не видели.

– Ой, – снисходительно сказал я, – можно подумать, ты тут единственный, кто родился в Ленхамаари.

Вместо того, чтобы ответить колкостью или каким-нибудь поучением, Марсен просто спросил:

– А вы уже бывали в заброшенном трамвайном депо?

Эгле тоже вопросительно на меня посмотрела.

– Нет, – неохотно признал я.

Честно говоря, я даже не знал, что оно тут есть.

– А в рощице, которой кончается девятая автобусная линия?

– Нет.

– А до конца запасных железнодорожных путей когда-нибудь шли?

Я увидел, как у Эгле загорелись глаза. Она выросла на книжках про экспедиции в Тихие Земли. Сейчас её внутренний путешественник и внутренний исследователь обнимались, радостно верещали и танцевали буги-вуги.

Я вырос в семье исследователя Тихих Земель. И теперь я был готов всё лето просидеть дома.

– Нет, – сквозь зубы ответил я. – Я там не был. Мне, видишь ли, нельзя далеко и надолго уходить.

– Ой, – снисходительно сказал Марсен, – можно подумать, кто-то способен остановить тебя словом «нельзя». Будь это так, мы бы с тобой вообще сейчас тут не сидели.

Всё, у тебя нет шансов вывести лимит доверия хотя бы к нулю, крючконосый гад.

Правда глаза колет, это да.

– Тебе это всё нельзя, – продолжал Марсен, уже без снисходительности, – потому что ты, во-первых, болен *una corda* и нуждаешься в подзарядке. Во-вторых, тебя не считают взрослым. Открою тайну – в ближайшее время это не прекратится. Если ты не будешь слушаться взрослых, они будут говорить, что это всё бунтарский дух, юношеский максимализм и переходный возраст, это всё от инфантильности, пройдёт. А если ты будешь их слушаться, они тем более не станут считать тебя равным. Никогда. Даже жаловаться будут, что ты сам шагу ступить не можешь.

– Безысходность какая-то, – мрачно заметил я. – А ты-то что предлагаешь?

Чистые квинты, он ещё ужаснее, когда таинственно улыбается.

– Во-первых, я плеер, который не разрядится посреди дороги. И, к тому же, хранит в себе весь твой плей-лист. Во-вторых, если мы объединимся, нам можно будет делать всё, что угодно. Вообще всё. Вам всё сойдёт с рук, потому что вы вроде как под моим строгим надзором. А мне всё сойдёт с рук, потому что я вроде как с детьми.

– Поправка, – угрюмо возразил я. – Нам можно будет делать всё, что позволишь ты. Нет причин думать, что нам это понравится, я тебя вижу третий раз в жизни.

– Ага, – ответил Марсен. – Конечно, причин нет. Но вы всё-таки подумайте об этом.

И он ушёл. Эгле расстроено проводила его взглядом.

– Почему? – Спросила она, когда за Марсеном закрылась дверь.

– Он меня бесит, – честно ответил я. – Я бы мог начать выкручиваться. Ну, знаешь, сказать, что все его предложения не звучат как что-то безопасное. Но мы с тобой крепко вляпались в конфликт с целой бандой. В лучшем случае – только с одной. Так что уж не мне про безопасность квакать. Поэтому говорю как есть – просто он меня бесит.

Эгле подошла и присела на краешек кровати.

– Я и спрашиваю – почему? У вас очень похожие мелодии.

Почему он тебя бесит?

Я задумался.

Вообще-то, никто не обязан мне нравиться. И я не обязан никого любить просто за факт существования. Я не выбирал себе внутреннюю мелодию. Не моя вина, что я реципиент Марсена. Будь моя воля – я бы вообще *una corda* не болел.

И самое главное – я не обязан за всё это оправдываться.

– Даже не знаю, – задумчиво протянул я. – Может, потому что я не девочка?

На мгновение мне показалось, что сейчас Эгле меня ударит. Бледные щёки окрасились слабым румянцем гнева.

– Я не хотела тебе всего этого говорить, – очень тихо начала она, – но уже не могу делать вид, что всё нормально. Когда мы его впервые встретили, ты вёл себя по-свински. Допустим, ты отравился и плохо себя чувствовал. Но сейчас? Почему ты говоришь мне гадости? Я-то что не так сделала?

Я молчал. У меня в голове было звонко и пусто. Я сломал что-то очень хрупкое. И не знал, как всё исправить.

– В эти три дня, – продолжала Эгле, – Марсен провожал меня домой по вечерам. Уверена, у него были планы на свой отпуск. Но он торчал тут, в больнице, а потом провожал меня, потому что Кейн рассказал ему про банду Кори. Он не обязан был меня от них защищать. Но он всё равно тратил на меня время. Просто так. Смешил меня разными глупостями, потому что я с ума сходила. Я очень боялась, что ты не проснёшься. И знаешь, что? Если я к нему хорошо отно-

шусь, потому что я девочка, то с тобой я тоже дружу только поэтому. Подумай, хочешь ли ты в таком случае со мной разговаривать.

Она ушла.

Я остался.

Я не знал, что делать.

Кажется, мы никогда не будем теми, кого называют «друзьями детства».

Глава 10. Прозрачность.

Перед тем, как выпустить меня на волю, Кейн хорошенько поклевал мои бедные мозги. В частности, я нарвался на длинную нудную лекцию о звукомагии. Мне рассказали о том, как мелодии совмещаются и как не совмещаются. О том, что для глухих и очень тупых существуют цвета. О том, что у родителей следует хоть иногда чему-нибудь учиться – в смысле, сеньора Дана Нортенсен сочетает цвета безукоризненно, и её непутёвому сыну стоило бы брать с неё пример. О том, что нехорошо рыться в чужих вещах. О том, что я обязан немедленно сообщать о каждом чихе своему лечащему врачу, если не собираюсь отчалить в ближайший год.

Хорошо, что он не был в курсе последних событий. А то я ещё бы узнал, что ссориться с единственным другом – это очень плохо и вредно для внутренней мелодии.

Кроме всего прочего, он заставил меня подробно рассказать, как я использую плеер. В смысле, как часто слушаю, как долго слушаю, что переслушивал несколько раз, что успел

запомнить. Сам не заметил, как выболтал ему свои открытия. Ну, что музыку можно слушать руками. Я бы и не вспомнил, что рассказал ему и об этом тоже, слишком уж рассеянный был после ссоры с Эгле. Просто Кейн в этот момент как-то странно на меня посмотрел. Меня это удивило, потому что Эгле-то на моё открытие почти не отреагировала. Так почему Кейн на меня так вытаращился?

Эх, ладно, неважно. Какой смысл его заставлять лишний раз со мной разговаривать, если он всё равно не поможет мне помириться с Эгле. Я даже не знаю, что или кто теперь поможет.

Я так и не понял, знал ли Кейн о разговоре с Марсеном. И о том, как я себя вёл. Боюсь, эти двое заключали пари, причём выигрывал тот, кто слышал от меня больше оскорблений. Если так, то у обоих пока что было по нулям. И Кейн, и Марсен, видимо, привыкли играть честно, поэтому специально меня не провоцировали. А сам я был заполнен изнутри туманом грустной растерянности, поэтому скандалить меня не тянуло. Нервы Кейна я и вовсе целенаправленно берёг. Сейчас это был единственный человек, с которым я разговаривал. Ну, ещё мама. Иногда. Когда она не на работе, когда я не валяюсь у себя в комнате и когда я не слоняюсь по городу.

Вот сейчас, например, слонялся. Сильно рисковал при этом, кстати. Нет, не из-за банды Кори. Я был бы рад их встретить, если честно. Но они как назло куда-то запропастились. А рисковал я потому, что где-то в городе точно так

же слонялся Марсен. Я натыкался на него несколько раз в день. Он здоровался или просто кивал, я его игнорировал. Если бы не он, мы бы не поссорились с Эгле. Опять же, он-то бродил по Ленхамаари чисто ради удовольствия. Когда тебе так плохо, постоянное созерцание счастливой крючконосой рожи превращает твою жизнь в сущий ад. Я был совершенно уверен, что он не следит за мной специально. Вряд ли это он так радовался каждой встрече со мной; нет, он действительно ходил с таким видом, будто произносит приветствие городу. Длинной в неделю. Здоровается с каждым камнем и каждой травинкой. Каждый шаг – как признание в любви.

Это зрелище не всякий здоровый сможет вынести. Странно, что горожане не сговорились и не сожгли его на главной площади. Скопом-то, наверное, справились бы.

Наверное.

Может быть.

Но я почти даже не злился на него, потому что туман грустной растерянности не оставлял места и на злость тоже. Или скрывал её от меня самого. Кстати, ни вчера, ни сегодня я крючконосого не встречал. То ли он всё-таки пал жертвой праведного гнева земляков, то ли уехал. А может, я перестал обращать на него внимание. Скорее всего. Я был слишком занят размышлениями о том, как помириться с Эгле. Поймал себя на мысли, что постоянно иду к её дому. Десятками разных дорог. И сворачиваю в последний момент. Вряд ли она хочет меня видеть. Я сам себя видеть не хотел.

Потом заметил, что пытаюсь вспомнить строчку из песни Марсена – о дожде, застилающем глаза. Там ещё был момент, когда герой песни отмечает, что больше думает, чем говорит, но говорить всё равно не с кем.

Про меня, да, но я сам на себя разозлился и постарался выкинуть песню из головы. Мне это удалось. Но в процессе я дошёл до крайней стадии лунатизма. Я уже окончательно выпал из реальности.

– Сим, – морщась, сказал Марсен, – я ещё могу понять, почему ты со мной не здороваешься. Но пытаться меня убить – это как минимум невыгодно. Хоть бы подождал, пока Кейн подберёт запасного донора.

Ну да. Я в него врезался. Ни он, ни я не имели полезной привычки обходить углы, а не огибать их. Точнее, я сегодня почти всё время шёл по стеночке. А Марсен-то, наверное, просто со всеми кирпичами этого дома здоровался. Говорил каждому, какой он хороший и нужный, вот конкретно этот кирпич. И вот этот. И следующий. Пусть знает об этом и не слушает всех этих глупцов, которые говорят, что он – всего лишь один из многих безликих кирпичей в этой безликой серой стене. Небось ещё попутно вдохновился и песню об этом придумал.

Я молча смотрел на Марсена, потирая лоб. Какой он всё-таки костлявый. Надеюсь, ему было больнее, чем мне.

Пауза затягивалась. Я начинал чувствовать себя по-дурацки. У меня имелось два одинаково неловких варианта. Либо

развернуться и уйти, либо извиниться, развернуться и уйти. Угу. Ещё надо уточнить, что я прошу прощения только за попытку непреднамеренного убийства.

Решать, однако, ничего не пришлось.

– Слушай, – сказал этот крючконосый гад, – я тебя как ни встречу – ты всё один. С Эгле всё в порядке?

Убил бы.

– Слушай, – я тяжело поднял на него глаза, – ты же у нас друг Кейна, да? Если бы ты хотел узнать, как дела у Эгле, ты бы спросил у него. Но ты спрашиваешь у меня. Мог бы сразу поинтересоваться, вот так вот, как взрослые это обычно делают – «как у вас дела с Эгле? Уж не поссорились ли вы из-за одного крючконосого типа?»

– Мог бы сразу ответить, если и так всё понял, – невозмутимо откликнулся Марсен.

– Хорошо, – ровным голосом начал я, – сейчас отвечу. В наших с Эгле делах появился инородный предмет. Знаешь, какой? Твой крючковатый нос. Вот если бы ты его оттуда убрал, всё тут же стало бы в порядке.

– Не могу, – развёл руками Марсен. – У меня всегда был крючковатый нос, и он всегда будет в твоих делах. Нечего на меня так смотреть, не я его туда сунул. Все, кто занимается лечением болезней внутренней мелодии, имеют право совать мой нос в дела своих пациентов. Если у тебя есть другие предложения, как всё исправить, излагай немедленно.

Я знал, как всё исправить. Но для этого надо было вы-

швырнуть из Ленхамаари одного крючконосого.

Только вот я все эти дни постоянно на него натыкался. Не знаю, как он вёл себя на Западном архипелаге, но здесь он натурально от счастья сиял. Он был несокрушимо, бесстрашно счастлив. Как будто это счастье никто не мог прервать и испортить. Как будто его никто никогда не бил, не говорил ему гадостей, будто он в жизни не видел ни одной мёртвой птицы, ни одного нищего старика.

Как будто бы смерти не было.

Может, я и скотина, но, видимо, не самая последняя. Я не могу лишиться человека того, что всегда хотел получить сам и никогда не получу.

Противоречие было невыносимо. И снова всколыхнулась обида, которую я впервые почувствовал тогда, в больничной палате.

– Да я понятия не имею, как всё исправить, – с отчаянием сказал я. – Ты уже понял, я тебя терпеть не могу, но ты почему-то нравишься Эгле. Я сказал ей то, чего не должен был говорить вообще никогда. Я не знаю, что делать. Нет, конечно, я должен для начала извиниться, но как? Я же не могу заявиться к ней домой? А если и заявиться, вдруг я её не застану? Или дежурить у Кейна? Она же тогда вообще больше меня видеть не захочет.

Марсен внимательно посмотрел на меня. «Больной, нет?» – читалось в его взгляде. Ну, то есть, он очевидно не сомневался, что больной. Только к *una corda* эта болезнь не

имела никакого отношения.

– Эти проблемы, – вкрадчиво начал он, – решаются очень просто. Даже почти без звукомагии. Пойдём, я тебе покажу.

Я мрачно пожал плечами, но покорно последовал за ним. Мне ничего другого и не оставалось.

Было стыдно. Стоило маяться несколько дней, чтобы взять и вывалить свои проблемы на единственного человека, которого мне с первого взгляда захотелось удушить своими руками.

Марсен, тем временем, свернул в тихий дворик, порылся в кармане.

– Смотри, – сказал он.

В руке у него был сонотиций. Прозрачный. Я посмотрел на него с недоумением. Марсен улыбнулся своей таинственной улыбкой, которая так меня бесила, и тихо пропел несколько нот.

Шарик засветился.

Обалдеть. Вместо того, чтобы пользоваться чиави, как все нормальные люди, Марсен таскал с собой сонотиций. Нет, серьёзно, он разговаривал по сонотицию. Как триста лет назад.

А потом до меня ещё и дошло, что он собирается делать.

Я предполагал, что люди бывают скотинами, но этот тип превосходил все мои представления о человеческой гнусности.

– Берёшь... – Этот злодей знал номер Эгле! – ...И зво-

нишь.

– Не-е-ет, нет, нет, нет, – запротестовал я. – Ни за что на свете.

– В смысле – нет? – Угрожающе спросил Марсен. – Я просил тебя рассказать, в чём проблема. Ты рассказал. Вот решение.

– Но... не так же!

– Так – или никак. Наверное, ты предпочёл бы, чтобы я использовал на ней запрещённую магию Мелодии Духа и заставил её забыть ваш разговор. Или чтобы я использовал то же самое на тебе и вложил в твою голову правильные слова. Но я не могу этого сделать, и проблема вовсе не в том, что это противозаконно. Эгле заслуживает того, чтобы с ней мириться. А ты должен попросить прощения. Сам.

– Я не буду. Я... я не могу.

– Тебе плевать на неё?

– Слушай, ты..!

– Если да, то почему же тебе так паршиво? Если нет, то ты готов выкинуть из своей жизни лучшего друга только потому, что приехал какой-то крючконосый и всё испортил?

Я молчал, оглушённый его напором.

– Просто возьми чёртов сонотиций. – Марсен сунул прозрачный шарик мне прямо под нос. – Бери, или я запихаю его тебе за шиворот.

– Нет!

– За шиворот, Сим.

– Алло, – раздался в пространстве голос Эгле.

Я подпрыгнул от неожиданности, дико озираясь. Честное слово, как какой-то пещерный человек, при котором впервые творили звукомагию. Только через несколько секунд до меня дошло, что Марсен ретранслировал ответ Эгле.

Он многозначительно шевельнул бровями и беззвучно повторил: «За шиворот».

Я взял сонотичий. Зажмурился. И твёрдо сказал:

– Да.

– Что – да? – Спокойно спросила Эгле. Кажется, она узнала мой голос и ничуть не удивилась.

– Ответ на твой вопрос. Хочу ли я ещё с тобой разговаривать. Да.

– Я не так спрашивала, – всё тем же ровным голосом возразила Эгле.

– На предыдущий вопрос у меня тоже есть ответ, – поспешно сказал я. – Просто...

Я бросил взгляд на Марсена. По его лицу было невозможно понять, о чём он сейчас думает. Я даже не знал, слышит ли он сейчас ответы Эгле. Да как-то... как-то это стало уже и неважно. Не знаю, как и почему, но меня будто подхватил и понёс поток. Как будто раньше я обманывал сам себя, отвлекал собственное внимание – как тогда, когда пытался выкинуть песню из головы. А сейчас меня застали врасплох, и я больше не мог притворяться.

– Я терпеть не могу своего донора по имени Вигге Мар-

сен, хотя прекрасно знаю, что до сих пор хожу ушами кверху только благодаря ему, – быстро заговорил я. – И ещё благодаря тебе, да, это так. Скорее всего... – Тут мне всё-таки пришлось сделать над собой усилие. Но после того, как я взял сонотитий, это уже были мелочи. – Скорее всего, именно поэтому я его и не переносу. Мне кажется, что я у него в долгу, но мне абсолютно нечего предложить взамен. От этого я и бешусь, я ненавижу быть в долгу, я чувствую себя виноватым. А это я тоже ненавижу, поэтому и пытаюсь сделать так, чтобы виноват был он, а не я. У меня не получается. Прости, что сказал про тебя ту чудовищную глупость.

Чуть не сдох, пока всё это тараторил. Но стало легче. Сонотитий, говорящий голосом Эгле, молчал. Мне показалось, молчание было удивлённым. Хотя, возможно, из-за того, что я всё ещё смотрел на Марсена. И...

Чёрт побери, мне удалось его впечатлить. Осталось в этом мире хоть что-то, чего этот самодовольный тип ещё не видел и не слышал. К чему не был готов. И это был я. Я, который звучал теми же мелодиями и гармониями, что и он сам.

– Вот оно как, – неожиданно беззаботно сказала Эгле. – А что насчёт Марсена? Ты же не найдёшь новый повод считать его виноватым? Скажем, в том, что мы с тобой чуть не поссорились.

«Чуть не поссорились». Эта фраза разбилась в моей голове, превратившись в самое прекрасное в мире эхо.

Чуть! Не!

Не поссорились.

Мы с тобой.

– Я говорю с его сонотия. – Мне пришлось сесть на землю, а то я, пожалуй, улетел бы. – Представляешь, у него сонотий. Да. Он использует в качестве переговорного устройства сонотий. Как древний звукомаг. Как Агами Аmano, например.

– Круто, – серьёзно сказала Эгле. – Сколько у тебя уйдёт на дорогу до набережной?

– Э-э-э... минут двадцать, если ехать, а не идти.

– Тогда до встречи.

И она дала отбой.

Я встал с земли. Отряхнулся, протянул Марсену сонотий.

– Ну что, доволен? – мрачно спросил я.

– Очень, – с чувством ответил Марсен, убирая сонотий в карман. – Не то чтобы я думал, что мои песни достались какой-то свинье. Но всё-таки здорово знать, что это совершенно точно не так. Кстати, кое в чём ты ошибаешься.

Мне было интересно, поэтому я даже пропустил мимо ушей «какую-то свинью». Неважно, раз уж я – совершенно точно не она.

– Тебе есть что предложить взамен.

Он говорил это без улыбки. У него был необычайно тёмный и тяжёлый взгляд.

– Кровь, внутренние органы и бессмертную душу не дам.

Моё, – ответил я. – Ни в какие сомнительные общества вступать не буду. То, чего дома не знаю, тоже не получишь, это точно будет что-то мамино, а я и так её всё время расстраиваю. Кстати, мама замужем, если что. Познакомить могу, но имей в виду – папа у меня исследователь Тихих Земель, и он хорош в драке. Со звукомагом, может, и не справится. Но он, кажется, недавно понял, как воспроизвести эффект Тихих Земель. Тогда ты рискуешь уехать отсюда навсегда. Нам на память ты оставишь пару-тройку зубов, а с собой увезёшь ещё более кривой нос. Может быть, в мешочке.

Ну вот. Он опять даже не улыбнулся.

«Видно, его удивляет только публичное признание собственных промахов, – злорадно подумал я. – Конечно, ведь нести подобную чепуху он умеет и сам».

– Идёт, – кивнул Марсен. – Кровь, потроха, бессмертную душу и маму с пожитками – тебе. Сомнительные общества – мне. Я всё равно не это имел в виду.

– А тогда что?

Следующую фразу он произнёс настолько серьёзно, что мне почти стало страшно.

– Можно мне с вами?

Вот что он спросил.

Это я у него должен был спрашивать. Это то, что я спросил у звукомагии годы назад. Мне сказали: «Нет».

– Если ты будешь хорошо себя вести, – строго ответил я. – Тебе стоит знать, что у нас тёрки с одной из местных

шаек. С моря мы обычно возвращаемся на самом последнем автобусе. А ещё мы любим пройтись ночью. Не ной потом, что мы тебя не предупреждали.

Гулять так гулять. Посмотрим, покорит ли крючковатый нос Марсена бдительное сердце моей мамы. Тут уж я останусь в выигрыше, как ни крути. Если она велит Марсену отправиться подальше, то я вздохну с облегчением, хоть один человек в городе будет на моей стороне.

А если нет...

Ой, да тем лучше. Настолько лучше, что даже признаться себе в этом оказалось легче лёгкого.

Глава 11. Облака

Как оказалось, я совершенно зря сомневался в обаянии крючковатых носов. Они, в смысле, Марсен и мама, столкнулись где-то поблизости от Кейна. И, конечно же, поладили. Уж не знаю, в чём там было дело. Да, на месте моей мамы я бы тоже был как минимум вежлив с человеком, от которого зависит жизнь моего ребёнка. Но просто я понаблюдал за Марсеном и понял, что он ещё и страшный притворщик и подлый хамелеон. С моей мамой и сеньорой Элинор он превращался в нечто невыносимо вежливое, предупредительное и отвратительно приветливое. Такой наследный принц на прогулке, вежливость которого заключается не в том, что он не допускает косяков, а в том, что не замечает их за другими. Даже заподозрить было нельзя, что этот человек способен... ну, хотя бы на слово «задница». В разговорах с

Кейном (когда они думали, что мы с Эгле не слышим) ещё и не то проскальзывало. Тут всё было очень просто – два друга, знакомые целую вечность и обожающие людоедские шуточки.

Ну, и наконец, самым подлым его перевоплощением был облик, который он принимал, когда я на него злился. Как я и сам уже потом заметил, мои упрёки обычно были упрёками ко всем взрослым сразу. У Марсена на это был очевидный ответ. Он смущённо чесал кончик носа согнутым указательным пальцем, пожимал плечами и виновато улыбался. Выглядел он при этом, как нашкодивший школьник в кабинете у директора. То есть, нельзя было поинтересоваться: «А ты ничего не попутал?». И при этом не выставить себя полным кретином.

Со стороны Марсена это было нечестно. Просто нечестно.

Да, для нас он был кем-то вроде необременительного кузена, приехавшего на каникулы. К счастью (или нет), он оказался в достаточной степени психом, чтобы одобрять все наши авантюры. Ну, то есть... то есть он что-нибудь придумывал, а потом как-то так оказывалось, что на самом деле это всё мы придумали.

Да, для взрослых он был кем-то вроде воспитателя в детском садике. Он умел пускать пыль в глаза и казаться достаточно ответственным.

Да, Эгле была совершенно счастлива. И замирала каждый раз в безмолвном отчаянии, когда мы ссорились. Вернее, ко-

гда я говорил Марсену гадости. Он-то оставался лапочкой в любой ситуации, даже если снисходил до ответа. Потом Кейн объяснил мне, почему он так делает.

– Зачем ты его провоцируешь при Эгле? – Спросил Кейн. Я вяло пожал плечами:

– Ну, он меня бесит. Провоцировать его наедине я не могу. Не хочу видеть его чаще, чем сейчас.

К моему изумлению, на лице Кейна появилась понимающая кислая улыбка.

– Иногда, – неохотно, с видимой тщательностью подбирая слова, начал он, – я готов оторвать ему голову. Приходится вспоминать всех его реципиентов и убеждать себя, что мне нельзя заткнуть его навсегда. В какой-то степени, он тоже обязан тебе жизнью.

– Это всё слова, – угрюмо буркнул я. – Как бы он вас ни бесил, он ваш друг. На самом деле, вы вовсе не хотите его убивать. Вы не хотите, чтобы его не было.

– Ну... да, – вздохнул Кейн, разведя руками. В следующий момент взгляд у него стал жёстким: – Но если ты так много знаешь о дружбе, подумай об Эгле. Подумай, с чем ей приходится резонировать, когда рядом с ней ссорятся.

Чёрт возьми, я когда-нибудь перестану быть во всём виноватым?

– Как думаешь, – продолжал Кейн, – почему сеньора Элинора не живёт со своим мужем?

Я подумал.

– Ого, – сказал я вслух, – Эгле мне этого никогда не говорила.

– Ещё бы.

Нет, то есть... то есть говорила, конечно же. Я просто забыл, не связал факты воедино. Она говорила, что у её родителей очень бурные отношения. Они любят друг друга, но очень часто ссорятся. Им-то так даже жилось интереснее. Ссора была способом выявить мелкие и, в принципе, решаемые проблемы. А после ссоры неминуемо наступало примирение, во время которого говорилось очень много хорошего. Ну да, бывают такие пары, для них это просто стиль общения. Видимо, Эгле эти качели порядком выматывали. Поэтому теперь они не могут жить втроём в одном доме. Теперь всё ясно. Потому-то сеньора Элинор и отвела самый высокий приоритет лечению дочери. Хотя пока нельзя было сказать, вылечится ли она когда-нибудь.

Наверное, Эгле тоже чувствует себя виноватой из-за своей болезни.

– А... – Я сглотнул, потому что в горле немного пересохло, и начал снова: – А какой он вообще?

Кейн посмотрел на меня вопросительно.

– Марсен. Ну... – Я мрачно колупнул обивку кресла. – Я просто не могу понять. Он каждый раз разный. То, что я знаю о нём, не совпадает с тем, что я вижу.

– Это абсолютно нормально, – отозвался Кейн. – Он легко меняет облики. А тебе даже сложнее, чем остальным. Ты

звучишь его песнями, вот тебе и кажется, что ты знаешь о нём всё.

– Я ничего о нём не знаю, – хмуро возразил я. – Но вы-то за ним больше двадцати лет наблюдаете, если вообще не все тридцать.

Кейн издал какой-то странный звук, что-то среднее между хрюканьем и фырканием. Ох уж эти звукомаги.

– «Наблюдаю» – это хорошо сказано. Многое непонятно даже мне. О чём-то я никому не хотел бы говорить. Ещё кое-что не сказал бы лично тебе, потому что тут уже он с полным правом оторвёт мне голову. Всё остальное ты можешь узнать и сам.

– Я это и пытаюсь сделать, – заметил я. – Что мне нужно о нём знать, чтобы хотя бы терпеть его общество?

Кейн задумался, опустив глаза. Постучал ручкой по столу. И медленно произнёс:

– Полагаю, тебе стоит начать с уважения к нему. Например, вспомни, что он – боевой звукомаг, участвовавший в последней войне.

– Да эта война длилась от силы месяца два, – фыркнул я. – Там было-то, может, три небольших столкновения...

– А ты подумай, – серьёзно и спокойно перебил Кейн, – каково было тем, кто в этих столкновениях участвовал. Тем, кто не знал, что их будет всего три. Тем, кто сделал так, что война длилась пару месяцев.

Я честно попытался представить Марсена на фронте. Не

получилось. Ни одна песня из тех, что я слышал, не годилась для боя. Ни одно амплуа не вписывалось. Ну, хорошо, допустим, это «наследный принц». Улыбка киноактёра – вроде того, которого мы с Эгле как-то раз видели на рекламном плакате (мы не пошли на этот фильм, Эгле ещё велела мне запомнить, что актёра зовут Джидженс Тхара, и никогда не ходить на его фильмы).

Если эта улыбка пережила войну, то Марсен рисуется мне по-настоящему омерзительным.

Если эта улыбка фальшива, то Марсен – не более чем слабак, желающий понравиться всем сразу.

Я запутался ещё больше. Так или иначе, пока что я не видел никаких причин его уважать. Для этого мне надо было добровольно остаться с ним наедине. А Марсену – перестать быть лапочкой.

Но нет. Он продолжал оставаться лапочкой, даже когда препирался со мной. Хуже того, он всё время творил звукомагию. Свободно, как дышал, пусть это и были какие-то мелочи. Эгле очень радовалась. А меня это, опять же, раздражало.

Кроме того, я всё никак не мог понять, щадит он нас или контролирует. Самое криминальное, что он предложил – сделать воздушного змея. Ну, хорошо, это действительно было весело. У сеньоры Элинор нашлась куча материалов, из которых можно было сделать отличного змея. Она даже помогла нам его разрисовать. Самое криминальное, что он

одобрил – предложение Эгле развешать фонарики на флюгерах. В принципе, это можно было сделать с земли, при помощи звукомагии. Но Эгле сделала вид, что совершенно об этом забыла. Крючконосый гад Марсен тоже сделал вид, что совершенно об этом забыл. Зато вспомнил все выходы и лазейки в высоких зданиях с флюгерами. Дня два мы клеили фонарики. И ещё два ранних утра ушло на то, чтобы их развесить (выход ранним утром вызывает меньше вопросов у родителей и гарантирует отсутствие на улицах агрессивных подонков). Да, мы, как придурки, облазили не меньше двадцати крыш. Ну, и потом, конечно же, драпали от рассерженного сторожа. Потому что последний флюгер мы выбрали не где-нибудь, а на крыше университета Ленхамаари. Залезли туда, успешно сбежали, потом зашли к Эгле за змеем и поехали на набережную. Не могу сказать, что это был плохой день. Только вот фонарики мы пока не зажгли. Конечно, предполагалось, что мы вернёмся ночью. Но...

Но я не верил, что это хоть сколько-нибудь реально. И я, и Эгле отлично помнили, кто и в каких количествах бродит по городу. Марсен тоже об этом знал. Так что лично я подозревал, что вечером найдётся какая-нибудь причина не ходить и не зажигать фонарики.

Взрослые всегда так делают.

Поэтому, когда мы провожали Эгле домой, настроение у меня начало потихоньку портиться.

– Почему ты лазил с нами по крышам? – Спросил я.

Марсен легкомысленно пожал плечами:

– Потому что это было весело. Разве нет?

– Это было опасно, – возразил я. – Разве ты не должен за нами присматривать?

– А я присматривал, – безмятежно отозвался Марсен. – Ведь с вами ничего плохого не случилось?

– В этот раз – нет. Но ты же за нас вроде как отвечаешь. Тебе полагается пресекать такие идеи в корне. Учить нас радоваться тому, что у нас есть, и всё такое.

Марсен прищурился, глядя вдаль. На секунду даже показалось, что мне всё-таки удалось его достать. Эгле, тревожно переводившая взгляд с меня на Марсена, подтвердила мои надежды.

– Опасность споткнуться и разбить нос не означает того, что всегда нужно смотреть только под ноги, – ответил Марсен после небольшой паузы.

– О, – глубокомысленно сказал я, – так ты поэтому крючконосый?

– Я таким родился, дурашка, – досадливо ответил Марсен. – И, слушай, сколько можно? Ещё одна шутка про мой нос – и я наколдую тебе такой же.

– Понял, – серьёзно кивнул я. – Запомню.

– Молодец.

– Считаю, уже запомнил.

– Я в тебе не сомневался.

– Зарубил себе на носу.

– Отлично. Готовься, сейчас на втором рубить будешь.

– На каком ещё втором? – Слегка опешил я.

– Который я тебе сейчас наколдую, – зловеще пояснил

Марсен. – Я же не сказал, что сделаю твой нос крючковатым, я обещал тебе такой наколдовать.

Эгле рассмеялась – с видимым облегчением. На самом деле, после первой же моей фразы я пожалел, что вообще взялся ковырять Марсена. Сейчас я особенно чётко осознал, что зря всё это затеял. Поэтому даже не просто заткнулся, а про-бормотал перед этим:

– Проклятый кофейный демон...

Я знал, Эгле порадуетя.

И не ошибся.

– Кстати, – встрепенулась она. – Почему ты сказал, что ты – кофейный демон?

Перед ответом Марсен одарил Эгле своей фирменной таинственной улыбкой.

– На самом деле, никто точно не знает, кто я, – сказал Марсен. – Кофейный демон – это единственная версия, у которой есть доказательства, только и всего.

Эгле нуждалась в доказательствах. А её вопросительный взгляд способен заставить любого скрытного зануду выложить всё что угодно.

Марсен скрытным занудой не был. Хотя я бы предпочёл, чтоб был. По крайней мере, иногда.

– Знаешь, кто занимается ежедневным подтверждением

мифа о дятлах и певчих птицах? – Марсен махнул рукой вдоль дома, весь первый этаж которого занимали крошечные забегаловки. Штук пять, не меньше. Удивительно, что они не разорялись на таком мизерном расстоянии друг от друга.

На мой взгляд, засилие ларьков «кофе на вынос» убивало двух зайцев – красоту зданий Ленхамаари и очарование кофе на вынос. Впрочем, если хоть раз в день их клиенты будут поливать Марсена кофе, чаем и горячим шоколадом, я не против.

– Не знаю, – пожала плечами Эгле. – Вообще-то, тут все шумят.

– Согласен, – кивнул Марсен. – Но постоянно чем-нибудь стучат всего... – он прищурился, считая забегаловки, – раз, два, три... пятеро. Бариста. В сумме получается занимательный ритмический рисунок, особенно когда кто-то из нас, кофейных демонов, что-то поёт поблизости.

– Не верю, – хмыкнул я. И вызывающе посмотрел на него, когда он повернулся в мою сторону.

– Не бери меня на слабо, – угрожающе предупредил Марсен.

– А ты не бахвалься, – зевнул я. – Хотя... складно врать не каждый может, это верно. Наверное, после такой сказочки не стоит требовать подтверждений. Ограничимся сказочкой.

– Мелкий прав, – признал Марсен, обращаясь к Эгле, – складно врать не каждый может, у меня вот не получается. Мне вообще нельзя ничего ляпнуть невпопад, тут же при-

ходится отвечать за всё, что я говорю. Эгле, тебе не трудно проверить, во всех ли кофейнях открыты двери?

Кивнув, Эгле умчалась. Мы остались стоять в начале спуска, глядя ей вслед. Я думал о том, какой страшный человек Марсен. Эгле сама по себе не склонна носиться сломя голову. Когда мы вдвоём, она и вовсе едва-едва переставляет ноги, почти как я. Какой же должен быть реактор внутри Марсена, чтобы заставить её так скакать, пусть даже совсем рядом нахожусь я?

И самое интересное – не сожжёт ли однажды этот реактор меня?

Пока я размышлял, Эгле вернулась и доложила, что у всех забегаловок, кроме одной, двери нараспашку.

– Хорошо-о... – протянул Марсен, вытаскивая руки из карманов и расправляя плечи. – Следите за ритмом.

Следить надо было действительно только за ритмом. Мелодия почти не читалась. Был странный и чёткий ритмический рисунок в строчках, которые Марсен произносил нараспев, неожиданно высоким и резким голосом. Я прислушался. Это была не кэлинга и не алинга. Слова походили на звукоподражания языка Восточного берега, но вряд ли были ими.

Серое небо словно потемнело ещё больше. Перегоняя нас, по улице к перекрёстку скатился сильный порыв ветра, взъерошивший деревья. Честно говоря, когда я заподозрил, что это всё творит Марсен, мне стало жутковато.

Последний шагал вдоль дома, подняв голову и бросая облакам свои чаячи заклинания. Его шаги отмеряли сильные и слабые доли, но в сторону открытых дверей он не смотрел. По-настоящему страшно мне сделалось, когда я услышал перестук.

Клянусь, они все застучали. Я бы очень хотел, чтобы это было не так, но они стучали. Одна открытая дверь, другая, третья. Все сопровождали наш путь «занимательным ритмическим рисунком». Можно было бы, конечно, сказать, что это просто совпадение, из вредности подняться и спуститься ещё раз, найти «дятла», который бы выбивался из ритма, но мне не хотелось этого делать. У меня было стойкое ощущение, что «дятла» я не найду, и тогда мне совсем поплохееет.

И мне, конечно, поплохело. Потому что я понял одну вещь – «дятлы» тут совершенно ни при чём. Из четвёртой кофейни, когда мы двигались мимо, вышла девушка. Она слишком сильно толкнула дверь, та распахнулась с громким стуком... попав точно в сильную долю. Собрав всю свою смелость, я прислушался к звукам улицы. Так и есть. Они звучали аккомпанементом голосу Марсена.

Это было ужасно.

Впрочем, Эгле очень понравилось.

– Продолжать? – спросил Марсен у неё, когда мы миновали спуск.

Эгле сморщила нос и помотала головой:

– Ты погоду портишь. Можно сделать обратно?

– Конечно, – легко согласился Марсен. – Сделай.

Разумеется, это была всего лишь очередная дурацкая шуточка. Но Эгле серьёзно кивнула, точно Марсен на самом деле уполномочил её менять погоду. Как будто он отдавал ей не небо, а сочинение на проверку. Ей не понравился там какой-нибудь деепричастный оборот, и вот она просит разрешения перестроить фразу.

Эгле посмотрела на тёмные тучи, вытянула вверх руку с поднятым указательным пальцем – будто прицеливалась. Пропела строчку на кэлинге, что-то насчёт грома и молний, которые очень-очень пугают. Я даже вспомнил, что слышал эту песню, она была у Эгле в плеере – тогда, в автобусе.

В первый момент я удивился только тому, что у неё такой высокий и чистый голос. А дальше – только бормотал про себя: «Совпадение, совпадение, совпадение, сегодня целый день дует ветер, погода меняется каждые две минуты, ну, это же Ленхамаари, тут погода меняется каждые две минуты, совпадение, совпадение...»

И понимал, что это неправда.

Не знаю, сколько времени понадобилось ветру, чтобы растащить тучи. Очень мало – вот всё, что я осознал.

Эгле ахнула, прижала ладони ко рту. Обернулась к Марсену:

– Как ты это сделал? Я ни звука не слышала.

– А это и не я, – развёл руками Марсен. – Непотребства я прекратил у последней кофейни.

Тут уже мы оба вытаращились на него непонимающе. Он нам в ответ, конечно, улыбнулся.

– Заклинания не поются тайком, Эгле. Даже в шутку. На них всегда есть кому реагировать, особенно при таком ветре. Но, конечно, – он бросил на меня быстрый взгляд, – можешь считать всё это простым совпадением, Сим тоже сейчас пытается себя в этом убедить.

В глазах Эгле, когда она посмотрела на Марсена, была странная тоска. Очень понятная мне тоска.

– Не надо, – мягко сказала она каким-то чужим голосом, – не надо.

Секунд через двадцать я осознал, что злюсь. Очень злюсь. Злюсь, как никогда в жизни.

Я ненавидел это с самого детства. У взрослых есть один плюс – они придумывают сказки. И один минус – они сами выбирают время, чтобы сказать тебе, что чудес не бывает. Они думают, что лучше знают, когда ты к этому готов. Почему-то они считают, что создать иллюзию чудесной дружелюбной реальности, а потом зверски уничтожить её у тебя на глазах – это такой этап становления личности, без которого ну вот никак. Может, они и правы. Только непонятно, когда им верить, а когда нет. Они учат тебя, что врать нехорошо, а потом попрекают за то, что ты не слишком изворотлив. Они учат тебя защищать слабых, а потом пишут замечания в дневник за драки. Это не твоё дело, понимаешь, это его дело. Может, он вообще сам нарвался.

И да, если спросить: «Так значит, не всех слабых надо защищать?», они ответят. Закатают глаза и воскликнут: «Ах, юношеский максимализм!»

И ты понимаешь, к чему ведёт вся эта дрянь. Добро пожаловать во взрослый мир. В мир беспомощности. В мир двойных стандартов и идиотских отмазок. В мир, где честность, дружбу, привязанность можно назвать такими словами, что...

Что можно просто сразу повеситься, если ты с кем-то дружишь, с кем-то честен, к кому-то привязан. Всё это будет характеризовать тебя как неудачника.

Марсен, конечно, был не из таких. Он был хуже. Особенно я ненавижу «героев на один день», которые стремятся вернуть иллюзию чудесной реальности. Пусть малютки порадуются, им ведь и так недолго осталось. Эти «герои» точно знают, что малютки ни за что не решатся повторить чудо сами. У них кишка тонка посмотреть в лицо разочарованию. Но зато проживут остаток бессмысленной жизни с надеждой, с верой в чудо, с этим чёртовым драным дрессированным и кастрированным котом Шрёдингера – было или не было?

Я встал рядом с Эгле, перед Марсеном.

– Крючконосый, – начал я, – если ты ещё не понял, мы больны. Возможно, никогда не вылечимся. Мы никогда не будем заниматься звукомагией и не будем творить чудес. Нужна публика – убирайся туда, где понимают кэлингу. Хочешь играть с нами в поддавки, чтобы мы чувствовали себя

людьми... – Я объяснил ему, куда он может засунуть свою жалость.

Как и всегда, когда я говорил ему гадости, Марсен смотрел на меня без тени гнева. Правда, на этот раз даже не стал прикидываться виноватым школьником. И ещё глаза неуловимо потемнели. Всё тот же песок на отмели, но уже в пасмурный день.

– Прости, – спокойно ответил он, – я не знал, что ты *так* это всё воспринимаешь.

До дома Эгле мы шли в молчании. Она улыбнулась нам, прежде чем скрыться за створкой маленьких ворот, но ничего не сказала.

Нам с Марсеном всё ещё было по пути. Я уже собирался вспомнить про неотложные дела, но он меня опередил:

– Теперь слушай меня, – всё так же спокойно сказал он, продолжая неторопливо идти вперёд. – Ты в курсе, что за болезнь у Эгле?

– А ты что, запомятовал? – огрызнулся я.

– Я – нет. А вот ты, похоже, забыл, что она резонирует со всеми, кто звучит поблизости.

Не без труда, но всё же мне удалось саркастично улыбнуться:

– Какой же ты... думаешь, об этом можно забыть? Если только рядом с ней я понимаю, насколько всё плохо со мной?

Мои мимические усилия оказались напрасны, Марсен на меня не смотрел.

– Когда мы втроем, это не имеет никакого значения.

– Почему?

– Потому что я гораздо сильнее. В данном случае – громче.

Это не было угрозой или бахвальством. Просто факт. До которого я как-то не додумался. И вовсе не был уверен, что в этом стоило винить *una corda*.

– Когда я поблизости, – продолжал Марсен, – для Эгле нет ничего проще, чем творить звукомагию. Поверь, она всё делает сама.

– Она делает... что? – глупо переспросил я.

– Чудеса, – пожал плечами Марсен. – Не смотри на меня так, я тоже не сразу понял. Просто она выключает плеер не прикасаясь к нему. Думаю, она и сама не знает, что это невозможно без звукомагии.

– Невозможно?

Марсен фыркнул.

– Там кнопки специальные есть, ты в курсе? Или как, думаешь, их туда на всякий случай вставили? Мало ли, вдруг звукомагия перестанет работать...

– Почему ты ей не объяснил? – В этот момент я даже был рад, что не могу испытывать сильные эмоции и выражать их. Так хоть голос не дрожит.

– Сегодня вот попытался, – невесело хмыкнул Марсен. – Расстроил её и разозлил тебя.

– Но ты мог бы хоть мне объяснить. Я бы не злился, –

возразил я.

– Да, – кивнул Марсен. – Ты бы не злился. Ты бы сгрыз себя за то, что не можешь обеспечить ей нормальный резонанс. Потихоньку обращал бы свою кровь в яд, а мои песни – в небытие. А так хоть швырнул их в лицо мне же. Хотя бы тренируешься чувствовать. Пусть и не то тренируешь, вовсе не то... Но что поделать, большинству людей почему-то куда легче злиться и бояться, чем радоваться.

Я молчал, не имея ни одного внятного комментария в мыслях. Всё, на что меня хватало – медленно переставлять ноги. И то, наверное, только потому, что я повторял этот процесс за Марсеном. На несколько минут я самым настоящим образом превратился в его эхо. В очень пристыженное эхо. Оказывается, все эти проделки с облаками были не глупой снисходительностью самодовольного взрослого, а ещё один способ помочь. Глядишь, через некоторое время Эгле бы действительно смогла творить такие штуки.

– Сложная ситуация, это верно, – сказал Марсен, бросив взгляд на меня. – Но пока мы втроём, всё нормально. Эгле учит тебя радоваться, я – злиться. Равномерное развитие, правда, здорово?

– Угу, – хмуро согласился я. – Только непонятно, на кой мы сдались Эгле, такой могучей и самостоятельной.

– Не скажи, – Марсен снова поднял голову к небу, щурясь на закатное солнце, – ты ей нужен. Резонанс с более сильным звуком – это, конечно, хорошо. Но мало отношения имеет

к самой Эгле. Моя мелодия ничего не говорит о ней. А вот дружба с тобой – это её собственное. Это про неё. Это то, что звучит в ней, когда молчит всё вокруг.

Даже как-то от сердца отлегло.

– А как так? – Всё же спросил я. – У нас же вроде как одинаковые мелодии.

– Глупенький, да? – Марсен скосил на меня глаза. – Опыт-то разный.

– Что-что?

– Опыт, – повторил Марсен. – Совокупность событий, которые с тобой случались и на которые ты реагировал. Или не реагировал. У меня он свой. У тебя – свой. Его у тебя никто не отнимет. В свою очередь, и я не могу заставить тебя увидеть мир моими глазами. Если бы это было не так, для Изначальной Гармонии не было бы смысла создавать два тела. Мы с тобой просто существовали бы в качестве одного и того же человека.

Я поёжился.

– Впервые в жизни благодарен за свой собственный нос, в смысле, опыт, – сказал я.

– Если такой нос достался мне вместо потребности бухтеть по любому поводу, то я тоже очень рад, – усмехнулся Марсен.

Скотина.

– Ладно, – буркнул я. – А что насчёт Эгле? Кто ты для неё в таком случае?

– Просто костыли, – пожал плечами Марсен. – Возможность тренироваться, пока она не услышит своё собственное звучание. Если я рядом, она не боится, что у неё не получится. В принципе, это может быть любой другой звукомаг. Думаю, я – даже не самый лучший вариант, иначе Альбин выбрал бы меня в качестве донора. Проблема Эгле только в том, что она не знает этого о себе. Она не знает, что способна на звукомагию. К счастью, она умеет играть по-настоящему. И когда она решила по-настоящему сыграть в звукомагию, у неё всё получилось. Честно говоря, самому было интересно, разгонит она тучи или нет.

Я остановился. Потому что снова готов был провалиться сквозь землю. Какой же я дурак... Ну как, как до меня не дошло?! Всё это время я думал только о том, что при Марсене Эгле может бегать и смеяться, и укорял себя за то, что лишаю её радости.

И снова оказалось, что я его не понял. Я-то думал, Марсен просто хотел показать Эгле, что можно творить со звукомагией. Подарить чудо авансом. А она, выходит, действительно сама со всем справилась.

– Почему... почему ты не сказал всего этого при ней?

Марсен наконец-то соизволил проявить эмоции. В частности, устало вздохнул.

– А тебе что, так хотелось снова сесть при ней в лужу? – язвительно поинтересовался он.

– Да кому какое дело, – пробормотал я, – ты ведь мог убе-

дить её, что...

Марсен отмахнулся, поморщившись.

– Она и так уже мне не поверила. Нет ничего глупее попыток убедить птицу в том, что она умеет летать. Разве что унижать человека с синдромом *una corda*. Перед его лучшим другом.

О чистые квинты. Так вот кто у нас тут самый ужасный злодей. Вот кто опять всё испортил. Эгле была в шаге от самого настоящего чуда, почти держала его в руках, просто испугалась в последний момент. А я наступил на него и как следует потоптался. Чтоб ни искорки не осталось. Это я умею. Глушить и давить – это по моей части.

– Хватит, – попросил Марсен, – если бы я хотел, чтобы ты сам себя загрыз, я бы всё высказал при Эгле. Просто вы оба не знаете одну важную вещь, её даже не все звукомаги знают. Правильно говорить: «Ничего страшного, что ты не знаешь». Но на самом деле, это ужасно. В большей степени для звукомагов, наверное, но для вас тоже – ничего хорошего.

– Чего я там ещё не знаю? – вяло спросил я.

Честно, моя бы воля – я бы перестал дышать здесь и сейчас. Но голос, который поддерживал во мне жизнь, звучал ближе, чем когда-либо. И продолжал поддерживать жизнь, я всё ещё был его эхом.

– Нет никаких великих пророков и избранных, – очень серьёзно сказал Марсен. – У звукомагии нет воплощения. Она не выбирает себе любимчиков. Звучит всё существующее. И

я. И ты. И Эгле тоже звучит.

– Ну да, – фыркнул я, – мы все звучим одинаково. И ребята, которые участвуют в поединках, звучат так же, как мы. Главное, они сами с этим согласятся и вовсе не попытаются набить тебе морду, если ты им об этом скажешь.

Марсен нетерпеливо прищёлкнул пальцами.

– А я о чём? Большая часть людей умрёт от защемления гордости, если им сказать, что звукомагия – вовсе не их домашнее животное.

– Всегда думал именно так, – сказал я, неопределённо поведя рукой в воздухе. – Укрощение стихии... что, нет?

Я смущённо умолк, потому что Марсен второй раз с момента знакомства смотрел на меня как на больного. Причём, опять-таки, к *una corda* эта болезнь не имела никакого отношения.

– Нет никакой стихии, которую надо укрощать, – отозвался он, чуть нахмурившись. – Чудесное вообще не имеет отношения к принуждению. Музыка звучала до них, звучит в них, будет звучать после них. И, представь себе, не умолкнет, даже если кто-то из них попытается применить соответствующие заклинания. Даже если все люди разом оглохнут. Разом замолчат. Но нет, живёт и здравствует эта удивительная традиция – ограничить поток игольным ушком, назвать его в свою честь, всю жизнь расширять игольное ушко до размеров отверстия в блок-флейте и гордо называть это непрерывным развитием!

Судя по интонациям, у него есть знакомые, которые именно так и делают, отрешённо отметил я. Как ни странно, сейчас мне заметно полегчало. Как будто бы сердитый, но лёгкий ветер ворвался в очень душную комнату.

– Разве символ Мелодии Духа – не флейта? – поинтересовался я. Не без ехидства, конечно.

– Именно! – воскликнул Марсен. – Видишь? Ты и сам бы до всего дошёл, если бы хоть на пять минут в день отвлекался от своей *una corda*.

– Рановато, – ядовито возразил я. – Может, мне бы и стоило отвлекаться, да *una corda* от меня не отвлекается. Так что пока что я никуда не дохожу. Но к счастью, тут есть один крючконосый просветитель.

– Можешь не подлизываться, – снисходительно бросил Марсен, – я и так объясню. Звукомагия – возможность музыки, а не сама музыка. Ужасно глупо выглядят попытки ограничить эту возможность самим собой. Если чудесное имеет пределы, то это механика, а не магия, и тогда нет никакого смысла с ним связываться. А если мы признаём чудесное беспредельным, то чем считать желание его ограничить?

– М-м... намерением выдышать весь воздух? – предположил я.

– Скорее, намерением выпить мировой океан, чтобы им обладать, – мрачно усмехнулся Марсен. – Примерно та же картина. Помещается в человека ровно столько, сколько помещается, и через некоторое время бесславно возвращается

в тот же самый океан. Им и в голову не приходит, что вода пригодна ещё и для того, чтобы плыть. А не только для того, чтобы пить и гадить.

Я попытался вспомнить, с чего мы начали. С ужасом понял, что запутался в воде, воздухе, музыке и игольных ушках.

– Подожди... – медленно сказал я. – Какое отношение всё это имеет ко мне и Эгле?

– Непосредственное, к сожалению. – Марсен снова устало вздохнул. Покачал головой: – Вам кажется, будто от меня что-то зависит, поэтому вы злитесь. Вы боитесь, что я уйду и чудеса закончатся. Вместе с тем вам страшно признать, что вы и сами на что-то способны. Если всё зависит от меня, то можно обвинить меня в том, что у вас не получается звукомагия. Куда страшнее признать, что не получается именно у вас. Вы боитесь, боитесь и снова боитесь. Неустанно боитесь. Боитесь даже меня.

– Немудрено, – хмыкнул я, вспомнив, как темнели тучи под перестук холдеров и голос Марсена. – В моих сказках добрые волшебники не устраивают ночь среди бела дня. Так что ты и вправду очень страшный.

– Нет, – без улыбки возразил Марсен. – Погода – это один из языков мира для общения с людьми. Я помогал погоде измениться в ту сторону, в которую она хотела измениться. Я совершал это для вас, и мир учитывал ваши желания, а не мои. Чудо есть чудо, а бояться или радоваться – твоё дело.

Ты *хочешь* меня бояться, и я тебя пугаю.

Он смотрел на меня серьёзно, но не укоризненно. С участием?... да, наверное. Но мне впервые в жизни не хотелось его задушить.

– Мы пришли. – Марсен кивнул в сторону моего дома.

Действительно. Успели дойти, а я и не заметил.

Не могу утверждать, что мне вдруг стала приятней его компания. Просто разговор определённо не закончился. Вот как это будет, если сейчас я попрощаюсь и пойду домой? И как это будет, если я ещё и поинтересуюсь, в силе ли наши планы на следующую ночь?

Очевидно же, что нет.

Но вдруг.

Хоть бы он сам что-нибудь придумал. Дал бы понять, что здесь и сейчас расходимся по домам. Или что. Сказал бы что-нибудь, в общем.

– В общем? – задумчиво повторил Марсен.

Чёрт. Я произнёс последнюю фразу вслух. Но проклясть себя трижды не успел, меня отвлек голос Марсена:

– Хорошо. Слушай внимательно.

Что-то непривычное проскользнуло в его интонации. Я даже поверил, что он сейчас скажет что-то важное.

– Все могут слушать плеер через наушники, вставленные в уши.

Сказанная будничным тоном фраза, несущая в себе совершенно очевидную информацию. В смысле, никакой ин-

формации не несущая. Это настораживало ещё больше.

– Люди, способные к звукомагии, могут просто держать плеер или наушники в руке. Собственно, если они слышат при этом музыку, проигрываемую плеером, – они творят звукомагию.

Ого.

Я понял, почему Кейн ничего не сказал мне тогда.

Думаю, я немного взорвался изнутри. Эмоциональная вспышка, короткая, как сполох брошенной в костёр щепотки пороха, на один миг сделала мир ярче. Марсен придержал меня за плечо, помогая восстановить равновесие.

– Подробности обсудим потом. Сейчас рекомендую выспаться, – сказал он, подводя меня к крыльцу. – Иначе завтра ты превратишься в овощ. Естественным путём, без всякой звукомагии. Что я скажу сеньоре Нортенсен?

Ага, думал я, судорожно цепляясь за его руку. Выспаться. Смешно, да.

Глава 12. В ожидании солнца

Разумеется, я и прикидываться не стал, что всё в порядке. По полной программе расклеился, без всяких попыток превозмогания. Марсен проторчал со мной во дворе ещё минут пятнадцать. Трижды проклял свою болтливость вслух. И не меньше тысячи раз – мысленно, если судить по выражению лица.

Нет, так ему и надо, конечно.

В итоге он мне что-то спел, и я немного пришёл в себя.

Теперь, пожалуй, мне надо было побыть одному. Так что я заверил Марсена, что всё в порядке, обещал наябедничать на него Кейну и ушёл домой.

Весь вечер я пугал маму. Налил кипятку в сахарницу, пересчитал все углы локтями и коленями, при попытке помыть посуду чуть не выкинул в мусорку чайную ложку. На этом моменте у мамы лопнуло терпение, и она отправила меня спать.

Спать, ага.

Смешно, да.

Несмотря на то, что последние несколько дней мы очень рано вставали, сейчас я ворочался с боку на бок. Просто глаза не мог закрыть. Они как-то совершенно без моего ведома тут же снова оказывались открытыми и зачем-то пялились в потолок.

Охренеть. Я умею творить звукомагию. Ну да, не так, как Кейн или Марсен, даже не так, как Эгле, я уверен, у меня не получится изменить погоду. Но хотя бы вот эти смешные бесполезные вещи я умел. Ну, одну смешную бесполезную вещь.

Но умел!

Мне говорили, что я всю жизнь проживу с *una corda*, но это будет не так уж долго, потому что с ней долго не живут. И всё это время мне будет доступна только та звукомагия, которая от меня не зависит. Я не смогу включать свет, не касаясь выключателя, как Кейн. Я не смогу быть ничьим до-

нором, как Марсен. Я никогда никому не надеру задницу с помощью боевой звукомагии.

А тут, оказывается, все ошибались. Оказывается, даже больной *una corda* может творить звукомагию. Даже такой, который музыкальную теорию-то никогда толком не изучал.

Охренеть. Интересно, как это происходит? Я же отлично знал, почему мне нельзя колдовать. Если очень примерно, то звукомаг тратит на заклинания энергию, а мне тратить, собственно, было нечего. А в тот момент, когда слушал музыку через руки, – так и вовсе был чуть ли не в минусе. И вот как?

Как?

Вот и попробуй заснуть.

Я прокрался мимо маминой комнаты – в гостиную, где стоял наш домашний чиави. Там же лежала мамина записная книжка, в которой я нашёл номер Марсена. Путаясь в кнопках, набрал. Дважды ошибся – один раз трубку просто не взяли, во второй раз я разбудил какую-то старую горгулью и навлёк проклятья на себя и всю мою семью до седьмого колена. На третий раз я всё-таки до него дозвонился.

– Что-то случилось? – Сразу, без приветствия спросил Марсен.

Я помотал головой. Сообразил, что он меня сейчас не видит, и ответил:

– Нет, я в порядке.

Ох, чёрт, ночь же на дворе. Вот пока пробирался в гостиную, я об этом помнил. Как-то не соотнёс это с намерением

позвонить Марсену. Хотя я его, кажется, всё равно не разбудил. Я достаточно хорошо знал его голос, чтобы представить, как он звучит сразу после пробуждения.

– Альбин грозился, что ты со мной ни за что не будешь здороваться, – сообщил Марсен. – Если я завтра скажу ему, что ты звонил пожелать мне спокойной ночи, его удар хватит.

– Да нет, – сказал я. – Я не поэтому звоню.

По правде, я немного растерялся. Куча сформулированных вопросов куда-то делась из моей головы. Неожиданно для себя самого, я брякнул:

– Ты знаешь донора Эгле?

– Не донора, а доноров, – спокойно поправил Марсен. – У неё там целая система. Что-то для стабилизации, что-то для усиления, что-то для стабилизации усиления, и так далее.

– И? – Я тихонько отошёл от чиави и присел на подоконник под разбитым окном.

– Знаю, конечно. Там даже несколько моих песен есть. Если говорить о тех донорах, с кем я лично знаком... – Он на секунду умолк, видимо, вспоминая: – Точно видел песни Тони Рика и Яна Ленца. Но больше всего у неё творений Фиро Чимата.

– И как, они похожи? Эгле и... – я неуверенно повторил имя, – ...Фиро Чимата. Не склоняется же, да?

– Не склоняется. Он ни перед кем не склоняется.

Марсен снова немного помолчал.

– Не знаю, – наконец ответил он. – Внешне – точно ничего общего, Фиро жгучий брюнет.

– Так я и не об этом, – нетерпеливо возразил я.

– Знаю, я просто издеваюсь, – безмятежно отозвался Марсен. – А что ты хочешь услышать? Могу сказать тебе, что Фиро – невыносимый, шумный, настырный и несколько буйный тип. Если бы существовали певчие сороки, я бы сказал, что его предками были именно они. Кроме того, он отличный звукомаг и мой приятель.

– Ага, – рассеянно сказал я. И тоже замолчал.

Марсен прервал паузу:

– А на самом деле зачем звонишь?

– Заснуть не могу, – честно признался я.

– Хочешь, чтобы я спел тебе колыбельную? – Развеселился Марсен. – Хорошо, у меня как раз одна есть. Только давай так – я пою тебе колыбельную, а ты желаешь мне спокойной ночи.

– Иди на фиг, крючконосый, – угрюмо отозвался я. – У меня, между прочим, серьёзный вопрос. Только попытайся не ржать надо мной, а объяснить по-человечески.

– Попытаюсь, – серьёзно пообещал Марсен.

Я выглянул наружу. Посмотрел на звёзды. Зажмурился.

– Как я могу творить звукомагию? – Вышло вполголоса, но довольно чётко. – У меня же не должно хватать на неё сил.

– Вот оно что, – откликнулся Марсен. – Я всё думаю, почему ты так впечатлился?

– Ты обещал объяснить, – хмуро напомнил я.

– И объяснил. Вчера, когда мы шли. Помнишь? Вода, воздух, музыка, флейты, игольные ушки.

– Тогда я не понял. Объясняй ещё раз. – Я начинал злиться.

Марсен вздохнул.

– Ну, – начал он, – вообще-то, это очень спорный вопрос. Чтобы на него отвечать, надо сначала разобраться, как возможна звукомагия сама по себе. И в те триста лет, что прошли в нашем мире без Мелодии Духа, все больные *una corda* действительно не были способны на звукомагию. Вернее, – поправился он, – почти все, кроме одного пианиста. Но это уже другая история.

– И при чём тут я?

– Ты – как раз ни при чём. Может быть, вообще все ни при чём. Вот смотри. Когда ты брал наушники, ты совершал волевое усилие, чтобы услышать музыку?

Я подумал.

– Нет, – ответил я. – Мне просто хотелось не сдохнуть в этот момент.

– Вот именно.

Я убью тебя, крючконосый. Дать надежду, а потом так разочаровать.

– Постой, – сказал Марсен. – погоди расстраиваться. Ты не понял. Я же только имел в виду, что тебе вовсе не нужно задействовать свою энергию для звукомагии. Усилия тратят-

ся на технику. Конечно, абсолютного замещения не происходит. Но если ты умеешь творить звукомагию – значит, этого никто у тебя не отнимет. Если в какой-то момент ты стал возможностью звучания, то ты ею и был, и навсегда останешься. Ты сделал чудо в тот момент, когда физически не мог ничего контролировать. Понимаешь?

В любом случае убью. Но важнее сейчас...

Сейчас. Сейчас или никогда.

Я медленно стянул с головы обруч с наушниками домашнего чиави. Положил его на колени, прикрыл динамики ладонями. Не выдержал, снова зажмурился.

– Значит, навсегда? – Вполголоса повторил я.

– Ты задаёшь слишком много вопросов, мальчик в пижаме, – проворчал в моей голове голос Марсена.

Я чуть в окно не вывалился. Но не вывалился. Когда снимал наушники, был готов к обоим исходам – либо вывалиться в окно от радости, либо выпрыгнуть туда же от разочарования.

– Срочно пой мне колыбельную. – Я прислонился к застеклённой части окна. – А то у меня будет нервный срыв.

Кажется, Марсен каким-то образом понял, что я сейчас сделал.

– Может, включишь плеер и будешь слушать его через руки, а чиави – через уши? – С нескрываемым ехидством предложил он.

– Почему бы и нет?

Я был так рад, что даже не огрызнулся. Залез на подоконник с ногами. Надел наушники обратно.

– Наверное, немного поздно об этом спрашивать, – сказал я. – Но я же тебя не разбудил?

– Нет, – отозвался Марсен. – Это, разумеется, не значит, что ты можешь так сделать в любую другую ночь. Но сегодня тебе повезло.

– А что ты делаешь, если не секрет?

– В данный момент – смотрю сквозь сонотаций на прибрежный фонарь. Очень красиво. Как будто в руке звезда.

– Так вот почему ты ходишь с этой доисторической фигуркой, – пробормотал я. – Ну да, с чиави так не поиграешься.

– Я тебе как-нибудь потом расскажу, в чём заключается весь пафос сонотация. – Он прервался, видимо, чтобы зевнуть. – Ты узнал всё, что хотел?

Наверное, да.

– Наверное, да, – сказал я вслух. И перед тем, как повесить трубку, язвительно произнёс: – Кейн всё равно тебе не поверит. Спокойной ночи.

Следующий день у меня прошёл тоже как будто в полусне. Я больше не пытался пить сахар и проходить сквозь стены. Но общее состояние было довольно туманное. Наверное, я не сразу смог бы ответить, был ли наш с Марсеном разговор на самом деле. С тем же успехом я мог бы убедить себя в том, что мне всё приснилось. Конечно, я мог снова ему позвонить

и спросить. Но это было бы очень глупо. В любом случае. Ну, или мне так казалось.

Опять же, я немного боялся. Сегодня ночью мы как раз хотели пойти зажигать фонарики на флюгерах. Мне это казалось слишком нереальным. Я не верил, что кто-то вроде нас с Эгле будет проводить ночь таким образом. Наверное, меня слишком напугали последствия той нашей неудачной вылазки. И ещё я не очень верил в Марсена. Я не очень-то верил, что он считает возню с фонариками более важным делом, чем выполнение предписаний Кейна. Это всё слишком напоминало ловушку. Взрослые часто соглашаются что-то сделать, когда на самом деле не собираются этого делать.

Кажется, тут была ещё одна проблема. Мне уже не так хотелось считать его последней сволочью. Забавно. Если верить его словам, ему было бы обидно считать, что его песни поддерживают жизнь в какой-то свинье. Мне, в свою очередь, теперь было обидно считать, что жизнь во мне поддерживают песни какой-то свиньи. Поэтому я отчаянно боялся, что Марсен этой самой свиньёй окажется. И если он собирался обдурить нас вот таким ужасным образом, то он был даже хуже.

Тогда всё пропало.

Я всё ждал, что мне позвонят. Марсен или Эгле. Я помнил, где мы договорились встретиться, но ждал, что они позвонят и скажут, что всё в силе.

Но звонка всё не было.

Что, если Марсен позвонил Эгле, сказал ей, что всё отменяется? А мне звонить не стал, потому что представлял себе, как яотреагирую? А Эгле так расстроилась, что потом не перезвонила мне?

Поход к Кейну, обычно сжиравший по полдня, на сей раз отнял возмутительно мало времени. К шести часам вечера я изгрыз все ногти. И почти уже принялся за пальцы. Но часам к восьми *una corda* мягко это всё пресекла. Я слишком уж изводился весь день, да и накануне было не лучше, так что около восьми просто заснул. Можно сказать, с горя заснул. И думал, засыпая, – эх, ну вот, никаких чудес, а я же правда надеялся...

Проснулся я, когда уже стемнело. На стенах комнаты покачивались тёмные тени деревьев, пересекающие полосы бледного света. В открытую форточку тянуло сырой свежестью. Спросонок не сразу понял, что же меня разбудило.

А потом звук, который потревожил меня во сне, повторился.

Окаменев и вжавшись спиной в стену, я смотрел, как по оконному стеклу ползает тёмный комок. Он был слишком большим для любого насекомого. Но для птицы маловат. Летучая мышь? А часто ли за последние годы летучие мыши ползали по оконным стёклам, при этом отчаянно шурша?

Чистые квинты.

Пока я пытался понять, что происходит, тёмный комок нашёл форточку. Залез в неё и... да, полетел прямиком ко

мне. Признаться, я порядком струхнул. Но когда он завис передо мной, а потом тут же упал на мою кровать, я понял, что это всего-навсего бумажный журавлик.

Всего. Навсего.

Ну да, летучая мышь – это что-то более удивительное. Ко мне же пачками залетают живые бумажные журавлики. Просто каждую ночь. Однако меня это странным образом успокоило. Я перестал разрываться между двумя очевидными вариантами – спрятаться под кровать или начать звать маму? Осторожно взял журавлика. Ещё когда он падал, я заметил что-то яркое на крыльях. Теперь я понял, что это надписи, сделанные светящейся пастой.

«ВЫЛАЗЬ», – гласила надпись на правом крыле. На левом было написано: «Мы пришли за тобой. Если спишь – прекращай немедленно».

Я узнал аккуратный почерк Эгле. Кривые печатные буквы, требовавшие ВЫЛАЗИТЬ, очевидно, начертал Марсен.

– Я думал, вы позвоните, – сказал я, высунув голову в форточку.

Эти злодеи действительно стояли внизу.

– А мы думали, ты умер, – отозвался Марсен. – Ты хоть представляешь себе, как сложно было расспросить Альбина насчёт тебя и не спалиться, что у нас планы на ночь?

– Мы тебя полчаса ждали, – зловеще прошипела Эгле. – Вылезай, будем наказывать.

– Я бы с радостью, – отозвался я, – только я же теперь не

выберусь. Это вечером надо было уходить. И предупредить, куда.

– А кто тебе не давал? – изумился Марсен. – Мы же обо всём договорились. Разве нет?

Ну да. Теперь было немного стыдно признаваться, что я просто не поверил в наши планы на эту ночь.

– Ладно, – хмуро сказал я, – это не так важно. Давайте лучше придумаем, как мне выйти. Если я захлопну дверь, мама тут же проснётся. Она нас всех троих тогда съест. Вот так, с бухты-барухты, она меня никуда не отпустит. Даже с тобой.

Марсен тяжело вздохнул.

– Ты решил, что я вас обманываю, да? – Спросил он. – Что я собираюсь соглашаться с самыми безопасными затеями, а самые интересные буду запарывать? И дрых, потому что все силы ушли на поиск подвоха?

– Ну... – сказал я, ощущая, что температура ушей несколько повысилась, – ...да. Теперь я вижу, что ошибался. Извини.

– Ни за что, – серьёзно ответил Марсен. – Хотя... пожалуй, я смогу тебя простить за недоверие. Если ты прямо сейчас выпрыгнешь из окна.

– Че-го-о?

– Прыгай, говорю.

– Ты спятил. Второй этаж!

– А я тебе говорю – прыгай, – настойчиво повторил Мар-

сен. – Или у тебя есть ещё идеи, как выбраться наружу?

Какой чёрт меня дёрнул вообще связываться с этими типами, думал я, возвращаясь из прихожей с ключом в кармане. Тоже мне, великие учителя радости, думал я, открывая окно.

Нет. Никогда. Ни за что.

Так думал я, топчась на подоконнике.

И прыгнул.

Это было похоже на прыжок в воде, когда отталкиваешься ногами от дна и потом медленно приземляешься. Воздух вокруг меня зазвенел, зазвучал тёмными и тяжёлыми тонами, загустел, пошёл волнами, и я стал для него очень лёгким. Не разбивается же опадающий лист? Вот и я не разбился.

Эгле посмотрела на меня с одобрением и завистью. Помню, да, она любит высоту, наверное, ей тоже хотелось бы так приземлиться. Я думаю, Марсен это тоже заметил. Значит, когда-нибудь он ей что-то такое организует.

Мы шли по ночному Ленхамаари, который видели только однажды. Случилось то, на что мы не надеялись.

Мы чувствовали себя тут в безопасности. Не будучи при этом в полной безопасности. Ну да, с нами был боевой звукомаг, но он гарантировал только успешный исход возможной стычки. А не полное отсутствие этих самых стычек. Иными словами, мы просто больше не боялись.

Наверное, так оно всё и работает, думал я, идя рядом с Эгле и Марсеном. В какой-то момент тебе уже настолько нев-

моготу во всём сомневаться, что ты просто прыгаешь. И не разбиваешься.

По пути мне рассказали, что заставить бумажного журавлика летать – это раз плюнуть, Марсен и Кейн так развлекались лет с двенадцати. На радостях я даже признался, что здорово перетрусил, когда увидел это бумажное чучело. Ещё мы придумали план, который поможет мне попасть домой. Можно было не беспокоиться, что мама захочет проверить, как мне спится. Дверь комнаты я оставил закрытой, сейчас мне это разрешалось. Раньше запираяться в комнате было нельзя. Вроде как – вдруг мне поплохеет, а никто даже не узнает. Но теперь надо мной гораздо меньше тряслись. Например, если утром я вернусь, и мы с мамой пересечёмся, то она не удивится. Я уже три дня уходил рано утром гулять. Она была в курсе, что мои прогулки теперь происходят в компании Марсена, а с ним бы она меня даже в Тихие Земли отпустила. А если не пересечёмся, то ко мне тем более не может быть никаких вопросов.

Марсен и Эгле о чём-то весело болтали, а я снова, как во время первой ночной прогулки, крутил головой. И сейчас я, кажется, понимал, отчего так счастлив был Марсен, вернувшийся в Ленхамаари после долгого отсутствия. Ночной Ленхамаари, Ленхамаари тёмный и сияющий распахивался нам навстречу широкими лучами улиц. Я узнавал и не узнавал его.

– Постой-ка, – вдруг услышал я за спиной удивлённый го-

лос Эгле. – Что мы делаем около ратуши?

Ух ты. Правда ратуша. Я-то уже так замечтался, что вообразил её каким-то дворцом.

– Отсюда хороший обзор. – Марсен подошёл к тяжёлым резным дверям.

– Что? – В один голос спросили мы.

Марсен повернулся к нам, подняв брови:

– Вы же не собирались лазить на каждую крышу и зажигать вручную каждый фонарик?

Мы переглянулись.

– Вообще-то, я так и думал, – нерешительно сказал я. – А как мы внутрь попадём?

Блин, он когда-нибудь перестанет таинственно улыбаться, стоит его о чём-то спросить?

Я бы спросил, но он, кажется, опять таинственно улыбнётся, да ещё и не ответит.

– Надеюсь, с вами ничего не случится за несколько минут, – сказал Марсен, разминая пальцы. – Рекомендую отойти на другой конец площади. Я скажу, когда можно будет подойти.

Мы снова недоумённо переглянулись, но рекомендацию выполнили.

– Что он делает? – Спросила Эгле, следя за движениями Марсена.

– Понятия не имею, – отозвался я.

Марсен, тем временем, подошёл вплотную к двери, почти

уткнулся в неё лицом. С такого расстояния нельзя были ни разглядеть, ни расслышать, что он делает. Наверняка чего-то наколдовывал, но что именно?

Он простоял так минуты две. Потом глубоко вздохнул – я увидел, как поднялись плечи, – развернулся и помахал нам. Когда мы подошли, он положил руку на замочную скважину и ритмично постучал пальцами по двери. Внутри замка что-то тихо щёлкнуло. Марсен толкнул дверь, и она приоткрылась.

– Идём, – прошептал Марсен.

Теперь до меня дошло. Он пел колыбельную охранникам ратуши.

Мы с Эгле снова начали в один голос:

– Ты псих!

А закончили по отдельности:

– ...Я домой, – сказал я.

– Это противозаконно! – Возмущённым шёпотом воскликнула Эгле.

– Но нам же за это ничего не будет, – широко улыбнулся Марсен. – К тому же, мы ничего плохого не делаем. Когда будем уходить, я запру дверь и разбужу охранников. Они даже не узнают, что тут кто-то был.

– Но мы подвергаем их опасности! Они же не просто так тут сидят.

Ну вот, а на Эгле он не смотрит как на идиотку, когда она говорит очевидные глупости.

– Не просто так, – согласился Марсен. – Вот уже несколько минут они сидят тут под защитой настоящего боевого звукомага. Я сильнее любого из них, иначе мне не удалось бы так легко их усыпить.

– Ты усыпил их против воли, – не сдавалась Эгле.

– Надо было в честном бою одолеть? – Хмыкнул Марсен. – Идём.

И он первым вошёл внутрь. Эгле, сдвинув брови, шагнула за ним. Я нерешительно потоптался на пороге. По идее, стоило настоять на своём и тихо свалить домой. Но это могло обернуться кучей проблем. Начиная от возможной встречи с шайкой Кори и заканчивая объяснениями с мамой, когда она проснётся из-за хлопнувшей двери.

«Вы боитесь, боитесь и снова боитесь. Неустанно боитесь», – вспомнилось мне.

– Ну нет уж, крючконосый, – пробормотал я. – Только не потому, что мне страшно.

И последовал за этими двумя искателями приключений на мою голову.

Внутренности ратуши мне запомнились плохо. Свет кое-где горел, но по большей части, помещения были погружены во тьму. Марсен проводил нас сквозь них, держа в руке светящийся сонотитий. Изошрённый же у звукомагов снобизм, подумал я. Чем проще звукомагическая штучка и чем меньше она умеет, тем больше применений ей может найти звукомаг. В этом плане, конечно, чиави однозначно проиг-

рывают.

Мы довольно быстро дошли до лифта. Пока ехали вверх, Эгле, до сих пор хранившая укоризненное молчание, поинтересовалась:

– Получается, любой звукомаг может просто прийти, усыпить охрану и пробраться куда угодно?

– Не любой, – возразил Марсен так скромно, что вторая, произнесённая часть фразы – «только такой крутой, как я» – практически засветилась в пространстве.

В следующий момент он помрачнел. И будто постарел.

– Этот звукомаг ещё должен знать соответствующую колыбельную, – медленно произнёс Марсен, глядя на табло с цифрами этажей. – Я её знаю, потому что её автор был... – Он чуть дёрнул головой, – ...потому что её автор – мой друг. И я знаком с каждым, кого он мог научить этой колыбельной. Кстати, он – один из твоих доноров, Эгле.

Я вспомнил, как Марсен перечислял мне имена.

– Фиро Чимата? – Авторитетно спросил я.

– Не угадал. – Марсен чуть улыбнулся. – Ян Ленц. Тоже субъект без руля и тормозов, но потише Фиро. Ну, временами.

Не угадал. Ну да, конечно, что же это я, в самом деле. Наверняка лапочка Марсен дружит с половиной звучащего мира. За оставшуюся жизнь небось ещё со второй половиной подружится. Как-то я об этом не подумал. Ничего удивительного, мне-то такой круг знакомств не светит.

– Так, вот только давай сейчас обойдёмся без этого? – Неожиданно Марсен повернулся в мою сторону. – У людей может быть много друзей, а может и вовсе их не быть. Это никого однозначно не характеризует. И никак не относится к *una corda*. Многое зависит от среды, в которую ты попал, а тут очень редко получается сознательно выбирать. И очень легко ошибиться.

– Это сейчас что было? – Ошарашенно спросил я. – Ты же не...

– Нет, я не читаю твои мысли. – Марсен устало потёр лоб.

– Вот, опять!

– Да по физиономии твоей недовольной всё прекрасно видно. Успокойся.

– Я тоже подозревала, что ты что-то такое думаешь, – застенчиво призналась Эгле.

Вот жуки. Уже даже думать слишком громко нельзя, кошмар какой. Ещё бы. Одна резонирует с любым моим чихом, второй вообще является причиной любого моего чиха. Выбрал я себе, конечно, компанию.

Тем временем, лифт достиг последнего этажа. Марсен снова зажёл свой сонотитий. Подошёл к лесенке, ведущей в башню, поманил нас за собой.

С высоты Ленхамаари был ещё прекраснее. Уличные фонари мерцали, из-за этого очертания города дрожали и переливались. Я медленно подошёл к промежутку между зубцами башни и посмотрел вниз. Так странно. Кажется, я нико-

гда не смотрел с такой высоты. И, похоже, у меня нет страха перед ней. Не могу сказать, что высота мне нравится сама по себе. Но, по крайней мере, мне нравился этот вид. Сколько, оказывается, у нас красивейших крыш. А если сильно прищуриться, то уличные фонари сливаются в сияющие линии.

Марсен был абсолютно прав, обзор тут хороший. Отсюда можно было найти взглядом каждый из флюгеров, на которые мы вешали фонарики. Если знать, куда смотреть. Вот этим я и занялся – попытался сориентироваться.

– Обалдеть... – Едва слышно выдохнула Эгле, становясь рядом.

Она вытянула руку и раскрыла ладонь, словно подставляя её ночному лёгкому ветерку.

Марсен уселся под одним из зубцов, прислонился к нему спиной и прикрыл глаза. Ветерок немедленно прилетел и к нему, дунул в лицо, взъерошил волосы. Стало немного завидно. Я тоже хочу быть любимой кошкой ночного ветра.

Едва успев додумать до конца, я ощутил прохладное дуновение на левой щеке.

Ну надо же.

– Мы чего-то ждём? – Спросил я.

– Угу.

– А чего?

Помните, я говорил, что ненавижу привычку Марсена таинственно улыбаться? Так вот, это ещё ужаснее, когда у него закрыты глаза.

Ладно уж. Простым смертным тут тоже есть чем заняться, раз великие звукомаги изволят дрыхнуть.

Мы с Эгле ещё немного поглазели вниз. Потом я увидел, как одна из светящихся линий гаснет. Вторая, третья, четвёртая. Не прошло и пяти минут, как город затопила тьма. Единственными источниками света остались редкие окна и софиты Марсена.

– Это ещё зачем? – Поинтересовалась Эгле, обращаясь к Марсену.

– Что? – Он приоткрыл один глаз.

– Фонари. Уличные фонари. Зачем их выключать?

Марсен усмехнулся, поднимаясь на ноги:

– Оставь мэру записочку, может, ответит. Летом в половине второго все уличные фонари гаснут. – Он перевёл взгляд с Эгле на меня и обратно. – Нет, вы что, правда не знали?

– Не знали, – отозвался я. – Теперь будем знать. Ты лучше скажи, мы ждали этого? Пока фонари погаснут?

– Точно. – Марсен встал у другого проёма, подышал на пальцы. – Вы же уже нашли все флюгеры?

– Да, – сказала Эгле.

– Почти, – сказал я.

Эгле скорчила мне рожицу.

Секунду спустя я услышал, как Марсен берёт дыхание. Он чуть развёл руки в стороны, словно обнимая ночь.

Всего лишь струны, ритм и голос, но сколько же это было звука. Тёплое сияние музыки смешалось с ночной темно-

той, сделав сумрак мягче и легче. Весь воздух в городе, до самых-самых крыш, а может, и до неба, весь воздух в городе стал ночью и музыкой.

В этом сумраке вдруг проклюнулся крошечный красный огонёк. На гитарном аккорде в сильной доле следующей фразы – синий, чуть подальше. Правее – зелёный. Слева – оранжевый. И снова красный. Жёлтый. Ещё один зелёный. Ещё один синий. Оранжевый.

Я стоял и смотрел, как загораются фонарики. Я знал эту песню, и сейчас она звучала внутри меня. Я слышал, как моя кровь пульсирует, точно-точно в такт.

Я не знал, это ли называется счастьем. Но, наверное, именно это и было гармонией.

Глава 13. Монстры

Всё-таки, великому нашему звукомагу понадобилось дня два на то, чтобы выспаться после всех гулянок. Эгле мне потом объяснила, что звучать за несколько инструментов – это немного хлопотно. Ну да, в общем, я помнил, что до возрождения Мелодии Духа такими штуками вообще никто не баловался. Не могли. Правда, мне всегда было непонятно, как это соотносится с Мелодией Духа.

В эти два дня мы с Эгле гуляли одни, приключения себе придумывали сами, и вот к началу второго дня я был вынужден признать – втроём интереснее. А может, мы уже просто привыкли к Марсену и разучились сами себя развлекать. Хотя нет. Я помнил, какая была скучная неделя перед нашей

первой встречей. Таким образом, вечер второго дня у нас ушёл на то, чтобы попасть самолётиком в форточку окна дома, где жил Марсен. Обычным бумажным самолётиком, не заколдованным. Так что это было отличное развлечение на пару часов. Ну, просто чтобы Марсен не чувствовал себя забытым и одиноким. Кейн был прав, кое-что я мог узнать и сам. И вот я узнал несколько важных вещей: Марсен любит внезапно исчезать и внезапно появляться, а чего он не любит – долго сидеть на одном месте. Мы решили, что два дня – достаточно долгий срок, чтобы успеть заскучать. Как-то не задумались, что отдых ему, возможно, требуется в том числе и от нас. На третий день, когда Марсен соизволил перестать дрыхнуть и начать жить по-человечески, я был почти рад его видеть. Ну, некоторое время. Потом он снова задал бешеный темп, зверюга такая. Конечно, он всё равно нас щадил. Да и мы оба, я и Эгле, не хотели сдаваться при первой же возможности. Второй возможности сдаться у нас не было, а когда мы всё-таки выдохались, тут-то и оказывалось, что мы победили. Кого – непонятно, но ощущения были именно такие.

Мы бесцельно шатались по городу и ввязывались во все игры, которые нам предлагали. Один раз чуть не дошло до перестрелки на водяных пистолетиках. Мы облазили все подворотни и исчеркали карту города разноцветными метками. Правда, к тому моменту, как решили составить легенду карты, поняли, что половину забыли. Мы ушли дальше обжитой набережной, дальше дикого пляжа, и открыли новые

земли. На новых землях стоял заброшенный форт. В планах у нас было присоединить его к нашей территории и устроить там штаб. Только для этого надо было придумать быстрый способ передвижения («развить инфраструктуру», как гордо выражалась Эгле). А то мы полдня туда только добирались. Так эти изверги стали учить меня ездить на велосипеде. Эгле считала, что изверги – это я и Марсен, мы учили её плавать. Почти научили, только она пока нырять боялась.

Словом, мне открылся удивительный мир дневного Ленхамаари. Он оказался в меру шумным, в меру пёстрым и потрясающе дружелюбным. Я и не подозревал, что так вообще бывает. Однажды мы отдыхали на ступеньках какой-то пекарни, и хозяйка вынесла нам кувшин лимонада – просто так. Сказала, что мы хорошие дети. В следующую ночную вылазку мы оставили там на подоконнике букет цветов.

Да, традиции ночных прогулок не прервались. Это было замечательно, потому что июль выдался очень жарким. Днём было абсолютно нечем дышать, даже у моря. Опять же, ночные прогулки были хорошей мотивацией выполнять предписания Кейна. Ведь если позволишь *una cogda* себя свалить, то извини, дружище, эту ночь ты проведёшь дома. И все остальные тоже проведут эту ночь дома, потому что договорились гулять только втроём.

Не знаю, каким чудом мы всё это время не натыкались на шайку Кори. Наверное, ночной город берёт нас (или их). Как-то так получалось, что мы с ними постоянно оказыва-

лись в разных районах. И узнавали об этом уже днём, если вообще узнавали. Казалось, не было никаких шансов на столкновение. Должен признаться, что немного жалел об этом. Я бы хотел увидеть, как Марсен их расшвыривает. По большей части, из любопытства, потому что я всё ещё не мог представить его настоящим боевым звукомагом. И чуть-чуть – из злорадства, конечно. Слишком уж много нам эти гады крови испортили.

В одну из ночей что-то произошло. То ли моя *una corda* наконец-то повлекла нас на поиски опасностей, то ли наше везение дало сбой.

Мы уже возвращались с прогулки, провожали Эгле домой. И вдруг Марсен замер посреди улицы, встревоженно вскинув голову. Вскоре и я услышал многоголосый хохот, вопли и чей-то громкий, надрывный плач. Не прошло и минуты, как мы увидели четверых из шайки. Они волокли в подворотни какую-то девочку. Никаких сомнений в их намерениях не было.

До чего же это всё казалось абсурдным. Невозможным. В самом дурном смысле этого слова. Вот ты идёшь по городу, такому дружественному днём, полному магии – ночью. А кому-то в тот же самый момент невероятно страшно и наверняка – больно. В том же самом городе. В двух шагах от тебя. И сколько раз это случалось тогда, когда мы даже не знали об этом?

На мгновение все пятеро оказались под фонарём, луч све-

та выхватил из темноты лицо девочки. Она уже молчала. Наверное, больше не могла кричать и плакать.

Эгле у меня за спиной тихо ахнула. Видимо, пропустила сквозь себя волну боли и ужаса, которые испытывала сейчас жертва этих сволочей.

Я же ощутил холодную ярость. Не уверен, что способен на что-то подобное. Наверное, тоже резонировал – с Марсеном. Потому что увидел, как у него сжимаются кулаки.

– Постарайтесь оказаться как можно дальше, – ровным голосом, не поворачиваясь к нам, сказал Марсен. – Встречаемся на площади Пятой Луны.

– Но...

– Потом объясню, – бросил Марсен, ускоряя шаг. – Бегите.

Мы посмотрели ему вслед. Потом друг на друга.

Ну нет, конечно же, нет. Мы вполне доверяли его распоряжениям, пусть даже не всегда их понимали. Но мы не настолько боялись Кори и его идиотов, чтобы пропустить это зрелище. Нам очень хотелось увидеть, как они огребают. Я мог бы сказать, что мы очень беспокоились за ту девочку, но, к сожалению, это было не так. По крайней мере, что касается меня.

Мы подождали, пока Марсен скроется в переулке, и побежали следом. Высунулись из-за угла.

Но всё, что я увидел, – как он вскидывает руку. В ночной темноте яркой кляксой расплескалось заклинание, звонкое

и яростное.

А мне показалось, что я превратился в колокол. В один момент я вдруг стал одним сплошным резонатором. Сердце пронеслось к рёбрам, ударило о них, причиняя дикую боль, понеслось обратно...

И я понял, что второго раза не выдержу.

Голова моя лежала на чьих-то коленях. После первого осознанного вдоха я ощутил запахи свежеструганного дерева, масляной краски и клея. Видимо, колени, приютившие мою бедную голову, принадлежали Эгле. Это запахи мастерской её мамы и, конечно же, её дома. Когда Эгле делают комплименты, она всегда отвечает, что это её мама так нарисовала.

– Живой, – констатировал голос Марсена.

Очень хмурый голос.

Ну да, мы же не убежали, как он сказал. Надеюсь, это не помешало ему как следует надрать задницы шайке Кори. Ещё надеюсь, с той девочкой всё в порядке.

Но это всё я спрошу потом. А сейчас – спать...

Второй раз я участвовал при разборе полётов. В качестве зрителя, потому что меня пока не хватало на звуки. Но сейчас я хотя бы что-то видел. Не с самого начала, кое-что пришлось восстанавливать по контексту. Например, я узнал, что Марсену пришлось всё рассказать насчёт ночных прогулок.

И, видимо, пообещать больше их не устраивать. Иными словами, в этот раз произошла смена ролей. Теперь Кейн отчитывал Марсена. Надо сказать, делал он это без шуточек, самыми зверскими способами.

– ...не было с самого начала! – Вот на этом моменте я очнулся. Нашёл Кейна взглядом – у окна.

– Извини, но мне всё ещё кажется, что ты ошибаешься, – негромко ответил Марсен. Он стоял у двери, прислонившись спиной к косяку.

– Я тоже надеюсь, что ты прав, – буркнул Кейн.

Так, это они о чём?

– Но ты сильно переоцениваешь свою звукомагическую школу, – продолжал Кейн. – Для всех, кто страдает заболеваниями внутренней мелодии, существует официальный запрет на звукомагию. Да, – он предупреждающе поднял руку, – я помню, как ты относишься к запретам. Я помню твои завиральные идеи насчёт того, как происходит звукомагия.

А, понятно. Я думал, это они меня хоронят. Оказывается, не меня, а всего-навсего мои взаимоотношения со звукомагией.

– Эти идеи работают, – жёстко возразил Марсен.

– Нет. Включи мозги и подумай. Головой. Напомни-ка, – он тоже откинулся на стенку и скрестил руки на груди, – как же это звали того звукомага, который тут на днях звучал за несколько инструментов, а потом провалялся двое суток? Ах, да. Его звали Вигге Марсен.

– Но другие...

– То, что многие другие и вовсе на это не способны, не означает того, что звукомагические выкрутасы пройдут без последствий для подростка, больного *una corda*!

Как дыхания-то на всё это хватило, подумал я, уважительно косясь на Кейна.

– Никто не может творить звукомагию без потерь собственной энергии, ты понимаешь? – Кейн отошёл от окна. – Именно поэтому и существует этот запрет.

– Музыка даёт больше, чем отнимает, – отозвался Марсен. – Иначе пианисты вымерли бы как вид. Здесь равноценного обмена нет и быть не может. Ни у кого нет столько, сколько способна дать Изначальная Гармония.

– Допустим, но эти обмены бывают неравноценными и в другую сторону. В общем, так. – Кейн остановился перед ним. – Лечащий врач – я. И я не говорю, что с *una corda* нельзя бороться за счёт звукомагии, которую творит сам пациент. Теоретически, это возможно. Но в нашем случае, – он ткнул пальцем в мою сторону, – пациент умрёт от истощения раньше, чем сможет издать хоть звук. Поэтому. Больше. Никакой. Звукомагии. И никаких прогулок по ночам. Все всё поняли?

Он послал мне испепеляющий взгляд и вышел из палаты. Так аккуратно прикрыв дверь, что лучше бы шваркнул со всей дури.

Что касается Марсена, то он, кажется, очень хотел сползти

по стеночке. Но вместо этого подошёл ко мне и присел на край кровати.

– Что произошло? – Шёпотом спросил я. Шёпотом – потому что говорить вслух пока не мог.

– Два юных идиота подвергли свою жизнь опасности и чудом уцелели. Один старый идиот не смог их спасти, – хмуро ответил Марсен. Посмотрел на меня – мол, что скажешь в своё оправдание?

– Нам просто было интересно, – сказал я. – Мы никогда не видели тебя, так сказать, в деле.

– Понятно. Мне стоило догадаться. – Он отвёл взгляд. – Надо было объяснить, почему не видели.

– Почему?

Марсен покачал головой, прикусив нижнюю губу.

– Потому что ты не можешь воспринимать боевую звуко-магию. В особенности ту, которую творю я. Твоя мелодия привыкла доверять моей, привыкла звучать так же, как моя.

– Но боевая магия мне не светит, даже если бы Кейн не был таким занудой... – пробормотал я.

– Точно. Будь у меня хоть сколько-нибудь серьёзные намерения по отношению к тем подонкам... или, скажем, ты был бы немного слабее – тебя порвало бы резонансом на первой же фразе. Нам очень повезло, что всё обошлось.

Так вот почему я никогда не слышал среди его песен ни одной, которая хотя бы напоминала что-то боевое.

Ну ни фиги ж себе. Оказывается, мы всё это время дей-

ствительно были практически беззащитны? Причём не только мы с Эгле, но и сам Марсен?

– Конечно, ты был не в такой уж плохой форме, – словно в ответ моим мыслям, начал он. – Рядом с тобой можно было творить не только заклинания для подзарядки. Так что мне в любом случае было чем порадовать шайку Кори Мита. В конце концов, я мог бы их просто усыпить. Потом вызвать полицию. Потом унести их жертву на безопасное расстояние. Потом унести вас.

– Да ладно, – отозвался я, – это звучит как «слишком много возни». Я вот тебя просто слушаю, а уже устал.

Марсен покосился на меня с подозрением.

– Шутить пытаюсь, не дёргайся, – пояснил я. – Надо думать, тебе раньше не приходилось во всём быть виноватым?

– Приходилось.

Да ёлки-палки. Хотел его подбодрить, а у него лицо сделалось, как у престарелой ящерицы.

– Расскажи? – Попросил я. И поспешно добавил: – Но если не хочешь, не рассказывай.

Тяжело вздохнув, Марсен взлохматил волосы. И просто сказал:

– Ян.

Я сразу понял, о ком он говорит. Ян Ленц, тот, кто написал ту колыбельную. Марсен тогда сначала упомянул его в прошедшем времени, а потом сам себя поправил.

– Вы поссорились?

– Нет. Его убили.

Ровный голос. Спокойствие, похожее на то, с каким только что закрывал дверь Кейн.

– Ладно. – Я прикрыл глаза. – Ты всё равно Расскажи. Но потом. Рано мне, наверное, про такое слушать. Давай лучше о чём-нибудь хорошем. Вот, например... Эгле в порядке?

Марсен медленно кивнул:

– Да. Ей, конечно, тоже нелегко пришлось. Но она хотя бы привыкла резонировать. Другой вопрос, что резонировать ей пришлось со всеми сразу. С насмерть перепуганной девчонкой. Со мной – а я очень разозлился. С тобой – ты едва не стал чистым звуком, ручаюсь, это было больно. С теми занцами.

– Я бы свихнулся, – признался я.

– То-то и оно... – невесело хмыкнул Марсен.

Мы помолчали.

– А та... девочка, которую они поймали? – Спросил я. – Живая хоть?

– Вполне, – рассеянно откликнулся Марсен. – Вроде бы её даже уже выписали. – Он встряхнулся. – Я пойду. К тебе скоро вернётся Кейн.

Почему у меня такое чувство, что он уходит навсегда?

Неужели Кейн велел ему больше к нам не приближаться? Да ну, чушь какая. Это же невозможно. Кому-то из нас придётся безвылазно сидеть дома. Кейн, конечно, может попробовать меня заставить... но если у тебя есть ушибленный на

голову друг, а его мама способна смастерить что угодно из чего угодно, то высота второго этажа – смехотворная помеха. И звукомагия тут ни при чём. А что касается Марсена, то он мог всё. Только не сидеть в четырёх стенах дольше часа. Наверное, под угрозой заточения он бы смог уравнивать наш мир с Изначальной Гармонией. Или чего там у адептов Мелодии Духа ожидается в конце ВСЕГО.

Я повозился, устраиваясь поудобнее.

Значит, в тот момент, когда мы хотели посмотреть, как Марсен воздаёт банде Кори по заслугам, он делал невероятно сложный выбор. Между нами и беззащитной девчонкой. Вернее, нет. Никакого выбора он не делал. Он просто увидел человека в беде и пошёл его спасать. Просто. Очень просто. И теперь это он во всём виноват, хотя на самом деле мы, двое придурков.

– Теперь мне будете рассказывать, что гулять по ночам нельзя? – С вызовом спросил я, когда Кейн прицеплял датчик к моему запястью.

– Для человека, умирающего от *una corda*, ты чересчур буйный, – спокойно отозвался Кейн. – Если хочешь знать моё мнение, то я так и скажу. Моя бы воля – я бы любой ценой изолировал тебя и Эгле от Марсена. Но я слишком много знаю о звукомагии. И о вас троих.

– И что теперь?

Кейн пожал плечами, отворачиваясь.

– Я... порекомендую вам держаться друг от друга подаль-

ше. И ещё кое-что. – Он вдруг поднял на меня свои холодные светлые глаза: – Я – не Марсен. Я готов пойти на подлость, если это спасёт жизни моим пациентам.

– Это на какую же подлость? – Я хотел, чтобы это прозвучало насмешливо, но у меня не получилось.

– Например, – скушаяще начал Кейн, – напомним Марсену, как погиб Ян Ленц. Он ведь говорил тебе?

– Упоминал, – уклончиво ответил я.

Кейн медленно покивал.

– Конечно, я прекрасно понимаю, что Марсен тут ни при чём. Все это понимают. Но вот незадача – все, кроме самого Марсена. Он до сих пор думает, что мог бы встать на пути смерти Ленца.

– А он бы мог? – Осторожно спросил я.

Кейн поморщился. Вместе с этим в моём восприятии пошла рябью и маска мерзавца, которого ему довольно успешно удалось изобразить. Я ведь правда поверил.

– Я не знаю, Сим, – устало сказал он. – Думаю, что нет. Я даже думаю, что Ян Ленц сам хотел бы умереть. Мы никогда не узнаем, почему это произошло. Просто потому, что он достиг своего предела? Или понял, что так сможет спасти жизнь Марсена?

Да что там, чёрт возьми, у них случилось?

– Так или иначе, я уверен, что Изначальная Гармония предоставила Ленцу выбор. И он его сделал. Сознательно. Всё-таки, это был звукомаг невероятной силы. Его жизнь не

могла прерваться так нелепо.

– Но Марсен так не думает?

Когда Кейн снова взглянул на меня, я окончательно запутался. Сейчас на меня снова смотрел мерзавец.

– Видишь ли, Марсену слишком нравится жить. Поэтому он ни за что не поверит, что кто-то из его друзей добровольно ушёл раньше срока. И если доказать ему, что всё случилось именно так, то он отнесёт эту смерть на свой счёт. Решит, что не смог защитить Ленца от небытия. Дальше всё совсем просто.

Голос Кейна постепенно терял интонации, пока не стал совершенно бесцветным.

– Например, ещё я убедительно докажу ему, что твоё диминуэндо прогрессирует исключительно из-за резонанса с боевым заклинанием. Потом вставлю в разговор пару слов о Ленце. Даже попытаюсь успокоить. Скажу – подумаешь, одной невинной жизнью больше, одной меньше. Поверь, Марсен после этого к вам двоим и на пушечный выстрел не приблизится. Он сможет услышать вас гораздо раньше, чем вы его. А его практически невозможно найти, если он сам этого изо всех сил не хочет.

Честно говоря, это всё действительно звучало фантастически скверно. Я счёл за лучшее печально сникнуть и замолчать.

Но когда Кейн уходил, я не сдержался и показал фигу закрывающейся двери.

Всё это, конечно, очень убедительно, доктор Кейн, но вы кое-что упустили. Марсен, кроме всего прочего, ещё и уверен в том, что его друзья – самые лучшие люди в мире. Если сказать ему, что это не так, он как минимум удивится. Вы можете успешно разыграть последнюю скотину передо мной, но вряд ли – перед ним. Он ни за что не поверит, что вы хладнокровно будете давить на его самую больную мозоль. Хотя я так и не понял точно, что там случилось с этим Яном Ленцем.

То есть. Вряд ли Марсен изо всех сил будет хотеть, чтобы мы его не нашли. Рекомендуете нам его не искать? Чтобы мы не заставляли вас идти на крайние меры? Ну нет. Сами решайте, становиться подлецом или нет. И стоит ли оно того. Совсем необязательно кого-то предавать, чтобы кого-то защитить. Вчера мне это показали.

И вот ещё что. «Я убедительно докажу, что твоё диминуэндо прогрессирует из-за резонанса».

Значит, нет! Не из-за него!

Значит, прогрессирует.

Ну и фиг с ним. Пусть прогрессирует. Пусть хоть упрессируется, если ему так хочется, а у меня дела. Время сложить пару самолётиков.

Где-то тут была моя история болезни.

Один из лучших магов современности бродил по городу, ощущая себя до изумления никчемным. И даже, веро-

ятно, вредным. Вид его полностью соответствовал самоощущению. Иными словами, был настолько унылым, словно во-круг располагался не любимый город, а что-то вроде персонального ада.

Так бывает, когда не знаешь, что делать.

Звукомаг со сложным внутренним устройством очень скоро становится всеобщей головной болью. В первую очередь, своей собственной головной болью. Когда что-то выбивает из колеи, лучше иметь несколько простых способов прийти в себя, чем один сложный. Марсену в этом плане, пожалуй, повезло. У него был как минимум один простой способ.

Долго слоняться по городу, а потом застрять на полчаса в кофейне. В первой попавшейся или в тщательно выбранной – в зависимости от... да, в целом, всё-таки, от настроения.

Конечно, день был чересчур жаркий и солнечный. Даже в сравнении с остальными днями этого зверского июля. Мало кому сейчас пришло бы в голову приводить себя в порядок, употребляя что-то горячее. Включая само слово «горячий» и ему подобные непристойные ругательства в духе «солнце», «огонь», «печка» или «утюг». Кажется, для Ленхамаари настал такой день, когда слово «нагревать» срабатывало не хуже солнечного удара. К холодному кофе Марсен питал... ну, не то чтобы неприязнь. Но, по крайней мере, относился к нему с подозрением. Марсен допускал, что он просто может чего-то не знать о холодном кофе. Но ма-

лодушно оставлял эксперименты и открытия на вечное «потом». Из этого правила, однако, было одно-единственное исключение. И тут Марсену снова повезло – он был в Ленхаммаари. А он считал, что спасти холодный кофе может только настой морской мяты. И даже не просто спасти, а превратить любую невнятную бурду в чудодейственный эликсир. Который, в свою очередь, вполне пригоден для спасения придурковатых звукомагов.

До определённого момента казалось, что единственный столик, стоявший на улице, слишком мал для двоих. Стало быть, если сесть и как следует вытянуть ноги, никто не захочет посягнуть на личное пространство. Неплохое пристанище. По крайней мере, пока не кончится кофе. А потом можно было придумать ещё что-нибудь.

Правда, тут Марсен просчитался. Если находить дружественные кофейни у него получалось без проблем, то с предугадыванием человеческой природы всё было куда сложнее.

Впрочем, возможно, просто некоторые представители человечества обладают чутьём иного рода – умеют появляться именно в тот момент, когда их присутствие гарантированно всё испортит.

– Сеньор, простите, вы же не возражаете, если я сяду здесь? – Вежливо осведомился представитель человечества.

Марсен внимательно изучил его физиономию. Затем медленным плавным движением подтянул ноги.

– Не возражаю.

Представитель человечества выглядел лет на двадцать. Мелкие черты лица, длинные русые волосы, собранные в хвост, джинсы и коричневая футболка с принтом неопределённых цветов. Таких представителей человечества можно за день встретить сотню, а потом не вспомнить, кого из них ты видел несколько раз.

К ним вышла бариста, поздоровалась, спросила, чего желает молодой человек. Молодой человек ткнул пальцем в одну из верхних строчек. Дождался, пока бариста уйдёт, и обратился к Марсену:

– Сеньор, я ведь не ошибаюсь, это вас зовут Вигге Марсен?

Ну вот.

– К сожалению, не ошибаетесь. – Марсен вздохнул так тяжело, словно за ношение этого имени его ежедневно, с самого детства, порицала общественность.

– Я вас искал, сеньор, весь день искал, – серьёзно сказал он. – Меня зовут Тобиас.

– У вас ко мне дело, Тобиас? – дружелюбно спросил Марсен.

Тот кивнул.

– Да, сеньор, и очень срочное.

Перед тем, как поднять глаза на Тобиаса, Марсен слегка шевельнул пальцами левой руки, расслабленно лежавшей на столике. Тобиас это, судя по всему, заметил. Кстати, он, хоть и побледнел, растянул губы в улыбку:

– Сеньор, – негромко сказал он, – сеньор, не стоит, я вовсе не хотел вас ничем обидеть. Это же очень глупо – драться с вами один на один, уж я-то знаю.

– Обидеть? – Задумчиво переспросил Марсен. – Меня? Гармония с вами, Тобиас, я и не подумал, что вы собрались меня обижать. Договорить-то я вам позволю в любом случае.

Тобиас усмехнулся и отвёл глаза.

– Значит, вы меня узнали, сеньор. Тогда, конечно, вы и остальных запомнили, так ведь? Или это...

– Вас, ублюдков, я ни за что не забуду, – перебил Марсен, не переменявшись ни в лице, ни в голосе. – Очень легко запомнить рожи, в которые дважды посылал демпферы. Мой тебе совет – не трать время на вежливость и попытки меня задобрить. Говори, зачем явился, а потом незамедлительно исчезни.

– Не надо так, сеньор, – Тобиас с улыбкой покачал головой, – вы же не ударите безоружного, а я перед вами – всё равно что хомячок перед лисой.

– Не ударю, – мягко согласился Марсен. – Но если ты считаешь это способом манипуляции, то зря. Хочешь познать полный, сокровенный смысл выражения «плясать под чужую дудку»?

– Сеньор, – Тобиас усмехнулся почти снисходительно, – это просто несерьёзно, сеньор. Я отлично знаю свои права, и если вы их не знаете, то я напомню – такое использование Мелодии Духа запрещено и преследуется по закону.

– Неужели? – изумился Марсен. – И что ты сделаешь? Заявишь в полицию?

– Заявлю, – безмятежно, в тон ему ответил Тобиас. – У них на меня ничего нет.

– Да нет же, глупенький, – почти ласково ответил Марсен. – Ты не пойдёшь в полицию, потому что... я попрошу тебя не ходить.

У Тобиаса слегка дёрнулась голова.

– Может быть, даже вообще больше никогда никуда не ходить, – добавил Марсен, внимательно следя за ним. – Ну, так что ты хотел мне сказать?

Нервозная самоуверенность Тобиаса несколько зачухла.

– Мы хотели попросить вас больше не мешать нам, сеньор, – жалобно приподняв брови, начал он. – Нам очень жаль, что вообще приходится вас беспокоить, правда, очень жаль. Но что тут поделать, кто же мог подумать, что вы тоже так любите гулять по ночам. Вы и ваши маленькие друзья, да? Как говорится, старое поколение и новое. А мы ведь совсем конфликтовать не хотели, просто вас тут так давно не было... Мы как-то уже привыкли считать, что это наш город.

Марсен молчал, улыбаясь краешком рта, и Тобиас продолжил:

– Мы понимаем, мы всё отлично понимаем, днём ужасно жарко, даже странно, что так мало людей, которые сообразили гулять ночью. Вас-то мы просто не признали, сеньор, а то нипочём бы не стали вас злить. Мы отлично знаем, что вы

сделали для нашей страны, уж мы-то не из тех, кто считает вас предателем родины! – Он восторженно хлопнул ладонью по столу.

Такие вещи делаются в расчёте на то, что собеседник вздрогнет от неожиданности. Довольно нелепо и даже опасно проделывать нечто подобное в разговоре со звукомагом. Но Марсен не шевельнулся, продолжал сидеть, отрешённо глядя в никуда.

– А это я всё, собственно, к чему, сеньор, – Тобиас облокотился на стол и немного подался вперёд, – мы ведь очень стараемся вас не беспокоить. Вы уж нас не трогайте, будьте любезны, мы же не знаем, где вы нынче гуляете. Вот и попадаемся иной раз, совсем не специально. А то совсем как-то нехорошо получается, в самом...

Ему пришлось прерваться, потому что Марсен вдруг прижал палец к губам и тихо сказал:

– Помолчи.

В раскалённом пространстве разлилась негромкая, нежная мелодия флейты. У Тобиаса расширились глаза.

– Сеньор, – упавшим голосом сказал он, – сеньор, но я ведь... вы ведь...

– Мне кажется, я просил тебя помолчать.

Он умолк, с ужасом следя за тем, как пальцы Марсена глядят воздух.

– Уличный музыкант, – пояснил Марсен, когда музыка стихла. – Сегодня очень жарко. Он ходит по улицам и гоняет

ветерок. Я решил немного ему помочь. Правда же, так лучше?

Снова сложил руки на коленях, откинулся на спинку стула и улыбнулся во весь рот:

– Дурашка.

– Ох, сеньор, – с чувством выдохнул Тобиас, – вы меня прямо напугали. Так я продолжу?

– Конечно, – кивнул Марсен, весело щурясь на солнце.

– Так вот, – протянул Тобиас. – Мы тут подумали, вы же, наверное, не хотите, чтобы с Нортенсеном и Вайс случилось чего?

– Наверное, – рассеянно согласился Марсен, беря салфетку. – Ручки не найдётся?

– Нету, – немного настороженно ответил Тобиас.

Марсен расстроено вздохнул. И вдруг просиял, глядя Тобиасу за спину:

– О, сеньорита нас спасёт. – Ослепительно улыбнулся бариста, принесшей заказ Тобиаса: – Можно мне ручку, пожалуйста? Или карандаш. Но лучше ручку.

Бариста, улыбнувшись в ответ, кивнула, поставила чашку на стол и снова исчезла в тёмных недрах кофейни. Тобиас проводил её подозрительным взглядом.

– Ну, так что там? – Участливо напомнил Марсен. – Ты что-то начал говорить.

– А, да... – сказал Тобиас, продолжая беспокойно посматривать в сторону входа. – Мы просто заметили, что вы очень

подружились с Нортенсеном и Вайс. Я только хотел сказать, что...

– О, ручку несут, – обрадовался Марсен. Одарил бариста ещё одной лучезарной улыбкой: – Огромное вам спасибо, сеньорита. – Приподняв брови, посмотрел на Тобиаса и благожелательно велел: – Ты продолжай, продолжай.

И снова опустил голову, погрузившись в начертание каких-то линий на салфетке. Тобиас немного вытянул шею, пытаясь разглядеть, что он там чертит.

– Нортенсен-то весь в папу, да? – заметил Тобиас. – Громких звуков не любит. Мы кое-что видели, сеньор, и смекнули. Мальчик-то для вас – всё равно что Тихие Земли. Стало быть, вы при нём боевую звукомагию творить не можете. А без вас он и вовсе безобидный. Мы знаем ещё и о том, как он дерётся, и я вам скажу – не очень-то здорово он дерётся. Вот сколько мы всего знаем, – гордо подытожил он.

– Прискорбно, – отрешённо кивнул Марсен. – И что, совсем никаких вариантов?

– Почему же, – возразил Тобиас, – как же без вариантов. Есть варианты. Например, мы где-то ловим Нортенсена. Или Вайс. Или даже всех троих, когда вы будете вместе. Мне кажется, такие пальцы, как у вас, должны легко ломаться и долго срастаться. Вам не кажется?

– Может быть, – ещё более отрешённо согласился Марсен. На секунду оторвался от своих художеств: – Что-нибудь ещё?

– Да, – торжественно сказал Тобиас. – Ещё можно так.

Дождёмся, когда при вас будет Нортенсен, и у вас на глазах кого-нибудь замордуем...

– Ну, – задумчиво начал Марсен, – последнее вы, кажется, уже пробовали.

– Неужели вы готовы повторить? – драматично заламывая руки, прошептал Тобиас. – А нам казалось, вы цените жизнь бедного больного мальчика.

Марсен молча положил перед Тобиасом исчерканную салфетку, поднялся и встал у него за спиной, держа в руке стакан с подтаивающими льдинками.

– Ой, – удивился Тобиас, – я думал, вы фигу рисуете.

– Ну что ты, – мягко упрекнул его Марсен. – Чересчур предсказуемо.

– А что это? – Тобиас потрогал салфетку.

Марсен усмехнулся.

– Похоже, ты много пропускал в школе. Учитель, наверное, попался вредный.

Тобиас озадаченно моргнул.

– Это в учебниках обычно так рисуют температурные процессы, происходящие с водой, – с жалостью в голосе пояснил Марсен. – Видишь? Это лёд. – Марсен продемонстрировал ему стакан. – Лёд нагревается, тает и превращается в воду.

Пока он говорил, грани между льдинками словно стирались.

– Потрясающе, сеньор. – Тобиас сделал вид, что аплодирует.

Марсен продолжил, всё с той же ласковой назидательностью:

– Потом вода нагревается, закипает и превращается в пар. Понимаешь теперь? Это... – Он повёл стаканом в воздухе. – ...Очень похоже на то, что происходило со мной во время нашей беседы.

– Так вы не кипятитесь, сеньор, – посоветовал Тобиас.

И вдруг резко выпрямился, судорожно втянув воздух сквозь зубы. Потому что Марсен вылил талую воду с остатками кофе ему на спину.

– Незадача какая, – заметил Марсен, поставив пустой стакан на столик. – Ну, немудрено. О моей неосторожности ходят легенды. Правда, день жаркий. – Он постучал пальцем по салфетке. – Вода быстро высохнет.

Тобиас обернулся к Марсену, глядя на него озлобленно и испуганно.

– Так и знал, что ты обидишься, – сказал Марсен, виновато улыбнувшись. Чуть наклонился к Тобиасу: – Но я могу высушить воду в один момент. Правда, спать ты после этого будешь на животе.

Тобиас резко побледнел и отшатнулся, упал, с грохотом перевернув стул. Марсен поднял стул, поставил его так, что тот больше не стоял между ним и Тобиасом.

– А я ведь вполне бы мог себя обезопасить, – задумчиво сказал Марсен, беззвучно барабанил по спинке стула. – Что мешает мне прямо сейчас, пока Сим и Эгле в безопасности,

найти каждого из вас? Для звукомага с хорошим слухом это не так уж и сложно. Убивать не стану, нет. Можно ведь и ногу оторвать. – Он перевёл взгляд на Тобиаса: – Вам это просто в голову не пришло, да?

– Вы не станете, сеньор, – побелевшими губами произнёс Тобиас, – не станете, потому что бережёте законы.

– Меньше, чем своих друзей, – холодно сообщил Марсен. – У меня встречное предложение. Например, ты обещаешь, что вы будете паиньками. Например, я тебе поверю. Ты уйдёшь, а я останусь здесь. Позову бариста, и она принесёт мне ещё кофе. Но если ты, например, мне этого не обещаешь или если я, например, тебе не поверю...

Марсен задумчиво потёр запястье, и Тобиас нервно дёрнулся.

– Лучше бы вам потом носить с собой бензин. Увижу, что вы до кого-то докопались – сразу обливайтесь бензином. Тогда я вас всего лишь сожгу заживо. Обещаю сделать это быстро. Косо посмотрите в сторону Эгле или Сима – просто постарайтесь тут же выпить так много бензина, как только сможете. Это будет не так ужасно, как то, что с вами сделаю я.

– А что, если... если мы увидим, что вы и Нортенсен поблизости друг от друга? – Задыхаясь, спросил Тобиас. Он всё ещё пытался улыбаться, несмотря на сильную дрожь.

– Мальчик, ты что, тупой? – Обеспокоенно поинтересовался Марсен. – Поздоровайтесь и мимо пройдёте, вот что. У заклинаний есть радиус действия, видишь ли, а Сим быст-

ро бегают. И если с ним за пределами этого радиуса что-то случится, вас я потом точно не пожалею. Подумайте, хотите ли вы досадить мне такой ценой.

Он взял со стола полную чашку. Повертел в руках, поднёс к лицу. Посмотрел на Тобиаса поверх краёв:

– Так ты обещаешь мне? Или боишься, что твои друзья тебя не поддержат? Могу немного тебя изувечить, тогда ты будешь выглядеть убедительно.

Тобиас медленно поднялся с земли. Не сводя расширенных глаз с Марсена, отступил на шаг, другой. Развернулся и помчался вниз по улице. Вздохнув, Марсен опустил на стул, поставил чашку обратно.

– Ну вот. Парень набрался наглости прийти ко мне в одиночку. После того, что при мне сделали они. И после того, что с ними сделал я. Даже не попытался в меня чем-нибудь кинуть. Или чем-нибудь в меня ткнуть под столом. Практически предложил честную сделку. Не стал врать мне, что будет хорошо себя вести. А я взял и напугал его до икоты. Вернётся сейчас к своим друзьям-людоедам. Будет им доказывать, что штаны у него мокрые из-за моего дурацкого чувства юмора, а не потому, что он обделался. Надо было его высушить, всё-таки.

Помолчал, хмурясь. Сокрушённо констатировал:

– Кейн прав, я форменное чудовище. Меня действительно лучше не подпускать к детям.

Устало прикрыл глаза. Посидел так немного, пока не по-

чувствовал слабое прикосновение к руке. Обнаружил, что на костяшку мизинца приземлилась пушинка белочвета. Грустно усмехнулся:

– И ты туда же.

Осторожно, стараясь не повредить полупрозрачные лучики, сдул пушинку и пробормотал:

– Чёрт возьми, вы все правда думаете, что это можно как-то мирно решить?

Снова закрыл глаза, откинувшись на спинку стула.

– Вам плохо? – Спросил голос свыше. Бариста вернулась за ручкой, наверное.

– Август на носу, вот что плохо, – хмуро отозвался Марсен, не шелохнувшись и не открывая глаз.

– Ещё кофе? – Сочувственно предложил голос.

– Самый правильный вопрос в мире, – вздохнул Марсен. – И вместе с тем, излишний. Конечно, да.

Глава 14. Волны

Сразу, как только Кейн меня выпустил, я вызвонил Эгле и удостоверился, что с ней действительно всё в порядке. Я боялся её расстраивать, но было бы попросту нечестно ничего ей не говорить. Поэтому я рассказал ей о том, что произошло в больнице. Звучало это всё неожиданно просто. Кейн считает, что из Марсена не получилось достаточно хорошей няньки – раз. Поэтому нас надо держать подальше друг от друга – два. Марсен уже и так чувствует себя виноватым, так что постарается с нами больше не пересекаться – три. Если

мы найдём его и объясним, как обстоят дела, у нас есть шанс исправить самую большую глупость, которую когда-либо совершали – четыре. Мы сильно рискуем, потому что ставим под угрозу связь между двумя старыми друзьями – пять. В худшем случае, Кейн всё же пойдёт на крайние меры, чтобы отпугнуть Марсена окончательно. Мы, таким образом, останемся двумя маленькими паршивцами, которые дважды подставили своего донора. Уже без шанса что-то сказать в своё оправдание, потому что тогда Марсен начнёт нас намеренно избегать. Ради нашей же безопасности, о чистые квинты. Ради нас же. А то и вовсе уедет обратно, на Западный архипелаг.

Эгле выслушала всё это молча. Потом выразилась примерно в том же смысле, что и я. Ну, что пусть Кейн сам решает, быть ему мерзавцем или нет, а наше дело – объяснить с Марсеном. Хотя бы просто сказать ему, что мы поняли, кто тут самая свинья.

Две свиньи, решительно поправила Эгле. На душе у меня потеплело.

Мы искали его целую неделю, наверное. Проторчали несколько часов у его дома. Безрезультатно. Забросили самолётик в форточку. Нет ответа. Подвергли допросу нескольких бариста – не случилось ли кому-то из них принести жертвы одному кофейному демону? Я только после этого осознал, что кофеен у нас в городе слишком много. Поиски ещё осложнились тем, что теперь у нас было куда меньше

времени. Какие-то жалкие обрывки дней, каждый размером в несколько часов, вот и всё, что у нас осталось. Надо было не попасться шайке Кори, поэтому уже после шести часов вечера мы разбредались по домам. Да и во все подворотни заглядывали осторожно. Ещё и вставали поздно, по крайней мере, я. Плеер – это, конечно, хорошо, но я уже привык, что Марсен радостно трещит без умолку где-то поблизости, на расстоянии вытянутой руки.

На исходе последней июльской недели мы уже почти отчаялись. Плюнули и пошли к заброшенному форту.

– Может, всё дело в том, что мы ищем его специально? – Неуверенно предположила Эгле, прячась от ветра за каменным бортиком смотровой площадки.

Я хмуро пожал плечами. У меня была другая версия, и я не хотел говорить её вслух. Что толку. Судя по всему, Эгле думала так же, просто перефразировала.

«Что, если он уже прячется от нас специально?» – вот чего мы оба не хотели говорить.

– Наверное, надо позвонить. – Эгле осторожно выглянула за бортик.

– Это уж совсем радикально, – возразил я. – Подождём ещё пару дней.

– И что потом?

– Потом? – Я задумался. – Ну, можно на рассвете прийти и поджечь дом, в котором он живёт. Должна же эта крючконосая гадина хотя бы там спать, верно?

– А если нет?

– Вот тогда и позвоним.

Эгле тоже немного подумала.

– Нет, – наконец сказала она. – Не годится. Марсен может просто скатать огонь в шарик и съесть, не просыпаясь.

– Точно, – отозвался я, – мы ведь не знаем, храпит он или нет.

Брови Эгле удивлённо взметнулись.

– Ну, знаешь, боевые звукомаги храпят в определённой тональности и строго выверенном ритме, – пояснил я. – Их врасплох не застанешь.

Она почти рассмеялась.

Я проснулся, когда за окнами были утренние сумерки. Да, конечно, летний день потихоньку таял. Всего за неделю как-то по-осеннему похолодало. Задули западные ветры, а вчера было ещё и пасмурно. Свет понемногу уходил. Но всё равно, это было слишком рано. Не так, как в те утра, когда мы развешивали фонарики. Но гораздо раньше, чем у меня получалось встать по будильнику всю последнюю неделю. Кажется, даже мама ещё спала. Хотя, может, у неё опять был выходной, а я не знал. В последнюю неделю я снова перестал следить за её расписанием.

Честно поваялся ещё полчаса. Организм вполне мог меня обманывать, сейчас бы я встал, а в середине дня бы опять свалился. Но заснуть не получалось.

Чего ты подскочил, попытался урезонить я сам себя, все ещё спят. Снаружи холодно.

Усилием воли держал глаза закрытыми ещё несколько минут. Нет, ни в какую. Спать не хотелось совершенно. Тогда я встал, умылся, прошлёпал на кухню. Нашёл в холодильнике булку, сжевал её со вчерашним недопитым чаем. Ещё раз прислушался к себе. Сначала к своим ощущениям. Понял, что хочу на улицу. Выглянул в окно, увидел, как синие облака желтеют, и убедился, что действительно туда хочу. Потом вернулся к себе в комнату. Присел на кровать, прикрыл глаза...

Да. Вот оно. Спокойный ритм и светлая мелодия, звучащие во мне сейчас. Так странно слышать музыку внутри себя без плеера. Не просто мысленно воспроизводить, а позволять ей затрагивать сознание, слышать слова, не разбирая их. Теперь мне это довольно легко удавалось. И пусть Кейн подавится своими запретами.

О чём там, кстати, была песня? Я спрашивал Марсена насчёт некоторых, в которых не мог разобрать совсем ничего. Кажется, в этой пелось что-то про сад на дне моря...

Вот, точно. Вот куда я пойду. Ну, не на дно, конечно.

Я подошёл к морю, когда желторотое утреннее небо затвердело в облачный свинец. На берегу ветер носился кругами, звал волны на сушу, улетал к бетонной стене, гнался за ними, когда они убегали обратно в море, ерошил сине-зелёные вихры морской мяты, раскинувшейся поодаль, как при-

чудливый морской зверь.

У мокрой черты на песке стоял высокий человек. Ветер раздувал полы короткого тёмного плаща и настойчиво трепал синий шарф. Я подошёл ближе. Так и есть. На светло-сером фоне чётко вырисовывался крючконосый профиль Марсена. Надо сказать, он хорошо вписывался в общую картину. В смысле, весь Марсен, а не только его профиль. Уже не такой раздражающе солнечный, каким был в нашу первую встречу. Наверное, очень часто навевался к своему другу Кейну, язвительно подумал я, вот что бывает с теми, кто всё время сидит под больничными лампами.

Впрочем, его сегодняшняя серость была совсем не болезненной. Он не выглядел тоскливо-тусклым, как старая статуя в заброшенном парке. Что-то было в нём от спокойного достоинства чёрно-белой фотокарточки. От памяти о старых добрых временах. Которые, возможно, были не такими уж добрыми. Но прошлое всегда выглядит лучше, чем будущее. По крайней мере, оно ничем не угрожает. Всё хорошее становится ярче и милее, а всё плохое прощено, потому что уже пережито. Тёплая грусть осени, память об уходящем лете, которое никогда-никогда не вернётся. Вместе с тем, в этом образе не было горечи. Видимо, потому, что Марсен не был ни фотокарточкой, ни воспоминанием. Он был настоящим – и в том смысле, что был здесь и сейчас, и в том, что был живой и существующий.

И курил.

– А я думал, у великих звукомагов не бывает низменных вредных привычек, – сообщил я, подходя поближе.

Марсен повернулся ко мне, приветственно поднял руку.

– Ну да, – невозмутимо отозвался он, вытащив изо рта наполовину скуренную сигарету, – они не курят, не пьют, и им никогда не требуется уборная. Что касается их способа размножения, так это вообще отдельная история.

– Можно без подробностей? – попросил я.

– Ты не хочешь услышать эти чудесные истории о маленьких эльфах, которых иногда случайно проглатывают дождевые ласточки? – изумился Марсен.

– Че-го-о?

– Ну как же. Всем известно, что дождевые ласточки иногда проглатывают капли настоящего дождя, от чего превращаются в хрустальные шарики, да так и лежат, пока кто-нибудь их не выпустит. Но не все знают, – серьёзно продолжал Марсен, – что бывает, когда они проглатывают маленьких эльфов, путешествующих на капельках воды. У эльфов это такой способ переродиться человеком. Если их проглатывает дождевая ласточка, они превращаются в детей...

– Марсен.

– ...Которые потом...

– Марсен!

– Что? – Взгляд Марсена был абсолютно спокоен. Одина-единственная насмешливая искорка не в счёт. – Хочешь сказать, рано тебе ещё про такое слушать?

– Застукали – так нечего отбрыкиваться, – буркнул я, сядя на песок. – Ты всё испортил, крючконосый.

Марсен развёл руками, воткнул дымящуюся сигарету в мокрый песок, когда волна откатилась. Затем убрал окурочек в карман и сел рядом. Я недоумённо проследил за его действиями.

– Нельзя приходить к морю и оставлять мусор на берегу, – пояснил Марсен.

Понятно. Вот почему он сегодня такой серый. Это он так с миром гармонирует. Хамелеон хренов.

– Окурком больше, окурком меньше, – я пожал плечами, – какая разница?

– Ага, – сказал Марсен, – никакой. Лежит человек, его запинывает банда Кори. Ты, конечно же, тоже его пнёшь. Пинком больше, пинком меньше. Его же всё равно запинывают.

– Хватит, – поморщился я. – Хватит с меня моралей.

– Ты первый начал.

– Я просто не ожидал, что ты куришь, ясно? – Я сердито отодвинулся. – Вообще не думал, что звукомаги...

– ...Тоже люди? – мягко подсказал Марсен. И усмехнулся – с несвойственной ему грустью. – Может быть, они вообще слабее. Слабее, чем Эгле. Или ты.

– Издеваешься? – Я искоса посмотрел на него.

– И в мыслях не было, – покачал головой Марсен. – Многие из тех, кого я знал, имели куда менее невинные привычки. Особенно в молодости, когда ещё не знаешь, что поток

всегда возвращается.

Он зябко поёжился и закутал в конец шарфа сухие длинные пальцы.

– Какой ещё поток?

– Звучащей музыки.

Пожалуй, это было последней понятной фразой. Так что я привычно заткнулся и просто слушал.

– Я рассказывал. Мир звучит всегда, слышим мы его или нет. Он становится слышным, когда кто-то может его сыграть или спеть. Это и называется звукомагией. На самом деле, мир исполнен смысла. Все страдания по несбыточному происходят потому, что смысл неочевиден. Он становится очевидным, когда творится звукомагия. Хотя... – Он прервался, щурясь на серо-синюю даль. – Наверное, необязательно магия может выражаться непосредственно музыкой, и только музыкой. Ведь кого-то делают счастливым совершенно другие вещи. Они тоже звучат, но существуют без помощи звукомагии.

Я наблюдал за прибоем. По моим расчётам, следующая волна как раз должна была хорошенько лизнуть ботинки Марсена. Но тот, даже не опустив взгляда, рассеянно уволок ступни ровно с той же скоростью, с какой за ними катилась волна. Вряд ли вообще понял, что сделал.

– Но мы сейчас о звукомагах, – продолжал Марсен, неуловимо мрачней. – Они – не условие, а возможность чуда. Как и сама звукомагия, я уже говорил. Потому-то символом Ме-

лодии Духа и стала флейта. Флейта не звучит сама по себе.

– Зато флейтист звучит сам по себе, – возразил я.

– Да, и его мелодию может услышать только звукомаг соответствующего уровня, – терпеливо кивнул Марсен.

– Да нет же. Я про пение.

– И это тоже, – вздохнул Марсен. – Воздух сам по себе – не звучащая музыка. Твой голосовой аппарат сам по себе – не звучащая музыка. Это возможности. Создание Мелодии Духа началось с пения, ты знал об этом?

– Нет, – я удивлённо посмотрел на него, – но ведь флейта...

– Флейта – просто более очевидный символ. Людям легче анализировать внешние объекты.

Ну, не всегда, не всегда...

Это возражение я, впрочем, оставил при себе. Высказал другое:

– Но я ведь могу петь, а могу не петь. Так я контролирую звукомагию, разве нет?

– О да, – фыркнул Марсен. – Именно так и думают эти великие люди. Дрессировщики стихий... Варианты здесь совершенно другие, Сим.

– Знаю, ты ждёшь, что я спрошу, какие варианты, – пробормотал я. – Но из вредности не спрошу.

– Не жду, – отозвался Марсен. – Я думаю, что тебе следует об этом знать. На самом деле, варианты здесь – «не могу петь» и «не могу не петь».

– Кошмар. – Я плюхнулся на спину, глядя в небо. Море мне уже надоело. – Ты же говорил, чудесное не может быть принуждением. А тут оказывается, что мы всего лишь инструменты. Выходит, это всё-таки принуждение? С точки зрения этого твоего звучащего мира – мы просто флейты?

– Я не только об этом говорил. Я ещё про море говорил, помнишь? – Марсен развернулся в мою сторону. – Ты можешь пытаться выпить его, можешь топиться в нём, а можешь плыть. Море ни к чему тебя не принуждает. Но без него ты не сможешь ни плыть, ни топиться.

– Ага, – сонно пробурчал я, – вот только иногда ты плывёшь, плывёшь, а потом раз – и тонешь.

– Так ведь тут не море виновато. – Голос Марсена отдалился и снова приблизился. – Оно держит тебя на плаву до последнего. На дно только болота затягивают, знаешь ли. А вот если ты зачем-то нахлебался воды и решил задохнуться – что тут может сделать море?

Я подскочил как ужаленный. Этот крючконосый гад, пока я за ним не следил, зачерпнул воды и вылил мне её на лицо!

– Ты больной, – сердито сообщил я, вытираясь рукавом. Страшно довольный Марсен наблюдал за мной. – По-моему, это ты себя имел в виду, когда говорил про менее невинные привычки.

– Не себя, – коротко ответил он, снова отворачиваясь.

– Жаль.

Теперь уже он наградил меня недоумённым взглядом.

– Я хотел спросить, почему звукомаги становятся наркоманами, – пояснил я. – Думал, ты знаешь.

– Знаю, – очень ровным голосом ответил Марсен. – Для этого необязательно быть наркоманом. Достаточно быть звукомагом.

Он помолчал, глядя на море. Затем медленно начал:

– Видишь ли... химия обещает расширить сознание. Сделать человеческую шкурку потоньше. Убрать преграду, за которой продолжает звучать тот светящийся поток. Когда ты бываешь причиной музыки, этот поток звучит внутри тебя. Смысл очевиден. Всё просто, ярко и ясно. Звукомаги знают это. И поверь, они чувствуют себя очень и очень паршиво, когда перестают звучать.

Марсен взъерошил волосы, провёл ладонью по лицу, взглянул на меня сквозь пальцы и снова чуть-чуть улыбнулся:

– Это ещё хуже, чем в детстве, когда тебя забывают в магазине. Потому что тут есть хоть какая-то надежда, что родители будут тебя искать, а вот магия не обещает ничего. Вот и мечешься...

– И со всеми так? – Вышло чуть более заинтересованно, чем я хотел.

– Почти. Но иногда ещё бывает так, что ты просто звучишь слишком громко и смертельно сам себе надоедаешь. Приходится сбегать.

– А разве нельзя всё время... быть в этом потоке? Раз уж

это так здорово. Раз уж миру так нравится звучать через людей.

– Нельзя. Не получается. – Он наклонился к подкатившейся волне, тронул её, будто погладил. – Миру ещё нравится постоянно меняться. Вернее, это его естественное состояние. Он живёт, потому что меняется, и меняется, потому что живёт. И это невероятно трудно – всегда гармонизировать с его изменениями.

– Я думал, уж ты-то на это способен, – хмыкнул я.

– Довольно часто, – согласился Марсен. И усмехнулся, всё ещё не слишком-то весело: – Потому-то я и считаюсь сильным звукомагом.

– Часто? А почему не всегда? У тебя не получается?

– И не должно.

Да ёлки-палки.

– Почему? – как можно более спокойно спросил я.

– Потому что своеволие людей – одно из условий изменения мира, – пояснил Марсен, так просто, как будто это было совершенно очевидно. – Никогда не знаешь, предугадал ты что-то новое или привнёс. Возможно, это одно и то же. Музыка мира – то, что уже существует. Мы привносим в него что-то новое, если мир согласен принимать это новое. Как правило, он согласен, потому что он любит меняться. – Марсен сделал глубокую борозду в песке, перпендикулярно к мокрой границе. Новая волна тут же заполнила канавку водой. – Но всё это струны лопнувшей не стоит, если пытаться

ся игнорировать мир как соавтора. Тем более, к чему-то его принуждать.

– Да ёлки-палки, – сказал я вслух. – Каких тритонов?

Марсен понимающе покивал.

– Если бы всё было просто и очевидно, не было бы ни войн, ни наркоманов... ни детей с болезнями внутренней мелодии.

– А тебе-то всё понятно? – поинтересовался я, чисто из принципа, без всякой надежды на вразумительный ответ.

– Иногда да. – Он изобразил самодовольнейшую из ухмылок. – Я же звукомаг.

Мне захотелось его пнуть. Но он тут же сник, глядя в море:

– Но иногда – нет.

– И как ты... живёшь?

– У меня простые правила, – откликнулся он. – Не париться. Звучать, когда могу звучать. Молчать и вспоминать море, когда не могу. Помнить, что «непонятно» не всегда значит «необъяснимо» и почти никогда не значит «плохо». И самое главное, – он очень серьёзно посмотрел на меня, – не разбрасывать окурки где попало.

Я помолчал.

– Честно говоря, – начал я, – из всего этого у меня пока один вывод. Сейчас тебе не очень... звучится?

– Не твоё дело, – усмехнулся Марсен.

– Моё, – угрюмо буркнул я. – Твой голос – моя мелодия.

Так что это очень даже моё дело.

Марсен посмотрел на меня с любопытством.

– Мы же тебя целую неделю искали, – тихо прибавил я. – Хотя бы извиниться. Мы правда всё поняли.

– М-м?

Я обречённо вздохнул. Если честно, я надеялся, что со мной в этот момент будет Эгле. Ну, ладно, буду считать, что она мысленно со мной.

– Ты пошёл выручать беззащитного. Конечно, у тебя не было времени всё подробно объяснять. Нужно было тебя послушаться и не создавать проблем. А нам просто хотелось посмотреть, как ты наказываешь наших врагов. Мы заслужили то, что потом с нами произошло.

– Альбин так не считает. Он ведь порекомендовал вам со мной не связываться?

– Да плевать, – откликнулся я, кинув в воду плоский белый камешек. – Мне лучше слушать тебя живьём, с этим даже Кейн не поспорит.

– Значит, вы поэтому меня искали? – Марсен чуть-чуть улыбнулся. Он крутил в руках какую-то бумажку.

Я бросил на него раздражённый взгляд:

– Да, а ты что подумал? Что нам без тебя скучно? Размечтался.

– Ну да... – протянул Марсен. – Что же это я, в самом деле. Вы наверняка прекрасно проводите время и без меня.

Он продемонстрировал мне бумажного журавлика. При-

смотревшись, я понял, что тот сделан из той самой бумажки, которую мы использовали для нашего самолётника-лазутчика.

– Ну ты и жук. – Я отвернулся. – И молчал всю неделю, как партизан.

– Жук-партизан – в этом что-то есть, – прошептал Марсен журавлику.

Тот вздрогнул и сорвался с его ладони, подхваченный невидимым ветром. Марсен, щурясь, смотрел ему вслед.

Странно это было. Странно было сидеть рядом с Марсеном на берегу и знать, что он не исчезнет прямо сейчас. Не знаю, как у него, а у меня определённо что-то срослось внутри после этого разговора. Странно было видеть его таким меланхоличным. Кажется, Кейн до него ещё не добрался со своими гнусностями. Иначе он бы так и не позволил себя найти. Но почему тогда прятался целую неделю? Или мы действительно не могли найти его потому, что искали специально? Но он ведь тоже не пытался никак с нами связаться.

– Я просто не хотел бесить Альбина, – сказал Марсен, подбирая обкатанную морем стекляшку. – Он же всезнайка. То, что он неправ, ему надо доказывать обстоятельно и последовательно. Особенно если он ошибается не в целом, а в деталях.

Ух ты, сколько проблем сразу снимается. Признаться, я боялся, что Марсен будет занят самоедством и слышать ничего не захочет. А он, оказывается, всё же делает поправку

на упёртость Кейна.

– Если бы мы на следующий же день снова куда-то вместе пошли, он бы точно решил, что я всё это делаю ему назло. Кроме того, я не был уверен, что вы сами захотите со мной разговаривать.

Говоря всё это, он поднёс стекляшку близко-близко к глазу, и теперь смотрел на меня сквозь неё.

– У тебя глаза разноцветные, – сообщил я.

– А ты синий, – отозвался Марсен.

– Тебе идёт. Так и ходи.

– А тебе нет. Поэтому не буду. – Он запустил стекляшкой в меня.

Я инстинктивно съежился, хотя почти не почувствовал, когда стекляшка ударилась мне в плечо. Подобрал, посмотрел сквозь неё на Марсена:

– Ты лгун, крючконосый, – разочарованно сказал я. – Сквозь неё ничего не видно.

– Это тебе не видно, – безмятежно возразил Марсен, – а мне видно. Потому что я великий и могущественный.

– Угу, – буркнул я, – плод соединения маленького эльфа и дождевой ласточки. Кстати, как это происходит?

– О, – развеселился Марсен, – вижу, ты созрел для серьёзного разговора.

– Нет, правда. Из яиц дождевых ласточек потом вылупляются... человеческие дети?

– Да нет же, – нетерпеливо сказал Марсен, – люди из них

получаются через созвучия с эльфами. Дождевые ласточки – это же невещественные сущности, как они могут целого человека материализовать?

– Невещественные... чего? – Переспросил я. – Я думал, ты имеешь в виду тех городских птичек, которые постоянно летают в дождь. Они вполне вещественные, у нас даже на биологии кто-то доклад про них делал.

– Эти – да, – кивнул Марсен. – Но я про тех, которых в городах больше не увидишь.

– У меня достаточно вопросительный вид?

Марсен смерил меня оценивающим взглядом:

– Ну... разве что с поправкой на *una corda*.

– Ты объяснишь или нет?

– Лучше покажу. – Он поднялся с земли.

Краем глаза я заметил какое-то движение. Посмотрев в ту сторону, я понял, что прямо на Марсена мчится Эгле. Конечно, он её услышал, но времени ему хватило ровно на то, чтобы развернуться. Отскочить в сторону или хотя бы выставить руки он уже не успел. Так и погибают великие боевые звукомаги.

– Так тебе и надо, – ехидно сказал я. – Будешь знать, как исчезать без предупреждения.

Марсен скорчил мне страшную рожу. Ласково погладил Эгле, обхватившую его обеими руками.

– Извини, так получилось, – тихо сказал он ей. – Я больше не буду. Постараюсь.

– Нет уж, – пробубнила Эгле ему в плечо, – лучше постарайся быть. И где-нибудь неподалёку. Хотя бы иногда. Например, каждый день. Этого вполне достаточно.

Он только вздохнул.

– А мы уже придумали, чем будем заниматься. Идём?

– Идём, – покладисто согласилась Эгле.

– Я не могу, пока ты на мне висишь.

– Ты великий звукомаг. Что-нибудь придумаешь.

– Ты мне подачу кислорода в мозг сократила. Может, отпустишь?

– Нет.

Я только пожал плечами, когда Марсен на меня оглянулся. Мол, сам расхлёбывай.

– Вот так и надо встречать друзей, с которыми неделю не виделся, – назидательно сказал он мне. И обратился к макушке Эгле: – Как ты думаешь, этот вредный человек со мной хотя бы поздоровался? Конечно, нет. Только увидел – тут же начал порицать.

– За что? – Эгле подняла голову, глядя на Марсена снизу вверх. Рук, впрочем, не расцепила.

– За курение, – веско сказал я. – Мы его, значит, слушаем. Практически живём на его голосе. А он, значит, курит. Портит себе голосовой аппарат как может. Мороженое ещё жрёт небось.

– Это так, – без тени раскаяния согласился Марсен. – Жрёт. И что значит «небось»? Мы же втроем штурмовали

этот фисташковый айсберг. Ты ещё сначала ныл, что мы не осилим, а потом ещё стрескал больше всех.

– Вот видишь, – сказал я Эгле. – Никаких принципов. Чистое саморазрушение.

– Сим, а ты можешь посмотреть человеку в глаза и запретить ему есть мороженое?

– Не могу, – признался я. – Но я могу посмотреть в глаза звукомагу и запретить ему курить.

– Действительно, – нахмурилась Эгле. – Вдруг он себе дышалку посадит? Вдруг мы куда-нибудь в горы погрёмся, он где-нибудь остановится, чтобы отдышаться, а мы не заметим и его потом не найдём?

Марсен легонько нажал ей на кончик носа.

– Это что, ещё один аргумент меня не отпускать?

Эгле с энтузиазмом кивнула.

– Выучись варить кофе, – посоветовал я. – Тогда он весь твой. Сможешь призывать его в любой момент.

Они оба посмотрели в мою сторону.

– Кофе – это хорошая мысль, – сказал Марсен.

– Вот у нас и планы на завтра появились, – поддакнула Эгле. Неохотно расцепила руки, выжидательно взглянула на меня: – Ну что? Чего вы там придумали?

Глава 15. Время

Мы очень долго шли. Марсен – впереди, мы с Эгле – позади.

– Куда мы? – Шёпотом спросила Эгле.

Я осмотрелся в очередной раз. Этот район города был мне знаком, только я уже не помнил, оказывался ли я тут когда-нибудь один. Невысокие здания и узкие улицы. Редкие прохожие, в основном, пожилые люди, одежда которых вышла из моды, наверное, полвека назад. Как ни странно, это даже красиво выглядело. Тут всё было как-то... медленнее. Я не увидел ни одного знака ограничения скорости, но автомобили ездили не так быстро, как в центре. Хотя... вот, точно. Теперь всё ясно. Асфальт сменился гранитными булыжниками. Впрочем, люди тоже шли без всякой спешки. Их взгляды скользили по нам с вежливым интересом. Их глаза видели то время, когда вежливость не приравнивалась к лицемерию. Их глаза продолжали видеть это время. И нас в нём.

Так куда же мы идём?

– В прошлое? – предположил я.

Конечно же, Марсен услышал и шёпот Эгле, и мой голос.

– Почти, – не оборачиваясь, сказал он. Судя по интонации, он улыбался. – Здесь заканчивается девятая автобусная линия.

– Но этот маршрут сняли, наверное, вечность назад, – возразил я. – Откуда ты знаешь, что именно здесь?

– Знаю. Потому что знаю, из-за чего убрали девятый маршрут.

– Из-за чего? – Спросила Эгле.

Он приподнял руку над плечом:

– Подождите ещё немного. Сейчас сами всё увидите.

Мы переглянулись. В принципе, мы уже знали, что Марсен фигни не скажет. И если уж ему угодно темнить, значит, так надо.

Идти пришлось ещё минут пятнадцать. Потом дорога, вдоль которой мы шли, окончилась большим круглым участком. Действительно, очень похоже на конечную автобуса. Кажется, я даже мог разглядеть, где был остановочный комплекс. Больше угадать, чем разглядеть, но всё-таки.

От каменного пятака дальше тянулась дорожка поуже. Почти что тропинка. Марсен уверенно пошёл по ней, и мы последовали за ним. В какой-то момент я поднял голову... и не увидел неба. Над нами сомкнулся плотный зелёный шатёр тополиных крон, сплетшихся ветвями. Они росли вдоль дороги, почти что на одинаковом расстоянии друг от друга, крепкие, белоствольные, похожие на дворцовые колонны. Наверное, раньше это был парк, обжитый и ухоженный.

Раньше.

Давно. Очень давно.

Обернувшись на шорох, я застыл. На ветках куста спал ветер. Рыжий лохматый ветер. Я не мог сказать, почему был так уверен, что видел именно ветер. Но это было первое, что пришло мне в голову. Куст плавно покачивал его, ветер пошвыстывал во сне. Чуть поодаль, на прогалине, носился другой ветер, синий. Он гонялся за облаком, ловил и отпускал, растрёпывал в белый пух и сбивал в плотный пушистый ко-

мок. Облако сердито похрюкивало. Оно явно считало ветер неуместно ребячливым существом.

Очнуться и оторваться от наблюдения получилось не сразу. Место не казалось мне враждебным, но я всё же не хотел бы тут потеряться. Опасения, однако, оказались напрасными. Мои спутники тоже остановились. Эгле заморожено смотрела, как с другой стороны дороги несуществующее озеро сияет, отражая несуществующее небо, а в нём – несуществующую, неправдоподобно огромную луну. Луна тихо и медленно кружилась, словно светясь под гладью воды, постепенно сменяла фазы, словно уходя на дно и всплывая.

– Мелодия Духа не предполагает смерти, – услышал я негромкий голос Марсена. – Только другие планы бытия. Наш, к примеру, всего лишь эхо...

Было слишком трудно видеть всё, что происходило вокруг, и воспринимать слова Марсена. Дальше я слушал его с закрытыми глазами.

– Считается, что каждый человек знает дорогу к Изначальной Гармонии и несёт свою точку отсчёта в себе самом. Она называется затактом. Диалог человека и Изначальной Гармонии начинается с него. Человеку даётся возможность быть счастливым, и он её использует. С этого момента у него всегда есть дом, в который он вернётся, когда его мелодия завершится.

– Момент, в котором он был по-настоящему счастлив? – Едва слышно переспросила Эгле.

Я открыл глаза.

Утвердительно кивнув, Марсен продолжил:

– Магия начинается именно отсюда. Затакт – путь для человека в Изначальную Гармонию. И окно для Изначальной Гармонии, через которое она звучит здесь, в этом мире. Каждый может быть условием счастья для любого другого человека. И если ты был этим условием, хоть на миг, если для кого-то отменил страх, если кому-то дал хорошую идею, если кому-то помог взлететь – тебе открыты другие затакты.

– Но зачем они? – Я недоумённо поднял бровь. – То есть... я имею в виду, счастливыми люди становятся по разным причинам.

– В Изначальной Гармонии всё звучит верно, потому что уже звучит верно, здесь, сейчас, всегда, – пожал плечами Марсен. Улыбнулся, чуть виновато: – Если честно, я не готов дальше лезть с рациональными объяснениями. Могу предположить, что в затакте снимается множество проблем – например, проблема времени, страха, усталости, боли. Может быть, поэтому считается, что там мы способны разделить счастье любого человека, которого сделали счастливым.

Не знаю, что за выражение лица у меня было, но Марсен вздохнул:

– Гиблое дело – обсуждать такие вещи, на то они и невыразимые и неизреченные. Доказательств нет. И даже если бы кто-то и попал в свой затакт, не смог бы рассказать так, чтобы все поверили. Из человеческих языков ни один толком не

приспособлен для выражения самого главного. И вроде бы понятно, что и как сказать. А едва начнёшь говорить – слова умирают, съёживаются, как осенние листья, и собеседник скучает, смотрит на тебя скептически. В лучшем случае.

– Я не скептически, – возразил я. – Мне просто пока не очень понятно. Я вот это переварю и потом спрошу что-нибудь.

– А я сейчас спрошу, можно? – Эгле наконец обрела дар речи. – Всё это, – она обвела рожицу рукой, – всё это – неведущественные сущности?

Марсен кивнул:

– Да. Никогда не игранная музыка и никогда не петье песни. То, что было создано в этом мире, но не звучало в нём. Удивительно, но триста лет без Мелодии Духа можно назвать эпохой более мистической, чем всё время до неё.

– Почему? – Эгле втянула голову в плечи – прямо над ней с жужжанием пронеслась полупрозрачная стрекоза размером с синицу.

– Потому что неведущественные сущности жили среди людей. Те всё равно их не видели. Десятилетиями твердили и твердили, что затакты – полная чушь, что неозвученное равно незвучащему, а несказанное – несказанному. Вот и добились наконец желаемого, выдав его за действительное самим себе. Слепли.

Мы стояли под куполом тополиных ветвей. Со всех сторон нас окружали шёпот и шелест, и тихие мелодии на грани

восприятия. Сквозь нас пролетали осенние листья, вспыхивая и сгорая в воздухе, падающие звёзды, кометы и крошечные сверкающие галактики, снег, от которого не было холодно, и дождь, от которого не было мокро.

Я посмотрел вниз и заметил, что на земле кое-где блестят лужицы воды, то ли дождевой, то ли талой. У меня закружилась голова. Мне вдруг показалось, что это я – невещественная сущность, попавшая в реальный мир, где меня не замечают даже снежинки.

– Были, конечно, те, кто видел, – продолжал Марсен. – Те, кто был в своём затакте и вернулся доиграть свою мелодию. Или наполовину овеществлённые мелодии, чья связь с Изначальной Гармонией не прерывалась никогда.

Произнося всё это, он рылся в карманах, и вот наконец вытащил из-за пазухи небольшой хрустальный шарик. Сначала я подумал, что он зачем-то достал сонотидий. Но тут же понял, что ошибаюсь. Этот кристаллик был куда меньше.

– Потом пришлось признать, что Мелодия Духа права, хотя бы отчасти. – Марсен прикрыл глаза и склонил голову набок, словно прислушиваясь. – Не сразу, но зрение к людям вернулось. Вместе со знанием о затактах и настоящей магии. Нас очень затормозили эти триста лет. И кто знает, сколько нам ещё до следующего резонанса? Кто знает, чего мы не видим сейчас? Или не слышим? Или не ощущаем?

Ага.

Получается, без теории Мелодии Духа бесполезна вся му-

зыкальная теория вообще. Без этих странных идей, зачастую остающихся без рационального обоснования, но каким-то непостижимым образом работающих. Иногда. А иногда – нет.

Вот оно. Магия.

– Ты ведь... – Я кашлянул, потому что у меня неожиданно пересохло в горле. – Ты ведь технику тоже имеешь в виду?

О, таинственная улыбка Марсена, как же долго я её не видел. При всём уважении к Марсену – ещё столько же не видел бы.

– Точно.

Он тихо пропел несколько нот, и прозрачный шарик на его ладони вдруг пророс острыми длинными крыльями. А также клювом и хвостом. И всем прочим, что обычно полагается иметь ласточкам. Только эта была словно отлита из тёмного серебра – с узкой светлой полоской под клювом. Птичка взъерошила пёрышки, расправила крылья и взлетела. Покружила рядом с Марсенем и умчалась ввысь.

– Стой-ка... – ошеломлённо сказала Эгле. – Получается, твой сонотий... тоже?

Марсен сначала посмотрел на неё с недоумением. Но почти тут же понял, что Эгле имеет в виду, и даже рассмеялся:

– Да нет! Нет, конечно. Что за садизм, они всё-таки живые. Но именно благодаря им появились сонотии, а потом – чиави и плееры. – Он задумчиво посмотрел вверх. – А ведь просто кто-то когда-то написал песню о ласточках,

летающих в дождь, и потом никогда её не пел. Разумеется, теперь уже не узнать, кто их создатель, ведь песня осталась беззвучной. А потом о дождевых ласточках узнал создатель сонотиция, Герберт Периар. Он случайно увидел, что с ними происходит, когда они проглатывают капли настоящего дождя. Подобрал хрустальный шарик и услышал, что в нём есть крошечная живая мелодия.

– То есть, чтобы развивать звукомагию, пришлось признать, что в мире есть и неведущественные сущности? – Спросил я. – А если есть они, то и без Мелодии Духа не обойтись?

– Приблизительно так, – кивнул Марсен. – Поэтому я и ношу сонотиций. Это что-то вроде символа.

– А почему неведущественные сущности больше не живут среди людей?

Марсен развёл руками:

– Стесняются. Видеть-то их видят, но люди им почти всегда не рады. Те неведущественные, что раньше населяли Ленхамаари, постепенно мигрировали сюда.

– Поэтому и закрылась девятая линия, – вполголоса сказала Эгле. – Теперь ясно.

Вот оно как. Выходит, я поразительно мало знал о мире, в котором живу.

Хотя, конечно, все эти невероятные теории Мелодии Духа порядком раздражали. Например, то, что они называли материальный мир эхом Изначальной Гармонии. Мало того, что история нашего мира от этого делалась очень стран-

ной. Адепты Мелодии Духа говорили, что эхо существует до определённого времени, потом входит в резонанс с Изначальной Гармонией – если все молодцы и хорошо постарались. Тогда произойдёт раздвоение. Эхо, вошедшее в Изначальную Гармонию, начинает звучать по-настоящему и образует уже своё эхо. Ему будет проще достигнуть резонанса с Изначальной Гармонией, чем предшественнику... но вообще, никто не предполагал, чем должна кончиться эта лесенка в небо. И должна ли она кончиться.

Так вот, мало всего этого. Но ведь ещё и для того, чтобы считаться молодцами, надо было творить звукомагию. Я вспомнил сегодняшний разговор на берегу и мысленно себя поправил – не обязательно звукомагию, просто творить. Или... тут нужна ещё одна поправка?

Вот чёрт. Теперь у меня был осмысленный вопрос. Но я не знал, как его сформулировать. Чистые квинты, да что же они там все курили. Я столько раз пытался в этом всё разобраться, но сейчас у меня снова медленно и печально плавился мозг. Вот уж действительно, не нужно быть наркоманом, чтобы знать, почему звукомаги так часто становятся наркоманами. Даже звукомагом можно не быть.

– Сим, – Марсен бросил на меня обеспокоенный взгляд, – ты как?

– Плохо, – честно признался я, прислонившись спиной к тополю.

На моё счастье, он был вполне материальным. Хотя

немедленно сбросил мне на голову несколько полыхающих листьев. Странно, но на мыслительном процессе это сказало-сь положительно. Я хотя бы смог объяснить вслух, какой фигнёй страдаю:

– Пытаюсь запихнуть теорию Изначальной Гармонии в один вопрос.

– Срочно прекращай, – серьёзно посоветовал Марсен. – Так и с катушек слететь недолго.

Я покачал головой, стряхнув догорающие листья.

– Это важно. Вот смотри, – медленно начал я, – если у меня есть затакт, то я – возможность звучания для Изначальной Гармонии.

– Так, – кивнул Марсен.

– Мой затакт – моё собственное представление о счастье.

Но если я получаю... – я задумался, подбирая нужное слово, – ...разрешение попасть в чей-то другой затакт, то мы с хозяином другого затакта дальше звучим вместе, или что-то такое?

– Звучите так, как должно быть, – откликнулся Марсен, подставляя ладонь крупным снежинкам. – В сочетании. Вероятно, если присмотреться к Изначальной Гармонии, можно обнаружить бесконечное множество затактов, каждый из которых соединён со всеми остальными. Поэтому в ней и нет ни одной фальшивой ноты. Но это одна из теорий, предположение, почему она абсолютно гармонична. Никто ведь не может посмотреть на Изначальную Гармонию со стороны. Но

зато можно услышать её внутри себя, я уже сегодня объяснял. Можно однажды понять, что ты – и есть она.

Голова уже основательно шла кругом. Брала разгон, судя по ощущениям. Того и гляди, оторвётся.

– По-моему, это несправедливо, – всё-таки сказал я, хотя продолжать говорить было уже опасно. Интересно, с кем резонирует Эгле, если я свихнусь?

– Что именно?

– Если не ошибаюсь, то адепты Мелодия Духа говорят, что люди не могут сделать ничего нового.

– И это не значит, что они должны ничего не делать, – подхватил Марсен. Понимающе улыбнулся: – Знаю. На мой взгляд, эта часть – самая жуткая. Но объяснить мир пытался не один человек. Со временем они даже стали собираться в три шумные стайки. Доподлинно известно одно – у всех трёх основных позиций примерно одинаковое количество доказательств. Каждая из трёх звучит очень правдоподобно. И теория регресса, и теория прогресса, и теория стазиса.

Эгле, молчавшая всё это время, вдруг подала голос:

– А какая тебе кажется правдой?

Потрясающая формулировка. Кажется правдой.

Марсен пожал плечами:

– Они все строятся на том, чего в Изначальной Гармонии нет. Время. Мы растём, взрослеем и стареем. Нам слишком сложно представить, что всё звучит всегда. А ведь они есть, эти определённые созвучия. Мы можем о них не знать, но

где-то там они есть. И они звучат. Вы же знаете, почему Лен-хамаари называется именно так?

– В честь четырёх великих воинов древности, – кивнула Эгле. Я посмотрел на неё с гордостью.

– Точно. – Марсен опустил голову, снова прикрыв глаза. Странная у него на этот раз получилась улыбка. – Меня причисляют к тем, кто остановил войну. Я был там. Я звучал там. Но первыми в тот день поднялись другие. Их было четверо. И в их честь тоже можно было бы назвать наш город. Не знаю, как для вас, а для меня это – вполне доказательство.

Мы молчали. Слушали шелест и мелодии, то проступавшие, то терявшиеся. Но никогда не попадающие в диссонанс.

– Хотите, я вам совсем мозги поломаю? – Встряхнувшись, весело предложил Марсен.

Ага. Только сегодня, только для вас, необычайный аттракцион. Великий и могущественный звукомаг Вигге Марсен превращает двух умеренно эрудированных подростков в бессловесных животных.

Эгле бросила на меня вопросительный взгляд – ты как?

– Добивай уж, – вяло махнул рукой я.

– Из этого всего следует, – торжественно начал Марсен, – что изменениям подвержено не только будущее, но и прошлое. Очень может быть, что мы способны контролировать его в той же степени, в какой контролируем будущее. Или наоборот. Если мы не имеем контроля над прошлым, тогда теряет смысл любое планирование.

Меня охватило сильное и неудержимое желание обнять тополь. Возможно, это было самое сильное чувство, что я испытывал за всю свою жизнь.

Пока я думал, с какого края браться за это дело, Эгле решительно подошла к соседнему тополю и обняла его. Надеюсь, это было её собственное решение.

– Нечего на меня так смотреть, – услышал я со стороны тополя, за которым скрылась Эгле. – Мне это первой в голову пришло. Но ты тоже можешь так сделать. Я пойму.

– Не стесняйся, – поддакнул и Марсен, следивший за нами с неподдельным интересом.

Ну, раз уж так...

Ствол оказался тёплым и шершавым. И явственно, ощутимо живым. Интересно, есть ли у него своя мелодия? Затаив дыхание, я сосредоточился точно так же, как всегда, когда хотел услышать внутри себя музыку.

Тополь звучал виолончелью. И, кажется, был струной.

Миф с Восточного Берега утверждал, что ветер дует, когда деревья качаются. Сейчас этот миф перестал казаться мне такой уж нелепостью.

Я открыл глаза и нашёл взглядом Марсена. Тот стоял, подняв голову и глядя вверх. Я ожидал, что он и дальше будет наблюдать за нашей реакцией, вот с этой своей ласково-насмешливой улыбкой, выводящей из себя всё же меньше, чем улыбка таинственная. Но Марсен, кажется, совершенно забыл про нас. У него было очень странное выражение лица.

Оно немного напомнило мне тот день, когда я звонил Эгле с его сонотия. И вот что ещё было странным. Снег продолжал идти, но теперь уже только над Марсеном. Присмотревшись, я понял, что это не снег, а тополиный пух. Ой, нет. Не тополиный.

Над Марсеном медленно кружились сотни пушинок белоцвета. Ничего необычного, в августе они всё время летают. Если просто встать посреди улицы, можно за пару секунд заметить несколько парящих в воздухе белых звёздочек. Некоторые охотно приземляются на протянутую ладонь, некоторые настойчиво цепляются к одежде и волосам, а ещё бывают такие, которые моментально улетаются, стоит попытаться их поймать.

Ничего необычного. Только вот падали они с тополя. И были, в отличие от снега и дождя, вполне материальными.

– Всё в порядке? – Эгле перестала обниматься с тополем, подошла и положила Марсену руку на плечо.

Тоже заметила, какое у него лицо. А может, резонировала. Интересно, что она тогда слышала.

– Белоцвет, – еле слышно откликнулся Марсен.

– А что с ним не так? – Спросил я, тоже подходя ближе.

Марсен моргнул, постепенно приходя в себя. Взглянул на нас.

– В общем-то, ничего.

– Это подло, – заметил я. – До сих пор мы слушали всё, что ты говорил. И ничего страшного не случилось.

– Случилось, – возразила Эгле. – Когда мы тебя не послушали. Рассказывай.

Но он только улыбнулся и покачал головой.

– Он не хочет, – безжалостно сказала Эгле, глядя на него в упор. – Это что-то связанное с далёкими воспоминаниями. В то время он был, как мы, или младше. Он думает, что мы не поймём или даже будем глупо шутить.

Марсен рассмеялся и взъерошил ей волосы.

– Свалился же эмпат на мою голову...

– Не отвлекайся, – зловеще продолжала Эгле, – ты меня с толку не собьёшь. Сим, это про него ты говорил, будто он уверен, что его друзья – лучшие люди в мире?

– Про него, – кивнул я, сообразив, что сейчас мне лучше просто подыгрывать.

– А мне кажется, это был какой-то другой Вигге Марсен. – Эгле демонстративно скрестила руки на груди. – Потому что этот считает нас какими-то скотинами.

– Враньё, – возмутился Марсен. – Извини, но тут уж ты перегибаешь. Я просто знаю, что понять другого полностью нельзя. А это воспоминание мне дорого. Будете смеяться, но это болезненно – делиться той памятью, которая имеет значение для тебя, но абсолютно безразлична собеседнику.

– Нет, ты слышал? – Возмутилась и Эгле, обернувшись ко мне. – Ты только посмотри на него!

– Смотрю, – согласился я. – И вижу самого закомплексованного донора в истории звукомагии. Только подумать.

Этот человек совершенно вслепую, через руки Кейна доверил нам свою музыку. И теперь боится, что мы не поймём его слов. Это же курам на смех, Марсен.

– Ладно, ладно, – проворчал он, примирительно поднимая руки. – Расшалились, юные шантажисты.

Мы с Эгле тихонько дали друг другу «пять».

– Так что с белоцветом? – Напомнил я.

Марсен молча вытянул руку. Позволил крупной пушинке с серебристым семечком в центре приземлиться ему на ладонь.

– Письма, – наконец сказал он. – Мы с Альбином решили, что пушинки белоцвета – это письма, которые отправляют, когда нельзя связаться по-другому. Вы ведь замечали, что не каждую пушинку можно поймать? Как будто они знают, к кому лететь. Вот и мы заметили...

Чистые квинты, он правда думал, что мы не поймём?

Даже обидно, честное слово.

– Пока были маленькими, нашими адресатами были друзья с Западного архипелага. Они приезжали на летние каникулы, – продолжал Марсен, щурясь на белесую звёздочку.

– А сейчас? – Вполголоса спросила Эгле.

Марсен долго не отвечал. Потом тихо, печально усмехнулся:

– Если подумать, они же. Только у слов «нельзя связаться по-другому» изменился смысл.

Наверное, ты должен очень не любить август, подумал я.

Окончание каникул, когда каждый раз заново привыкаешь жить без тех, с кем было так весело. А теперь каждый год летят пушинки белоцвета. Словно весточки от тех, с кем больше не поговорить. И ещё подумал: «Не в августе ли погиб Ян Ленц?»

– Вот все люди как люди, – продолжал Марсен, – осенью смотрят на жухлую траву и чёрные листья. И грустят. У них на глазах всё умирает и засыхает. Людям холодно и тоскливо. Понимают, что с ними однажды случится то же самое, и заранее боятся. Совершенно нормальные, объяснимые процессы.

Я встрепенулся. Ничего себе. Хоть в чём-то я «люди как люди». И Эгле тоже, понял я, скосив на неё глаза.

– А у тебя это всё в августе? – Сочувственно спросила Эгле.

– Вроде того. – Марсен улыбнулся. – С жухлой травой и чёрными листьями я, можно сказать, живу. Мне вообще кажется, это у многих, кто родился не осенью, детская травма. Жили-жили, и тут раз – всё облетает. Ну, или у меня детская травма, раз уж я в меньшинстве. Увядание – первое, что я увидел в мире снаружи. Так что осенью, пока все грустят, я всячески развлекаюсь. И остальных развлекаю, куда деваться. Всегда любил осень, а когда везде стали продавать кофе в картонных стаканчиках, я вообще был в восторге. Об них очень здорово греть руки.

Он умолк, вновь шурясь на белоцвет, как кот на солнце.

И тихо закончил:

– Но август – невыносим. Особенно если рядом нет моря.

Ну, и чего ты боялся, хотел сказать я, можно подумать, у нас все друзья – супергерои, в кого ни плюнь. И только ты такой ущербный, ну надо же. Август не любишь, вот уж точно, какой страшный непростительный порок. Но даже если и так, разве это супергеройство – просто не быть уязвимым?

Не знаю. Может, и супергеройство. Но тогда ни в коем случае не магия. Быть уязвимым, но при этом делать всё, что должен, и даже то, чего не можешь. Наверное, так.

Конечно же, я промолчал. Сказал вместо этого:

– Ты бы... на письмо-то ответил. – И кивнул на пушинку белоцвета, всё ещё покоившуюся на ладони Марсена.

Во взгляде Марсена, когда он посмотрел на меня, мелькнуло удивление. А может, мне показалось. Во всяком случае, он улыбнулся. Сказал пушинке коротенькую фразу на кэлинге. Я ничего не разобрал, конечно, но даже по интонации, по самому звучанию слов было понятно, что это была какая-то дружеская подколка, очень своя и ничуть не обидная.

Альбин Кейн уходил сегодня последним. Казалось бы, всего два основных пациента. Но объём работы представлялся катастрофическим. И в последнее время попросту вгонял в депрессию. Хотя, скорее, в депрессию вгонял не столько объём, сколько характер работы. Да и не вгонял. Вгонял бы. Если бы Альбин не умел включаться и выключаться. Он ведь

очень многое знал о внутренних мелодиях, в том числе и о своей собственной.

Здесь, на крыльце клиники, всё-таки накатывало. Но закрытые двери как будто частично удерживали то, что могло бы навалиться всей тяжестью и подмять под себя. А то, что неизбежно наваливалось, Альбин Кейн вполне мог пережить. Особенно пока стоял, всей кожей впитывая густую прохладу августовской тьмы – лучшего фона для звёзд. Пока дышал её сумеречным ветром. Так против чего угодно можно было выстоять.

– Альбин Кейн! – Разнёсся в августовской ночи голос, сильный и уверенный голос, знакомый голос, баритон, в тембре которого было что-то от звучания серебряной гитарной струны.

Альбин Кейн медленно поднял обе руки. И только после этого открыл глаза. Так и есть. Вигге Марсен стоял в нескольких метрах перед ним, нацелив указательный палец ему в грудь, словно пистолет.

– Вы обвиняетесь в бездарнейшем отыгрыше последнего мерзавца, – объявил Марсен. – У вас нет права хранить молчание. Вы должны немедленно объясниться. Но всё, что вы скажете, не повлияет на приговор. – Он встряхнул кистью вытянутой руки и повысил голос: – За злостное очернение себя в глазах общественности вы приговариваетесь...

Альбин молчал, не меняясь в лице и не шевелясь. Он только продолжал размеренно и глубоко дышать. Марсен

опустил руку и улыбнулся – бесшабашно и вместе с тем горько.

– Ты правда мог бы сказать мне, что Ленц умер просто так? Что этого не произошло бы, держись я от него подальше?

Теперь в улыбке осталась только горечь.

– Ты правда думаешь, что я возомнил себя достаточной причиной откладывать возвращение в затакт? Что я посмел бы удерживать кого-то из моих друзей в звучании эха, когда для них уже давным-давно звучит только истинная музыка?

Альбин шумно, устало выдохнул. Потёр переносицу. Поднял взгляд на Марсена. Медленно прошёл те несколько метров, что их разделяли.

– Слава Изначальной Гармонии, – негромко сказал он. – Наконец-то ты понял, как обстоят дела. Я уж думал, до тебя никогда не дойдёт. Ну, конечно, я бы мог тебе всё это высказать. Но только для того, чтобы ты из принципа убедил себя в обратном. И перестал бы себя грызть за то, в чём твоей вины нет и быть не могло.

Листву взъерошило порывом ветра, словно сама ночь, застывшая в болезненном, беспокойном предчувствии, облегчённо выдохнула. Произнося вслух ужасные вещи, Марсен улыбался, теперь же был полностью серьёзен. Но при этом с каждой секундой всё сильнее напоминал разгорающийся фонарь.

– Так к чему я там приговариваюсь? – Напомнил Альбин.

– А ты сам-то не понял ещё? – Хмыкнул Марсен. – К приёму гостей. В количестве одной штуки. – Строго прибавил: – Решение окончательное и обжалованию не подлежит.

Альбин вздохнул:

– Ну, идём, несчастный. Приговор так приговор. Но тут ты прогадал, гостей у меня сегодня две штуки.

– Фанни? – Обрадовался Марсен.

– Да, – угрюмо ответил Альбин. – Поразительный ты злодей. Нашёл-таки способ меня покарать. Впервые за неделю я хотел провести приятный вечер со своей девушкой, а тут ты.

– А что я? – Невинно спросил Марсен. – Вот когда ты в последний раз проводил приятный вечер со мной?

– Да с тобой же даже не напьёшься по-человечески! – Негодуяще фыркнул Альбин. – Опять полночи будем ржать и ещё полночи – играть в настолки и ржать.

– Будем вести здоровый образ жизни, – назидательно сказал Марсен. – Сим сегодня меня отругал за курение. Я проникся.

Глава 16. Шаги

Когда это случилось, я шёл по больничному коридору. Штатный приём у Кейна, ничего особенного. Забавно, подумал я, мой донор взял на себя труд подружиться со мной, мы ежедневно проводим вместе кучу времени, а я всё так же хожу к Кейну, чтобы получить новую порцию его песен.

– ...Так сделай что-нибудь! Ты же лучший специалист!

Хм. Я знал этот голос. Конечно, знал. У Марсена был

очень характерный голос. Хотя я ни разу не слышал его таким.

– И что?! Чего всё это стоило, если нам не под силу спасти одну-единственную жизнь?!

Голос, который оказался слишком громким. Мне кажется, эхо металось, как молнии, серебристого такого цвета.

Полный коридор серебристых молний. И я.

Шаг. Правая. Левая. Марсен уже не орёт на Кейна. В коридоре только мои шаги. И больше ни звука.

Я иду и философствую. О том, что нечто дарующее жизнь так же хорошо её отбирает. О том, что сейчас завяжется какая-нибудь мерзопакостная фигня. Ну, в духе «мы не должны ему говорить, о нет, он узнал, нам очень жаль, Сим».

Передо мной дверь с табличкой, на которой написано имя лучшего специалиста по болезням внутренней мелодии. Я дошёл до неё слишком быстро. Я предпочёл бы тишину и пустоту коридора. Чтобы она продолжала длиться. В идеале – несколько лет. Потому что когда я открою эту дверь, что-то необратимо закончится. Например, придёт конец моей надежде на чудо, запертой с приговором «пожизненное» за преступления против здравого смысла. Ей пора на эшафот, и эта дверь станет для неё гильотиной. Придёт конец нашему лету. Марсен разведёт руками и уедет обратно, на Западный архипелаг. Эгле снова станет флегматичной, и я больше не услышу, как она смеётся. Возможно, придёт конец дружбе между Кейном и Марсеном. Кейн навсегда оста-

нется под жуткими больничными лампами и уже не увидит солнечного света. Марсен навсегда потеряет пустынные берега и руины заброшенных фортов Ленхамаари.

Останется только моя жизнь, совершенно никчёмная. Чьи затакты будут соседствовать с моим, когда я умру? Я не умел быть счастливым. И никого не умел делать счастливым.

Одно я знал точно. Если отступлю сейчас, дальше надо будет притворяться, что я ничего не знаю. Скрывать что-то от врача, который наблюдает за моей внутренней мелодией всю мою жизнь, от звукомага, голос которого и есть моя внутренняя мелодия, и от лучшего друга, который замечает обострения моей *una corda* раньше меня самого. Им тоже надо будет притворяться, что я ничего не знаю.

Значит, всё превратится в ложь. И всё равно кончится. Но предварительно хорошенько сгниёт.

Останется только моя жизнь, совершенно никчёмная.

Я поворачиваю ручку двери и захожу в кабинет. Надежда на чудо, какое у тебя последнее желание?

Дверь хлопает у меня за спиной. Вот и всё.

– Привет, сеньоры, – говорю я, – ну что, все страшные тайны обсудили?

Марсен не оборачивается, но я вижу, как он опускает голову и сжимает кулаки. У Кейна делается такое лицо, словно вся его кровь вот-вот станет серной кислотой.

Очень, очень кислый Кейн получился.

– Да не парьтесь, – говорю я, – у меня всё равно не выйдет

отреагировать. Ну, вы сами знаете. Я и не надеялся, правда. Вы только скажите, сколько мне ещё осталось. Это ведь должно быть что-то серьёзное, раз уж мы с вами втроём не справились?

У Кейна не шевелится ни один мускул на лице. Даже, кажется, губы не двигаются, когда он отвечает мне.

– Понятно, – говорю я. – Ну, я пошёл.

Всё очень просто. Проще, чем я думал.

Надо найти Эгле, рассеянно думаю я. Как-то ей сказать. Более чем скромный срок остался, и то если выполнять все предписания. Но я-то знаю, что всё всегда не так. Что угодно может случиться. Una corda убивает бессмысленностью. Сотни раз бывало так, что больные просто не включали системы жизнеобеспечения. Потому что – зачем?

Ещё есть способность попадать в места, где невозможно подзарядиться. Плееры, ломающиеся в самый неподходящий момент. Рвущиеся наушники.

И моим везением или невезением это всё не ограничивается. Что-то случится с Кейном, я могу попасть к врачу, которому будет на меня плевать. Я не великий мастер заводить друзей. Зато хорошо умею настраивать против себя. Или вот Марсен. Он ведь, вообще-то, боевой звукомаг. Начнётся какая-нибудь дурацкая война, и сколько шансов у него будет выжить?

Да и... если отбросить все шкурные интересы. Это люди, которых я терять не хотел, как бы я это ни отрицал и кто бы

ни утверждал обратное. Пусть сейчас я всё необратимо испортил, una corda сожрёт меня за сутки, если кто-то из них погибнет. Это будет реакция, которую мне никогда не выразить. Я просто отключусь.

Мне бы всё это как-то пережить. Уже ничего не будет так, как раньше.

Но кроме вялого равнодушия перед неизбежностью, я ещё чувствовал благодарность. Благодарность Кейну и Марсену. За то, что они не стали увиливать от ответа. За то, что не стали сюсюкать и громоздить слова утешения, от которых плохо и слушающему, и говорящему. За то, что приняли предложение играть честно и играли честно. Гильотина была острая, подсудимый не мучился.

Вот и всё.

– Ну что, доволен? – тусклым голосом спрашивает Альбин.

Марсен сидит сторбившись, неподвижный взгляд устремлён на сцепленные в замок руки.

– Прости, – наконец говорит он.

Альбин фыркает.

– Ты думай в следующий раз, прежде чем орать. Меня же чуть в окно взрывной волной не выкинуло. Первый голос Королевской армии, мать твою...

– Я извинился, – холодно перебивает Марсен. – В знак того, что признал свою ошибку. Просто я не понимаю, какого

чёрта все думают, что я великий звукомаг, если моя музыка не может спасти одного-единственного, совершенно конкретного и определённого человека. Сима Нортенсена.

– Вот, – кивает Альбин. – Я тоже не понимаю. Какого чёрта все думают, что я крупнейший специалист, если все мои умения – ставить безнадёжные диагнозы.

Марсен устало проводит рукой по лицу.

– Я на себя злюсь, старик, не на тебя, – говорит он уже гораздо мягче и тише. И вдруг поднимает голову, и становится видно, какие злые, до белесого света злые у него глаза: – Но если ты ещё раз припомнишь мне ту войну – я тебе вручную кости пересчитаю. Без всякой звукомагии.

Звучит действительно страшно, потому что голос у него по-прежнему тихий и мягкий.

– Я тебе и так скажу, сколько у меня костей, – мрачно отвечает Альбин. – Я грёбаный врач. Но ты лучше вспомни свои жизненные правила. Постарайся взглянуть на всё с точки зрения Изначальной Гармонии.

Марсен косится на него:

– Издеваешься?

– Не совсем. – Альбин встаёт и подходит к креслу. – Только представь, нам всё это время нельзя будет умирать. Сим думает, что он зависит от нас, а на самом-то деле – мы от него.

– Хреново у тебя получается плюсы искать, – сообщает Марсен.

– Потому что это твоя работа, – спокойно парирует Альбин. – Давай прекратим страдать и займёмся делом. Каждый – своим. Это всё, что мы сейчас можем.

Марсен молчит, по-прежнему уставясь в никуда.

– Мне надо поговорить с Даной Нортенсен. Она должна знать. А тебе стоит поговорить с Эгле. И желательно, чтобы ты успел раньше Сима.

– Ты прав, – механически кивает Марсен.

Альбин осторожно присаживается на подлокотник кресла.

– Мир?

– Мир. – Марсен не глядя пожимает протянутую руку. – И если вечером ты собираешься надраться до беспамятства – зови меня. И если не позовёшь... – Он наконец поднимает голову, сжимает пальцы Альбина чуть сильнее и тихо шипит: – ...Я найду тебя сам.

Я немного не успел. Как я и предполагал, Эгле стоило искать у моря. Но Марсен пришёл первым – этот крючконосый тип всегда лучше знал, где и кого искать.

Они сидели на берегу. Молчали. Я смог подобраться на такое расстояние, чтобы остаться незамеченным – они, к счастью, остановились на той границе, где обжитая набережная превращалась в дикий пляж. Это была не просто формальная граница, там начиналась каменная гряда, уходившая в море. Эгле и Марсен сидели с одной стороны, я устроился

с другой.

Эгле смотрела вдаль, кусая губы. Она была очень бледна.

Я услышал, как Марсен говорит ей:

– Успокойся. Никто не виноват. И не надо вести себя так, будто Сим умер. Ещё есть время, если мы с Альбином не будем валять дурака, а мы не будем.

Эгле молча ткнулась головой в плечо Марсена. Теперь мне не было видно её лица, но я понял, что она плачет. Наверное, хорошо, что Марсен нашёл её первым. Есть три ошибки, которые обычно делают те, кто пытается утешать. Первая – «я знаю, что ты сейчас чувствуешь». Нет, ни черта ты не знаешь. Ты понятия не имешь, что и как чувствует другой человек, даже если резонируешь с ним. Марсен сказал бы – «не обладаешь его опытом». Да, даже если ситуация, после которой человек нуждается в утешении, случалась и с тобой. Даже если вы попали в эту ситуацию вместе. Нет, ты всё равно не переживал всего остального. С тобой творилась совершенно другая алхимия событий.

Вторая ошибка обычно звучит так – «посмотри на вон того человека, официально признанного самым несчастным, и прекрати хныкать». Нет, мне не станет лучше только потому, что кому-то объективно хуже, чем мне. Не станет и не может быть лучше. А если тебе от этого лучше, то ты какой-то извращенец. И третья – «всё пройдёт». Это уж самое идиотское. Откуда ты знаешь, пройдёт или не пройдёт? Ты что, ясновидящий?

Ну, конечно, во всех этих вопросах я мог положиться на Марсена. Он не допустил бы ни одной из этих ошибок. Да в любом случае, он справится с утешением плачущей девчонки лучше, чем я. С утешением плачущего кого угодно, если точнее. И, кстати, в этом конкретном случае – кто угодно лучше справится, надо просто уметь обнять в ответ. Когда хреново себя чувствуешь, лучше не находиться рядом с человеком, из-за которого тебе хреново, особенно если вы ничем не можете друг другу помочь. Хотя... точно ли Эгле не смогла сдержать слёз?

Тогда это очень забавная сцена, подумал я. Попытка самоуспокоения, как она есть. Странные, должно быть, ощущения – успокаивать человека, который плачет вместо тебя.

Ужас. Мы трое почти срослись мелодиями. Того и гляди, мне тоже поплохеет.

Впрочем, кажется, плакала всё-таки Эгле. Марсен не выглядел таким уж печальным – скорее обеспокоенным (ну да, я бы тоже на его месте думал, как теперь это всё остановить). Так вот, Марсен не казался готовым разрыдаться или сдерживающим слёзы. А вот Эгле продолжала тихо вздрагивать, прижимаясь к нему. Если бы она резонировала с Марсеном, то смогла бы сейчас успокоиться.

Вот всегда так с этими придурковатыми рыцарями. Избавляешь их от необходимости врать и выкручиваться, а они как дохлые. Но стоит при них разрыдаться девчонке, как они тут же осознают, что ещё не всё потеряно, и чувствуют в себе силы,

волю, разум... ну, в общем, всю эту лабуду, которая обычно произрастает в головушках придурковатых рыцарей.

Уж я-то знаю, сам такой.

Теперь вопрос. Стоит ли довести до слёз какую-нибудь девчонку в присутствии Кейна? Или хватит и того, что Марсен пришёл в себя? Он же сможет расшевелить всех остальных, да?

– Хватит, – тем временем говорил Марсен, – так долго реветь на берегу моря – это извращение.

Вместо ответа Эгле всхлипнула.

– Не реви, тебе говорят.

Снова всхлип.

– Это ты ревёшь или я реву?

– Я реву, – гнусаво ответила Эгле.

– А я не реву.

– Не реви...

– А я, может, как раз собирался. Ты же понимаешь, что если я начну реветь, мы никогда не остановимся? До глубокой старости мы будем сидеть тут и реветь. До глубокой старости, Эгле!

– Не получится... – отозвалась Эгле.

– Почему?

Она всё ещё тихо и гнусаво, но уже вполне внятно объяснила:

– Ты старше, а ещё мужчины живут меньше, поэтому ты умрёшь первым, и я перестану с тобой резонировать. Так что

я ещё немножко порыдаю над твоим трупом и всё.

Они ещё о чём-то говорили, но я уже не стал слушать. С Эгле всё будет в порядке. Всё будет хорошо, даже когда я этого уже не увижу.

Репетиция похорон, действительно, думал я, пробираясь к заброшенному форту по дороге, занесённой песком. Я остался один, брожу, как скорбный дух, а остальные то рыдают, то пытаются друг друга подбодрить.

Добравшись до форта, я совершенно выбился из сил. Поэтому заполз в какой-то уголок и заснул. Когда проснулся, солнце уже начинало клониться к закату, но возвращаться домой мне не хотелось.

Ещё минут десять я убил, взбираясь на смотровую площадку по разрушенным лестницам. Устроился там на краешке, обхватив колени руками. Ветер дул во все стороны сразу, со всех сторон сразу. Бил в глаза и уши. И хорошо. Отвлекал от нарастающей тяжести в центре лба. Я обещал себе, что сейчас достану плеер. Ещё минутку.

Время шло. А я всё так и не шевелился. Не мог себя заставить. Тяжесть расплзалась. Мысли всё короче. Это хорошо. Думать не надо. Надо перестать думать. Тогда остальное тоже кончится.

– Хэй, Сим.

Тяжесть испуганно отёрнула липкие щупальца.

Голос. Я не заметил, как он подошёл. Из-за ветра не слышно. Глаза закрыты. Немудрено.

– Хэй, Марсен.

Он садится у меня за спиной. Чувствую, что в затылок больше не дует. Становится немного теплее.

Марсен не отчитывает меня за то, что я довёл себя до такого. Он берёт дыхание не для укоризненной тирады.

Где-то внизу, под нами, хлопала дверь. Единственная дверь форта, которая как-то пережила все невзгоды. Сквозняк раскачивал её, но с петель так и не сорвал. При желании этот звук можно было игнорировать. Но сейчас я обратил на него внимание. Как будто все звуки были картой, и на тот участок, который был стуком двери, навели увеличительное стекло. Потом добавились другие ритмические рисунки – снаружи. И другие инструменты – внутри. На ветру очень удобно стучать, подумал я. А Марсен – и в самом деле флейта, наверное. Чтобы была музыка, нужно соединить ветер, Марсена и всё, что угодно. И вот странно – я готов был поклясться, что он ни разу не открыл рта. Но каким-то образом он всё же пел, а я его всё же слышал.

Потом я перестал различать то, что звучало снаружи и то, что звучало внутри. Казалось, и сам Марсен не делает ничего, просто звучит, повинаясь ветру, дыханию Изначальной Гармонии, в такт её же сердцебиению. Мы смотрели в её глаза, зелёные и красные, сидели спина к спине – словно на дне реки, но мы были не камни, под которые вода не течёт. Поток проходил сквозь нас, нёсся во все стороны сразу, бесконечно, беспредельно...

– Классная песня. – Я вытянул ноги и запрокинул голову, мягко стукнувшись затылком о спину Марсена. – Ничего не понял, конечно, но звучало здорово.

– Новая, – откликнулся Марсен.

И когда успел?

– Хорошо получилось.

– Хоть ты оценил, – усмехнулся Марсен. – Фиро не понравится.

– Ты теперь уедешь?

Марсен слегка толкнул меня – вместо подзатыльника, на-верное.

– Балда. Думаешь, я сейчас начну бояться твоей болячки? Постараюсь уберечь себя от зрелища твоей нелепой смерти?

– Почему обязательно нелепой? – уязвленно спросил я.

– Извини, конечно, – фыркнул Марсен, – но заползти на смотровую площадку и позволить una corda потихоньку убить внутреннюю мелодию – это очень нелепая смерть.

Нет, всё-таки, без нотаций мы обойтись не можем. Ладно. В конце концов, у нас есть более интересная тема для разговора.

– Как ты это сделал? Я про песню. Она же была как-то... и внутри, и снаружи.

– Ничего особенного. – Я почувствовал, что он пожал плечами. – Это из раздела «первая помощь». Ты ведь знаешь, как открыли una corda и способ её лечения?

Я покачал головой.

– Один пианист запер внутри себя диссонанс, – негромко начал Марсен. – Все его силы уходили на то, чтобы держать диссонанс под контролем. Такая вот у него была... разновидность эмоционального истощения. Но ему повезло. Он встретил адепта Мелодии Духа. Случайно выяснилось, что даже больного *una corda* можно подпитывать извне, только не любая музыка ему подойдёт. Адепт Мелодии Духа научился транслировать мелодию прямо пианисту.

– Это как? – озадаченно спросил я.

– Не тупи. Или ты забыл о своих играх с плеером?

Я вспомнил, как сжал в руке наушники и услышал музыку.

– Думаешь, люди проводят звук хуже пластмассы и металла? – Судя по голосу, Марсен ухмылялся.

– Как не стыдно... – пробормотал я. – Ты всегда издеваешься над людьми, которые до чего-то сами не додумались?

– Нет, – легко признался Марсен. – Только над тобой и Альбином.

– Над Кейном грех не поиздеваться, – согласился я. – Он же думает, что знает всё... ладно, давай дальше.

– А дальше ничего и нет. История *una corda* на этом заканчивается. Те двое поразмыслили и решили друг друга не убивать. Беспрецедентный случай. В борьбе, продиктованной законом, победили здравый смысл и человечность.

– А, – сказал я, – это с тех пор Мелодия Духа начала возрождаться?

– Да, после этого. Но там ещё много чего случилось. И по сей день толком не разобрались.

– В чём же проблема?

– В концентрации скепсиса. – Марсен повозился, устраиваясь удобнее. – Видишь ли, в нашем мире есть магия.

– Да ну, – хмыкнул я. – Не может быть.

– Ага. Поэтому не слишком-то понятно со стороны, что было чудом, а что – спланированными действиями. Во что хотели или не хотели верить рассказчики. Одно ясно – случился невиданный резонанс. С тех пор наш мир стал лучше, а один умеренно сильный звукомаг может звучать за целый оркестр.

– А во что веришь ты?

Марсен помолчал.

– В то, что мы пока не умеем творить по-настоящему, и всё, чему мы даём звук – эхо Изначальной Гармонии. В то, что однажды наш мир снова войдёт в резонанс с Изначальной Гармонией и станет частью её. В то, что немедленно появится ещё одно эхо. В то, что эхо иллюзорно, и поэтому достаточно пластично. В ту версию, которую рассказывают адепты Мелодии Духа.

– Ещё бы, – фыркнул я. – Ты ведь один из них, разве нет?

– Дело не в этом, – спокойно возразил Марсен. – Затакты. Я точно знаю, что они есть. Если они – правда, то почему бы всему остальному не оказаться правдой?

Вот это да.

Так. Время рискованных вопросов.

– Ты что... был в своём затакте?

– Да.

Я не видел его лица и не мог представить, какое оно сейчас. Эту интонацию я никогда у него не слышал. Но, наверное, если бы кто-то на него смотрел, он бы вообще никак не показал, что тема разговора его так волнует.

Вряд ли он с кем-то об этом говорил. Но я знал, что сейчас мне можно спрашивать, а у него нет права не ответить.

– Как это произошло?

Я не успел договорить, а уже понял, что знаю ответ. Я понял, что новая песня Марсена была об этом. Не о затакте, а о том, как он впервые туда попал.

И пока он негромко, почти без всякого выражения говорил, я видел.

Марсен умолк, и поток видений прервался. Среди них не было его затакта, но теперь я знал – это слишком сложно, чтобы говорить. И даже видеть слишком сложно. Но ещё я теперь знал, что однажды пойму, как это. Я знал дорогу в его затакт. Причём, оказывается, уже давно.

– Спасибо, – тихо сказал я. – Теперь мне не так страшно.

Глава 17. Прах к праху

Конечно, Марсен никуда не уехал, как и обещал. Эгле велела мне наплевать на диагноз и угрожала что-нибудь придумать.

Но, как я и предполагал, лето на этом кончилось. Были бы

мы все молодцы и сильные личности – может быть, что-то и восстановили бы потихоньку. Но сильные личности были заняты тем, что посыпали головы пеплом. Остальные были подростками с болезнями внутренней мелодии.

Хотя ладно, ладно. На молодцов и сильных личностей я зря наговариваю. Они честно пытались вытаскивать меня наружу. Я сопротивлялся. Довольно вяло сопротивлялся. Но не так уж сложно было в моём положении отказаться от прогулки. Опять же, вся прошлая неделя у меня ушла на больницу. После этого надо было отдохнуть. Вот я и валялся в своей комнате, уставившись в потолок. Иногда читал. Перебрасывался сообщениями с Эгле и Марсеном. Они не звонили мне, я им тоже не звонил. Мне было не о чем рассказывать. У них тоже ничего интересного не происходило – они ждали, пока я восстановлюсь, а без меня ничего затевать не хотели. Собственно, я не сказал бы, что избегал их общества. Вроде того – они станут пытаться вести себя нарочито бодро или наоборот, трястись надо мной, будто я стеклянный, понимающе переглядываться и скорбно шептаться...

Нет.

Будь они такие, я бы с ними и разговаривать не стал, с самого начала. Я знал, что наши пикировки с Марсеном будут всё так же беспощадны, а Эгле полезет на самую высокую высоту, не сомневаясь, что я последую за ней. И дело было не в том, что им от меня было плохо. В конце концов, они и сами знали, с кем связались, но связались-то они со мной

не поэтому.

Хотя.

Точно же. Именно поэтому. Но в поле зрения остаются по совсем другим причинам.

Просто сейчас я пока не был готов. Я правда должен был отдохнуть, я твердил себе это каждый день. Но, кажется, вместо этого уставал всё сильнее. По крайней мере, каждое следующее утро мне всё меньше и меньше хотелось куда-то идти. Я спал. Безудержно спал, если можно так выразиться. Это было что-то похожее на алкоголизм, только сонный. Сонный запой. Я всё позднее вставал и раньше ложился. Возможно, если бы мама меня не будила, я бы и не просыпался. Лишь один раз, когда приблизился к тому, чтобы продрыхнуть целые сутки, пришёл в ужас и всю ночь мучился бессонницей. Под утро поклялся себе, что обязательно выйду сегодня наружу, и задремал на пару часов. Но проснулся таким разбитым, что клятву не сдержал и опять провалялся весь день.

Это не было похоже на тупую тяжесть в голове, которая бывает при *una corda*. Мне наоборот было как-то легко и спокойно. Не хорошо и не плохо. Я не ощущал себя тяжёлым и никчёмным. Никаких попыток самоедства. Кажется, всё это сонное спокойствие исподволь превращало меня в овощ.

Сегодня пришёл крайний срок. Время расписаться в неспособности позаботиться о себе. А также поднять наконец задницу и топать к Кейну на плановый приём. Надо, что

ли, попросить Марсена петь мне серенады, усмехнулся я про себя. Хотя нет. Тогда я совсем обленюсь.

Ну когда, когда тут успело стать так жарко, думал я, истекшая потом в ожидании автобуса. И это называется – август. Практически начало осени. В Ленхамаари в это время года становится прохладно и пасмурно, даль легко просматривается, если только нет тумана. Вот это называется – август, это я понимаю. А сейчас что? Небо раскалённое, земля тоже.

Я шёл от остановки, рассеянно удивляясь тому, какой пустой сегодня город. Все задохнулись? Вышли утром, сгорели заживо и уже успели истлеть?

Впервые в жизни я был рад могильному холоду больничных коридоров. В этот раз меня не смущали даже лампы. Кажется, я вообще не услышал этого гула, который всегда так действовал мне на нервы. Как-то не обратил внимания. Было необычайно тяжело на чём-то сфокусироваться, но я понимал это только тогда, когда пытался, тут же переставал пытаться и забывал, что мне тяжело сфокусироваться, и у меня не было по этому поводу никакого беспокойства, даже смутного. Кейн что-то спрашивал у меня, я отвечал и тут же забывал всё до последнего слова. Я не был также уверен, что не забывал вопрос Кейна сразу же, как он был задан, ещё до того, как успевал отвечать. Всё как-то очень...

Плыло.

Более или менее чётким и постоянным мотивом в моей голове оставалась одна мысль – скоро отсюда опять придётся

выходить под палящее солнце.

С этой мыслью я и оказался на улице, и, конечно же, память о прогулке по больничным коридорам уже успела выветриться из моей головы, да нет, наверное, испариться, потому что ветра тут не было уже лет сто. Если найти живого человека и спросить у него, когда тут в последний раз что-то дуло, когда тут в последний раз на небе появлялись эти белые штучки, от них ещё тень – нет, лучше не спрашивать, нечего себя выставлять на посмешище. Впрочем, вот идёт Марсен, он, наверное, не станет смеяться, стойте, откуда здесь Марсен? А, точно, в Ленхамаари уже месяца два как нельзя выйти на улицу и не наткнуться на Марсена. Даже когда просто идёшь домой и думаешь, что на этот раз пронесло, тут же оказывается, что нет, нифига не пронесло, и как он постоянно узнаёт, где я...

Даже в голове звенит от этого жара, тебе слышно, Марсен? Это у меня звенит или у тебя тоже? Потому что если у тебя тоже, то, может, оно просто вообще в принципе так звенит? Потому что если только у меня, то спроси у Кейна, пожалуйста, что это может означать, ты ведь как раз к нему идёшь.

Наверное, это из-за тебя звенит, я помню, как ты пел, а я был колокол. Эх, из-за тебя всё, из-за тебя, точно, говорил же мне Кейн с тобой не связываться, точно, говорили же мне – не связывайся со звукомагами, если хочешь довести дело до конца.

До конца...

Слушай, вот что. Тебе никогда не казалось, что солнце хочет нас всех убить? Потому что мне сегодня так кажется. Есть что-то отчаянное в том, как оно себя ведёт в августе. Я подумал – что, если одиннадцать месяцев подряд солнце приманивает Землю к себе, но на самом деле хочет всё и всех зажарить, а не согреть? Но нынче летом оно уже знает, что Земля всё равно сбежит, вот и жарит, как в последний раз. Земля сбежит с кровавой раной на месте Ленхамаари, а потом целый месяц будет истекать кровью осенних листьев, потом там будет бурая короста под белыми бинтами снега... ты говоришь, это твоя песня? Да, напиши песню об этом... ты говоришь, это одна из старых? Врёшь ты всё, я же не понимаю кэлингу, но стой-ка, выходит, ты тоже об этом думал, может, будем в тайном сговоре? Скажи Кейну, а я скажу Эгле, кстати, она ещё жива, ты не знаешь? Раз жива, то я пошёл, ты тоже иди, мы в тайном сговоре, смотри, не забудь.

Марсен озадаченно посмотрел вслед Симу. Останавливать не стал, но проследил направление его движения – чтобы знать маршрут, по которому придётся бежать, если сейчас из дверей больницы вылетит Кейн и сообщит что-нибудь страшное.

Но ничего не происходит. Всё безмолствует. Сим удаляется. У него неторопливый и ровный шаг. Поднятая голова и прямая спина.

...Альбин отцепил датчик от запястья Марсена. Взглянул

на экранчик, вытянул губы, словно хотел присвистнуть. Но не издал ни звука. Марсен не видел ни монитора, ни реакции Альбина. Запрокинув голову, он медленно провёл по лицу обеими ладонями и замер, уронив руки на колени.

– Ты как?

Интонация показалась бы постороннему равнодушной, но Марсен уловил сочувствие. А сочувствие в голосе Альбина означало: «Вот сейчас не ври, пожалуйста, а если будешь воротить нос от моих попыток помочь – я тебе этот самый нос оторву».

– Паршиво, – ответ прозвучал глухо, – ничего не могу. В горло будто высыпали грузовик песка. Весь он в меня, конечно, не поместился. Так что теперь я ещё и вкопан в него примерно по шею, одна голова торчит. Но и она потихоньку тонет. Песок-то, ясное дело, зыбучий...

– Держись, – пробормотал Альбин, переписывая с экрана показания датчика, – могло быть хуже.

– Куда уж хуже? – хмыкнул Марсен.

– Могло что-то зачесаться, – рассеянно предположил Альбин.

Марсен помолчал, скорчив потолку рожу – мол, ты не знаешь, что этот тип имел в виду?

Потолок безмолствовал. Наверное, не знал. Марсен адресовал недоуменный взгляд Альбину – что ты имел в виду?

– Нос, например, – всё так же рассеянно добавил Альбин, почувствовав, что тишина в кабинете превратилась в вопро-

сительную паузу.

Марсен на всякий случай осторожно почесал кончик носа указательным пальцем.

– Я говорю, – начал Альбин, убрав датчик в ящик стола, – держись.

– Я держусь, – угрюмо отозвался Марсен.

– Нет, – неожиданно резко возразил Альбин, – ни черта ты не держишься. Ты идёшь вразнос и порешишь горячку.

У Марсена медленно приподнялись брови, а рот сжался в узкую линию.

– Твой голос звучит в плеерах у сотен людей, – продолжил Альбин, остановившись перед Марсеном, но не глядя на него. – Подумай о них.

Марсен не ответил.

– Ну нельзя так убиваться из-за каждого реципиента, – уже тише сказал ему Альбин, по-прежнему уставившись в пол.

Марсен усмехнулся, слабо и печально:

– Ты определись, что ли. Только я начал думать о сотнях людей, а ты уже говоришь не убиваться из-за каждого. Имей в виду, я успел подумать только про двадцать семь из них. Что теперь делать с остальными? Про них – думать или не думать?

Альбин наконец-то посмотрел на него. Мрачно и тяжело.

– У меня сотни реципиентов, – негромко сказал Марсен, – но тот, у которого в плеере только моя музыка, – всего один.

– Так прекрати подталкивать его к краю. Что за показуха была с новой песней?

– Эй, – Марсен улыбается уголком рта, – эй, я же просто спел для него. Он же единственный, кому эта песня могла понравиться. Разве он этого не заслуживал?

– Он не заслуживает опасностей, которым ты его подвергаешь. Ситуации, когда его донор извинится, разведёт руками и скажет, что он больше ни на что не способен. Вот чего не заслуживает Сим. А ты уже две недели не можешь прийти в себя.

Шёпот; но слишком заметно, что Альбину хотелось бы это выкрикнуть. Подавленная вспышка, взрыв под водой, свет уходит вглубь и рассеивается, лицо Альбина затвердевает, голос теряет интонации.

– Ты – его донор. Так и будь донором.

Марсен неопределённо поводит плечом, чуть склонив голову, в этом угадывается вызов:

– Мы друзья, старик, понимаешь? Не знаю, как мы это сделали, но я для него – не сиделка, не великий учитель и не светоч. Мы вместе впутались в передрагу с Кори и его головорезами. Мы нашли заброшенный форт и лестницу, которая вела к смотровой площадке. Мы сидели и смотрели на море... почему я должен тебе объяснять, если ты сам тысячи раз делал для меня всё то же самое?

– Я и не прошу тебя бросить его и Эгле. – Альбин нетерпеливо хмурится. – Всё, чего я от тебя хочу – чтобы ты пе-

рестал гробить себя избыточными чудесами.

От этой фразы предметы словно выцветают. Остаются одни очертания.

– Хватит. Перестань скручивать реальность в бараний рог. Марсен прикрывает глаза. Улыбка тает, оставляя горькую складку у рта.

– Я думал, ей нравится, – шепчет он.

– Ты ошибался, – жёстко говорит Альбин. – Так тоже бывает. Разве не очевидно, что твои действия ведут к диссонансу? Разве ты не понимаешь?

Марсен снова не отвечает.

– Делай, что должен. Не нужно разрушать всё вокруг, пытаясь сделать то, чего ты сделать не можешь. Тем более, если никто тебя об этом не просил.

– Неужели? – Марсен вдруг открывает глаза, и Альбин успевает заметить, как у него сужаются зрачки. – Скажи, пожалуйста, в каких выражениях принято умолять о спасении – уже даже не от смерти, а хотя бы от страха смерти. Давай, просвети меня. Может, я что-то не так понял. А ещё лучше – научи, как в этой просьбе вежливо отказывают.

– Прекрати, – угрюмо требует Альбин. – Я тут ни при чём. Не я решил, что Сим должен умереть от *una corda*. Как можешь заметить, я только и делаю, что пытаюсь этому помешать. Или как, думаешь, весь такой героический ты пытаешься спасти бедного мальчика, а весь такой нехороший я тебе не разрешаю? Да, наверное, именно поэтому я вообще

затеял всю возню с плеером. Не воображай, что мы в силах обменять одну жизнь на другую, только не догадываемся так сделать или боимся.

Он отходит к столу, садится и уже оттуда сообщает:

– Просто ты мне, между прочим, тоже друг. И это мой долг – остановить тебя, когда ты начнёшь пороть горячку. Люди, играющие музыку, тоже выгорают. Чаще, чем ты можешь себе представить. Рано или поздно это случается почти со всеми сильными звукомагами – когда они мнят себя способными на любые изменения реальности. Это случается со всеми, у кого «я так хочу» слишком часто совпадало с «так надо». Я видел достаточно гордецов, ослеплённых вседозволенностью. Изначальная Гармония ставит их на место. Всегда. И если они упорствуют, у них два пути. Либо *una corda*, либо внутренний диссонанс.

Марсен разворачивается на кресле так, чтобы видеть Альбина. Некоторое время смотрит на него, молча и внимательно.

– Я помню, что в конце лета на тебя нападает хандра, – продолжает Альбин. – По моим расчётам, ты уже несколько недель пытаешься её игнорировать. И знаешь, что? В следующий раз, когда ты повернёшься к ней спиной, она бросится на тебя и перегрызёт твою звукомагическую глотку. А я не хочу лечить от *una corda* ещё и тебя.

– Не сгущай краски, – Марсен чуть морщится и отворачивается. – Я в порядке.

– Ты не в порядке, – тихо отвечает Альбин, положив руки на стол. – Послушай меня хоть раз в жизни. Перестань переворачивать мир вверх тормашками. Не ищи неприятностей. Я же не прошу тебя больше никогда этого не делать, но до осени-то ты можешь потерпеть?

– Могу.

– Вот и давай. Делай, что хочешь. Обойди все кофейни в Ленхамаари, приставай ко всем хорошеньким девушкам, которых увидишь по дороге. Хочешь – вспомни все безумства, которые вы делали тогда, давно, чтобы защитить ваше направление звукомагии. Хоть в женском платье ходи. На руках. Всё, что угодно, только не сгорай до осени.

Марсен поднимает голову. Взгляд у него открытый, светлый и очень спокойный.

– Хочу переворачивать мир вверх тормашками. Это единственное, что смогло защитить нашу звукомагию.

– Нельзя.

– Вот видишь. – Он слабо улыбается и разводит руками. – Как же я дотяну?

– Второй пункт, – мрачно предупреждает Альбин. – Видимо, ты хочешь неприятностей, раз пытаешься вывести меня из себя.

– Ты мне не мамочка, – устало говорит Марсен и снова проводит ладонью по лицу.

– И слава Изначальной Гармонии, что нет, – зловеще ровным голосом откликается Альбин. – У твоей мамы никогда

не хватало духу долбануть тебя демпфером и держать взаперти несколько недель. А вот у меня хватит.

Улыбка Марсена скорее снисходительна, чем язвительна:

– Ты мне угрожаешь?

– Нет. – Альбин поднимает обе руки. – Но ты уверен, что струны в больничных лампах нужны только для света?

– Я так думал, – признаётся Марсен, косясь на потолок.

– И зря. Когда-нибудь я расскажу тебе, сколько случаев внезапного диссонанса произошло в этих стенах.

Некоторое время Марсен щурится на лампы, словно впервые их видит. Когда он снова переводит взгляд на Альбина, глаза у него тёмные и тусклые.

– Ладно. Понял, – вполголоса говорит он. – Что характерно, сам же когда-то объяснял Симу, как глупо пытаться выпить мировой океан...

– Что? – Альбин удивлённо поднимает брови.

Марсен улыбается уголком рта и взмахивает рукой:

– Неважно. Ты понял, что я тебя понял?

Альбин смотрит на него недоверчиво.

– Слишком быстро, – с подозрением говорит он. – Где подвох?

– Никаких подвохов, – безмятежно возражает Марсен. – Я всё запомнил. Дорогу переходить на зелёный, конфеты у незнакомцев не брать, по лужам не прыгать, на обратном пути зайти за хлебом. Можно, теперь я пойду гулять?

– А, – понимающе говорит Альбин, – тебе надоело сидеть

на одном месте. Ладно уж, иди. Только... – Его лоб снова прорезает глубокая складка. – Я тебе ещё пару слов скажу. На всякий случай.

– Говори. – Марсен, уже вставший с кресла, приседает на подлокотник.

– Ты много времени проводишь в компании Сима. Обещай срочно, любой ценой притащить его ко мне, если он вдруг начнёт вести себя странно.

– Странно? – Переспрашивает Марсен. – Странно – это как?

Альбин медленно поводит пальцами в воздухе.

– Для больных на определённой стадии характерны слуховые галлюцинации. Это предшествует искажениям внутренней мелодии, и последствия у этих искажений могут быть самые разные. Например, речь. Она становится не очень связанной. Они как будто говорят меньше, чем собирались – им кажется, что они сказали десять слов, а собеседник слышал всего три. Из-за этого часто нельзя сразу понять, в чём дело, потому что услышанное бывает более или менее логично. Просто собеседник не получил того контекста, который показывает, что больной бредит.

Марсен беспокойно прикусил губу. Альбин, ничего не заметив, продолжал:

– Опять же, искажения идут вплоть до диссонанса. Проблема в том, что галлюцинации иногда ведут себя вполне невинно. Скажем, больной жалуется на сильный звон в ушах.

Окружающие не сразу понимают, что это искажение внутренней мелодии, ведь у всех иногда... Марсен?!

Они достигли распахнутой двери кабинета вместе – Альбин и эхо шагов Марсена с лестницы в конце коридора.

Альбин негромко выругался. Смерил дверь удивлённым взглядом.

– Она всегда открывалась наружу? – Спросил он сам себя вполголоса.

Сегодня прохладно. Холодно и солнечно. И становится холоднее, потому что начинает темнеть. Но Эгле продолжает сидеть во дворе. В наушниках негромкая музыка. Для Марсена этот голос – хороший друг, шумный, настырный и несколько буйный тип. Для Эгле это просто голос по имени Фиро, который помогает ей выровнять динамику до необходимого уровня.

Эгле сидит с листком бумаги в руках.

С квадратным листком бумаги в руках.

С квадратным листком разноцветной бумаги, которую мама привезла с Восточного берега.

Один можно взять. Мама не разозлилась бы, даже если бы Эгле взяла больше. Но бумага волшебная.

Точнее, это они так придумали. Что она волшебная. И если тратить её на пробы и ошибки, магия станет механикой и умрёт.

Очень скоро Эгле будет одиноко в школе. Если шепнуть

«форт», никто не кивнёт в ответ. И Эгле отправится к форту одна. Если что-то случится, её сердцебиение затеряется в шуме чужих мелодий. Если сказать «кофейный демон», никто не скорчит кислую рожу.

У Эгле умирает лучший друг, и она ничего не может с этим поделать. Некоторые смертельно больные пускаются во все тяжкие и проводят остаток времени ярче, чем всю предыдущую жизнь. С Симом так не будет, потому что от una corda умирают тихо. От такой una corda, как у него, если точнее. Даже сейчас ему ничего не хочется. Никуда не хочется.

Два великих звукомага ссорятся друг с другом, как подростки, кляня своё бессилие. А казалось, они могут всё.

Эгле не может почти ничего. Так уж вышло. Поэтому ей очень легко поставить цель, если нужно сделать что-то невозможное. И она делает невозможное.

Своё крошечное невозможное.

Вдруг Эгле вскидывает голову и кидается к калитке.

– Сим?!

Он останавливается в пяти метрах от распахнутой двери, машет рукой.

– Привет.

– Привет. – Эгле перешагивает через порожек и прикрывает дверцу за спиной.

Несколько секунд оба молчат.

– А мы в сговоре, – наконец говорит Сим. – Я и Марсен. Солнце хочет всех сжечь. Я его встретил и сказал ему об

этом. Он тебе, наверное, тоже будет врать, что это его старая песня. Ты не верь. Это я ему сказал. Вот, я тебе тоже это говорю, теперь ты тоже в сговоре.

Эгле делает несколько шагов ему навстречу.

– Сим... – Она протягивает ему руку ладонью вверх. На раскрытой ладони у неё сидит птичка из узорчатой бумаги. – Смотри. Я загадала. Если я смогу научить её петь, то мы выздоровеем. Сим, она чирикнула! Всего один раз, но она правда чирикнула.

Сим улыбается – медленной, смутной улыбкой.

– Вот как. Здорово. Я тебе тоже кое-что хочу показать. Можно твои наушники на секунду?

Эгле, поколебавшись, снимает проводок, болтающийся на шее. Сим останавливает её:

– Нет, сами наушники оставь и надень, мне только джек...

Он берёт джек её наушников и сжимает его в кулаке. Прикрывает глаза. Делает медленный вдох.

Выдоха Эгле не слышит. В наушниках, не подключенных ни к чему, вдруг начинает играть едва различимая мелодия. Звук слабый и тихий, звук словно сочится, как утренний свет сквозь туман, но он настолько отчётливо есть, что Эгле застывает. Чей голос поёт эти странные и страшные слова? Что за инструменты воспроизводят этот искажённый звук?..

Через несколько секунд её рука, прижатая к горлу, безвольно падает, цепляет проводок, выдёргивает наушники из ушей. Эгле отступает на шаг; у неё подкашиваются ноги и

она оседает на землю. Порыв ветра далеко относит крошечную птичку из узорчатой бумаги.

Сим выпускает джек. Он не слышит Эгле, потому что её внутренняя мелодия сейчас звучит так же, как его собственная. Он поворачивается к ней спиной и медленно уходит прочь.

Он идёт к морю.

я иду иду иду иду иду иду иду иду иду иду иду иду
и думаю это слово каждый раз когда делаю шаг чтобы не забыть что я иду

у моря должно быть не так жарко может все остальные тоже просекли и уже там

Эгле мне встретила по пути а потом куда-то делась
наверное тоже пошла к морю

значит я слишком медленно иду

это плохо

так я сгорю раньше чем дойду

но шансы есть уже темно

тогда какого чёрта так жарко

я иду иду иду иду иду иду иду иду иду иду иду

точно люди здесь правда не все

я их знаю

это не Эгле не сеньора Элинор не Марсен не Кейн не мама

я их знаю

В голове словно что-то взрывается, когда они замечают

меня. Это последняя адреналиновая вспышка на секунду возвращает мне способность мыслить хоть сколько-нибудь связно. Потому что моя подкорка отлично знает, что сейчас произойдёт. То, что происходит с одинокими слабаками, которые много выпендривались. То, что происходит с одинокими слабаками, когда они попадаются головорезам из шайки Кори.

И это последнее, что у меня получается осознать.

Вспышка прогорает слишком быстро.

Глава 18. Резонанс

Первое, что я вижу, подняв глаза – крючковатый нос моего защитника. Крючковатый нос и светлые, выбеленные солнцем волосы.

Он сидит на одном колене, смотрит куда-то исподлобья, снизу вверх, словно готов прыгнуть и атаковать. Он сидит, сдавив мне запястье двумя пальцами, а в голове у меня звучит его голос.

Я пытаюсь сказать: «Марсен, ты здесь, вот здорово», но его сухая ладонь живо прикрывает мне рот. Даже не взглянул в мою сторону. Я смотрю туда, куда смотрит он, и тихо обливаюсь холодным потом.

Они здесь. Стоят, разглядывая нас с ленивым любопытством.

Я точно знаю, что Вигге Марсену они не страшны. Он способен каждого из них запустить блинчиком по водам залива, не вынимая рук из карманов. Но почему же он до сих пор...

Я понимаю, почему. Потому что его никчёмный реципиент может не выдержать. Вообще всё, что может сейчас исполнить Марсен, ограничено солнечными безделушками и о красоте мира и приятности танцев на улице.

Он меня не оставит. И он не может спеть ничего, кроме подзарядочной музыки.

Они тоже знают об этом. А значит, мы не уйдём отсюда живыми. Они бы очень хотели решить проблему с Марсеном раз и навсегда. И им представился очень удобный случай.

Меня заполняет тихим бессильным отчаянием. Что за чудовищная нелепость! Один из лучших музыкантов моего времени сейчас погибнет, защищая своего бестолкового реципиента. И всё, что остаётся бестолковому реципиенту – прикидываться мёртвым. Может, они всё-таки поведутся, и у Марсена получится взять их на испуг.

Но что, если нет?

Чёрт, чёрт, чёрт.

Он мог бы спасти хотя бы себя. Но он не станет рисковать моей жизнью.

Я вижу прозрачные капли, скатывающиеся по его виску. И почти уверен, что слышу его мысли. Бьюсь об заклад, сейчас он думает всякую чушь. Вроде «я прожил отличную жизнь, а у этого пацана ещё всё впереди, помру-ка я вместо него, Кейн у нас умница, найдёт нового донора».

– Только попробуй, Марсен, – еле слышно шепчу я, – только попробуй.

И мысленно нащупываю внутри себя бархатистую золотую жилку ритма, живой ток своей мелодии. Всё так. Если меня не станет, Марсен сможет сражаться в полную силу. А я... если мои догадки верны, то я превращусь в чистый звук. Он может пользоваться моей мелодией, как своей, это ведь его голос поддерживает ритм моей души. Чудесная, на самом-то деле, смерть. Все мои одноклассники смогут рассказывать, что учились вместе с живой песней Вигге Марсена. И Эгле... нет, лучше не думать сейчас про Эгле, и про то, что мы больше никогда не будем втроём лазить по руинам форта, больше никогда... Нет, я должен немедленно перестать об этом думать, а то вся моя решимость сейчас благополучно загниёт, превратится в отчаянное «Я ХОЧУ ЖИИИИИТЬ!», мы ведь этого совсем не хотим, правда? Мы хотим, чтобы Вигге Марсен не обрекал себя на бессмысленную смерть, а меня – на бессмысленную жизнь. А значит, самое время выровнять дыхание, сосредоточиться и перестать быть. Мне всё равно пора.

Но эта крючконосая скотина слишком хорошо меня знала!

Марсен легонько щёлкает меня по лбу, от чего я сбиваюсь с дыхания, а значит, и с собственного ритма. С возмущением понимаю, что ни о каких музыкальных манипуляциях уже не может быть и речи, потому что я не слышу вообще ничего. А потом опять слышу.

– Когда сможешь – беги, – очень тихо говорит Марсен. –

Обещаю звучать как можно дольше.

Я ненавижу звукомагов и их штучки. Всё, что мне остаётся, – немое наблюдение.

И я смотрю. Смотрю, как он поднимается с колена, выпрямляется, разворачивает плечи.

Те пятеро... мне плохо их было видно. Но я их каким-то образом... понимал. Крайняя глупость – пытаться навредить звукомагу вроде Марсена. За него есть кому отомстить, даже если сейчас у него связаны руки и он не может себя защитить. Но они, похоже, утратили способность рассуждать здраво. Сначала обрадовались возможности взять реванш, но теперь уже не были ни в чём уверены. Они не знали, чего ожидать от Марсена. И поскольку очень, очень его боялись, постепенно впадали в ту разновидность паники, которая заставляет людей в одиночку бросаться на пианистов и расчленять трупы побеждённых врагов. Воздух тонко звенел их страхом и боязливым торжеством, опьянением, в которое легко впадают слабые, предвкушая возможность заставить сильного страдать. Того и гляди, пространство пойдёт трескучими электрическими искорками.

Хуже не придумаешь.

– Эй, – высоким, срывающимся голосом крикнул Кори, – мы знаем, что он жив!

– К счастью, я тоже это знаю, – негромко ответил Марсен.

И взял дыхание.

Вигге Марсен знал, как писать песни. Он знал законы каж-

дого инструмента, который когда-либо использовал. Ему не нужна была группа, чтобы звучать, ему не нужно было даже совершать характерные движения руками, чтобы творить звукомагию. Ему достаточно было просто держать музыку в своём сознании... ах, да. Самое главное тут как раз – не удерживать её в своём сознании и вообще нигде не удерживать. Ну какие границы могут быть у рассвета, если он намерен стать днём?

Марсен сделал несколько шагов им навстречу – под гитарные аккорды, секундой позже перкуссия прикрыла тыл струнному ритму. Бас. Клавиши. Что-то тёмное и широкое. Что-то звонкое и светящееся. Простые гармонии, тихое прикосновение звука к воздуху, медленное и неудержимое крещендо.

Не боевая звукомагия. Не донорские песни. Что-то совершенно... иное.

А потом он просто встал, между ними и мной, между землёй, небом и морем, между существующим и невозможным, видимым и неизвестным. И первая строчка песни была не молнией, не всплеском звука – просто обращением, зовом, негромким, но в полной уверенности, что его услышат. Марсен говорил словно от имени мира, и в этот момент именем мира было: «Вигге Марсен». Соавторство права голоса, где голос принадлежал Марсену, но был отдан миру, а миру принадлежало право, данное сейчас Марсену, право на ровно одну песню, данное на ровно одну песню.

Все застыли без движения, только лишь Марсен звенел струной между землёй и небом, полный весёлой и непобедимой силы, призма, преломляющая чистый белый луч на семь, сотню, тысячу других, разноцветных, заливших всё вокруг звуком и цветом. Разве могло быть в таком пространстве что-то похожее на смерть?

Звуки уплыли в небо и остались там среди звёзд. Их больше никто не услышит здесь, но они никогда не умолкнут.

Я не мог бежать. Я сидел и плакал. Плакал впервые в жизни, не считая раннего детства, когда этот нехитрый процесс чуть не убил меня. Но сейчас всё было совершенно нормально, потому что это совершенно нормально для любого человека – выражать больше, чем можешь вместить. Так и должно быть, и кто так не делает – тот проиграл.

Пятеро наших врагов всё ещё стояли, замороженно глядя в небо.

Потом они вспомнили про Марсена. Мне показалось, что мои лёгкие сдавила чья-то ледяная рука, выжимая из них воздух, как воду из губки.

Неужели всё было зря? Неужели можно быть такими сволочами, до которых не в силах достучаться весь мир и целое небо?

Мысли метались в моей голове, а сам я был готов налететь на любого из пятерых. Кусаться, царапаться, пинаться – неважно. Я не сбегу, черта с два я тебя тут брошу, крючконосый. Я был готов, и почти не удивлялся этому. А вот они

наверняка охренеют. Они ведь думали, что я загибаюсь на последней стадии *una corda*, а сейчас-то вообще небось про меня забыли.

Но я зря беспокоился. Все пятеро выглядели так, словно только что проснулись. Они явно не понимали, что происходит. Возможно, даже не помнили, что тут творилось полминуты назад.

Марсен спокойно повернулся к ним спиной и медленно подошёл ко мне. Кажется, это окончательно их поломало. Они не издавали ни звука, не пытались сделать ни одного осмысленного движения. Только переглядывались, недоуменно и испуганно.

Всё-таки, Марсену нет равных в искусстве выноса мозга, подумал я, наблюдая за бандой Кори почти с умилением. Сопляки.

Не сразу, но им всё же удалось более или менее сориентироваться в пространстве. Когда они – с невероятным трудом – выбрались за пределы набережной, Марсен попытался аккуратно сесть на траву рядом со мной. Но вместо этого неэстетично плюхнулся на задницу.

– В древности, ещё до того, как Мелодию Духа запретили, был один колдун.

Его голос звучал удивительно глухо. На бледном лице – меньше выразительности, чем я когда-либо мог видеть в зеркале. Лоб блестел от пота.

– Когда происходящее переставало ему нравиться, он

щёлкал пальцами, и всё превращалось в мюзикл. Все реплики обретали стихотворную форму и пелись на мотив модных песенок. Люди принимались танцевать. Великие скандалы занимали в разы меньше времени и разрешались крайне... гармонично, – закончил Марсен и принялся шарить по карманам.

Движения у него были заторможенные, а руки едва заметно подрагивали.

Нет. Очень явно тряслись.

– А я думал, великие маги просто распыляют своих врагов, разок хлопнув в ладоши, – после глубокомысленной паузы сказал я. – Что-то ты очень сильно сдал, после такой-то возвышенной песни.

– Убить всегда проще, балда, – флегматично откликнулся Марсен, поджигая кончик сигареты. – Сам подумай, что круче – хорошо исполнить свою мелодию или прервать чужую?

Он выпустил струйку дыма. Помолчал, глядя, как белесые клубы рассеиваются в воздухе.

– Самое сложное – сохранить жизнь тому, кто хочет убить тебя, и выжить при этом самому... и почему я тебе это вообще объясняю? Уж ты-то должен знать, что бывают такие дни, когда чертовски трудно никого не убить.

– Это была Мелодия Духа, да?

Что-то странное происходило с моими интонациями. Обычно мне не требовалось никаких усилий, чтобы вопрос прозвучал как «не отвечай, я из вежливости спрашиваю».

Хотя какая разница, этот тип никогда на такие штуки не покупался.

– Да, – отозвался Марсен. – В истинном её понимании. То, что долгое время считалось Мелодией Духа, полностью подчиняет себе другого человека. Изменяет его внутреннюю мелодию. Сейчас...

– А ты создал гармонию, которая заставила их мелодию звучать так, что они добровольно решили убраться? – Перебил я.

Чистые квинты. Мне правда было интересно!

– Не совсем так. И не создал. Предложил ей прозвучать здесь и сейчас. Точнее, это она мне предложила.

Марсен снова затянулся.

– Стало быть, ты круче того мага? – Я понимал, что мои подколки не очень-то уместны, но чёрт, нет ничего хуже, чем глупо себя чувствовать, когда говоришь о таких вещах, а я чувствовал себя очень глупо, если говорил так, как полагается.

– Раньше это никому бы не удалось, – пожал плечами Марсен. – Прекратив отрицать Мелодию Духа и существование затактов, люди стали больше друг другу доверять. По умолчанию. Куда деваться-то.

Я немного подумал.

– Значит, всё получилось потому, что они были... ну, расположены к таким изменениям?

– Вроде того, – прошелестел Марсен. – Изменения мира –

это всегда вопрос взаимного доверия. Людей к людям, людей к Изначальной Гармонии, а Изначальная Гармония доверяет нам всегда.

Похоже, любой звук ему сейчас давался очень тяжело. Ничего удивительного, после больших энергозатрат даже у здоровых случается *subito piano*³ внутренней мелодии. Насколько я знал симптомы – а я разбирался в них отлично, – больше всего на свете Марсену хотелось лечь и не шевелиться. Но он, бледный почти до прозрачности, лишь невозмутимо дымил и щурился на звёзды.

Ну, настолько невозмутимо, насколько это могут люди с трясущимися руками.

– Может, пойдём отсюда? – предложил я.

– Ты куда-то торопишься? – удивился Марсен.

– Ну, – сказал я, – приличные мальчишки вроде меня обычно ночуют дома, чтобы мамы за них не волновались. А не шатаются неизвестно где. В компании непонятно кого.

– Вот они, подлинные чудеса, – пробормотал Марсен. – Сим Нортенсен запросился домой, к мамочке. Да уж, стоило ради этого изменять мир... Расслабься. Мы уже сто лет ночью не гуляли. И вот наконец-то представилась такая возможность, а ты хнычешь.

– Так мамочка же расстроится, – возразил я.

³ *Subito piano* – «внезапно тихо» (итал.), указание исполнителю. В Мире Изначальной Гармонии также означает внезапный упадок сил из-за истощения внутренней мелодии.

– Не расстроится, – откликнулся Марсен. – Я послал ей сообщение, что ты со мной. Сразу, как тебя увидел. Так что прекрати ёрзать и посмотри, какая восхитительная сегодня ночь.

Это уж точно. Ночь была чудо как хороша. Прохладный, но не зябкий воздух. Медовый аромат летнего моря смешивался с запахом мяты. Ветерок, носившийся по берегу, дунул мне в лицо, принеся с собой новый запах, который я узнал не сразу. Наверное, потому, что за лето забыл, как пахнет сирень. Или потому, что не ожидал ощутить этот запах сейчас. Звёзды были крупными и лучистыми, как светящиеся пушистые шарики.

Я окинул Марсена подозрительным взглядом. Как ни странно, он и правда сейчас производил впечатление человека, наслаждающегося жизнью. Может, в последний раз, но это уже другое дело. Он сидел, подняв голову к небу, руки покоились на коленях и уже не дрожали. От сигареты поднималась белесая струйка дыма.

– А ты знаешь, что ты сейчас делаешь? – злорадно спросил я. – Я тебе сейчас скажу, что ты делаешь. Ты принуждаешь несовершеннолетнего к пассивному курению.

Марсен медленно вытащил сигарету изо рта и посмотрел на меня так, что я чуть не взвыл от восторга и ужаса. Нечто среднее между «не погасить ли мне сигарету в твоём глазу?» и «я поужинаю твоей душой, щенок».

– Ты, наверное, думаешь, что я совершенно вымотался? –

мягко спросил Марсен. – На перевоспитание ещё одного мелкого паршивца меня не хватит, это правда.

– Но убить проще, чем договориться, – подхватил я, примирительно подняв руку. – Я понял. Извини, я просто проверял, жив ты или уже не очень.

– Бывало и хуже. – Он сделал последнюю затяжку. – А ты что, ждёшь, когда я отойду к праотцам, воронёночек? Надеешься обшарить мои карманы, когда я не смогу тебе помешать?

Я фыркнул:

– Нужны мне твои карманы. Можно подумать, там что-то ценное. Хотя... твой сонотичий сойдёт за антиквариат. А ты что, надеешься отойти к праотцам?

– Почему бы и нет... – проворчал Марсен.

– Потому что не надейся.

– М-м? – Он снова скопил на меня глаза.

– Ты же кофейный демон, – напомнил я. – И мы знаем, как дать тебе материальную оболочку.

Марсен промолчал, но я понял, что он доволен.

Другое дело – как я это понял. По внутренней мелодии, только по ней, потому что никаких внешних проявлений не было. Он, конечно, сказал, что всё в порядке, но все мы знаем этих кофейных демонов, им же ни на грош нельзя верить. Что, если он сейчас сидит только потому, что не может подняться? Что, если он молчит потому, что больше не может издавать звуки? Что, если он всё-таки угасает, а я никак

не могу этому помешать? Конечно, можно было продолжать задавать ему дурацкие вопросы и изводить подколками, но только мои-то цели – получать сигнал, что он всё ещё жив. А не проверить, на сколько оскорблений он сможет ответить, прежде чем замолчит навсегда.

Жестоко избыю труп, подумал я, приколочу голову у себя над кроватью и буду кидать в неё дробтики. Дважды спасти человеку жизнь, а потом взять и сдохнуть у него на глазах – это просто подло.

Да какое там – дважды. Он же Голос. Это же тот самый Голос, который отреагировал вместо меня, когда ко мне впервые подошла Эгле, и я выслушал её, а не послал подальше. Тот самый голос, который давал мне силы для собственного звучания. Тот самый голос, который каждый день изгонял тяжёлую тупую боль из моей головы.

А теперь он, стало быть, сидит и готовится отбросить коньки. Да ещё и как отбросить. Это мне, мне предназначалось однажды замереть и больше никогда не шевелиться, ты всё перепутал, крючконосый гад. Не смей менять свою жизнь на мою, не смей умирать моей смертью, это ведь будет означать, что мы оба позорно продули в борьбе с *una corda*...

Далёкая металлическая трель звонка отвлекла меня от безмолвных причитаний. Сразу за этим я услышал мерный стрекот. Кто-то ехал на велосипеде по верхнему уровню набережной, постепенно приближаясь к нам. Видимо, нервы у меня были вконец истрёпаны, потому что я забеспокоился

ещё больше. Это мог быть кто угодно. Например, Кори с его шайкой очухались. Я тревожно оглянулся на Марсена и едва не вскрикнул – мне показалось, что сквозь него просвечивает прибрежный фонарь. Но нет, всего лишь показалось.

Марсен моего беспокойства не заметил. Жаль, а то я бы рассказал ему, что он уже прозрачный. Он бы, скорее всего, чертыхнулся и ответил, что собирался развоплотиться, пока я на него не смотрю. А я бы сказал – даже не думай, ведь как же я тогда приколочу твою голову у себя над кроватью...

– А вот и славная юная жрица явилась, – сказал Марсен, прислушавшись.

Голос у него был очень тихий и пугающе бесцветный, но самое главное – был. Я хотел спросить, кого это он записал в славные жрицы, но тут же понял сам. Бросив велосипед у парапета, по склону к нам бежала Эгле. Даже в скупом свете фонарей на набережной было видно, что у неё очень отчаянное лицо. Я приветственно помахал ей рукой.

– Чистые квинты! – воскликнула Эгле, тормозя рядом с нами. – Ребята, с вами же всё в порядке? Правда же?

– Вполне, – подтвердил я. – По крайней мере, со мной.

Марсен неторопливо поднял голову, сфокусировал взгляд на Эгле.

– Я жажду жертв, – сообщил он. – Без ритуальных танцев и песен в мою честь, так и быть, обойдёмся. Имейте в виду, только в этот раз.

Эгле ошарашенно смотрела то на меня, то на Марсена.

Она ещё не совсем отдышалась, но уже немного успокоилась. Даже в таком состоянии Марсену распрекрасно удавалось сбивать людей с толку.

– Он кофейный демон, – объяснил я. – И хочет, чтобы ему поклонялись. А то он решит, что его тут не любят, и развоплотится.

Марсен посмотрел на меня с гордостью.

– Извините. – Эгле развела руками. – Я так торопилась, что как-то забыла прихватить жертву.

– Так за каким тритоном тогда вообще надо было торопиться? – Марсен надменно приподнял бровь. – Неси жертву, незадачливый служитель культа, тогда и поговорим.

И он царственным жестом указал ей в сторону брошенного велосипеда. Вид у него при этом был такой укоризненный, что даже мне стало не по себе. Как будто это лично я материализовал кофейного демона только для того, чтобы не приносить ему необходимых жертв и смотреть, как он мучается.

– Видишь? – сказал я Эгле. – Он тоже в порядке. Ведёт себя мерзко и говорит гадости.

– Угу, – согласился Марсен, – за двоих стараюсь, раз ты сегодня отлыниваешь. Эгле, представляешь, он просился к мамочке. Расскажи Кейну, пусть порадуетя.

Надо признать, с потерей энергии он справлялся лучше, чем я. Дойдя до состояния «разбудите меня никогда», я не мог влёт отбивать колкости в свой адрес.

– Стоп, – попросила Эгле. – Хватит. Хватит гадостей и

мерзостей, лучше объясните мне, что происходит. Что это сейчас было?

Впервые выразить недоумение за двоих пришлось мне. Неопиcуемый опыт.

– Ты о чём? – спросил я, когда понял, что мимическую игру Эгле мне не переплюнуть.

– А вы не видели? – поразилась Эгле. – Тут же такое творилось! Я сначала выглянула в окно и несколько минут пыталась сообразить, почему опять закат. А пока думала, небо стало ещё ярче, облака сделались золотистыми, потом появились звёзды, очень крупные... что им делать над большим городом, да ещё и в таком ярком небе? И если бы только это! Потом начался метеоритный дождь, везде были светящиеся и звенящие полосы. И не просто светящиеся, а разноцветные, как фейерверк во всё небо. Ехала сюда, смотрю – ещё и сирень расцвела. Она дважды в год цветёт только в Кестасе, и то не всегда. Это было, как... как роца на девятой конечной. Только... – Она нахмурилась, подбирая нужное слово. – Ну, по-настоящему, что ли.

Я посмотрел на Марсена. Тот смущённо почесал кончик носа и пожал плечами. Ничего не знаю, всем своим видом говорил он, непредсказуемые резонансы, побочные эффекты, меня тоже не предупреждали, но круто получилось, правда же?

Правда, подумал я.

Эгле, тем временем, продолжала:

– Я уже думала, вдруг Марсен решил устроить концерт на побережье, а мне ничего не сказали, потому что я и так услышу и увижу, пусть это будет такой сюрприз. Поехала на звук. Потом увидела банду Кори и поняла, что это всё было не просто так, это какое-то страшное колдовство. Всё гадала, что же случилось? Как так вышло, что Марсен творил что-то большое и страшное, а Кори и его дружки целы?

– Ну, спасибо, – уязвлено сказал Марсен. – С каким неприятным типом ты общалась всё это время, надо же. Поэтому, я только и делаю, что избиваю младенцев, да? Ночами напролёт.

– Нет, к сожалению, – вздохнула Эгле. – Было бы это так, у нас бы вообще не возникало проблем с шайкой Кори.

– А ты злая, – с уважением заметил Марсен.

– Сейчас стану ещё злее, если мне никто не объяснит, что произошло, – пообещала Эгле.

– Мы всё объясним, – сказал я. – Честно.

– Объясним, – подтвердил Марсен. – Но не здесь.

Так. Не собирается ли он спровадить и меня тоже?

– А ты куда-то торопишься? – ехидно изумился я.

– Да, – серьёзно ответил Марсен. – Меня призывают, ты что, не слышал? Сейчас юная жрица вернётся в свой зиккурат с видом на красное небо, выложит там на алтаре круг овсяным печеньем – конечно, не удержится и стрескает парочку, но мы закроем на это глаза. Потом разожжёт синее пламя, водрузит на него котёл, бросит туда корни, травы

и чёрный порошок, зальёт водой, и когда чудный напиток, густой, точно кровь младенца, оживёт и заговорит – тут-то и явлюсь я.

Судя по лицу Эгле, она была не в курсе, что её ждало в ближайшем будущем. И уже немного жалела, что шайка Кори с нами не расправилась.

– У тебя дар предвидения, страшный кофейный демон? – восхитился я.

Марсен устало вздохнул.

– Конечно, да. Избирательный, как у всех демонов. Обычно жрецы не говорят, где и когда надо появиться. Вот и приходится выкручиваться...

– Эгле, не слушай его, – решительно сказал я. – Мы вовсе не хотим вламываться к тебе без приглашения, да ещё и ночью. Так что мы просто проводим тебя и...

– И зайдёте в гости, – перебила Эгле. – Я уже почти совсем злая. Но не настолько, чтобы бросить двух придурков ночью на улице. Я знаю, где вы оба живёте. До утра же ползти будете.

– А твоя мама?

– Сим, – утомлённо сказала Эгле, – ты хоть иногда интересуешься жизнью родителей? Ты что, забыл, что наши мамы – подруженции навек?

– Не забыл, – пробурчал я, – но как это связано с ночными визитами подозрительных типов вроде него? – Я мотнул головой в сторону Марсена.

– Они ушли, Сим, – терпеливо объяснила Эгле. – На всю ночь. Сегодня же праздник. У маминой школы тоже своё культурное мероприятие. Будут смотреть эти кошмарные новинки кинопроката и обсуждать фасон шляпы Джидженса Тхары. Я не пошла, так что второй билет достался твоей маме. Я думала, ты в курсе.

– Ты об этом знал? – обескураженно обратился я к Марсену.

– Вроде того, – туманно согласился он. Устремил рассеянный взгляд на Эгле: – Ты всё ещё здесь, незадачливый служитель культа?

Ничего себе заявочки.

– Ты совсем обнаглел, да? – печально спросил я. – Хочешь отправить её одну в этот ночной безлюдный город, где бродит шайка Кори?

– Какой безлюдный город? – приподнял брови Марсен. Я обернулся в сторону набережной.

Марсен был абсолютно прав. Город перестал быть безлюдным, а ночь – тихой. На парапете верхнего уровня щебетали, по крайней мере, три парочки. Четвёртая то появлялась над парапетом, то пропадала – они танцевали. Между фонарными столбами протянулись гирлянды разноцветных флажков и лампочек. Откуда-то доносилась музыка – такую играют уличные музыканты, которые случайно услышали друг друга издали и начали импровизировать вместе, постепенно сближаясь. Ветер радостно дёргал флажки, словно пытался

сказать им – «мы с вами одного цвета, вы и я». И, наверное, так оно и было, потому что теперь к торжественному аромату ночного летнего моря, к нежному и таинственному аромату сирени и морской мяты примешивались другие. Жареных в меду орехов, пряностей, благовоний и ещё чего-то, чем обычно пахнет на праздничных ярмарках.

Я не понимал уже вообще ничего, не знал, что случится в следующий момент, и это было здорово.

– У меня к вам деловое предложение, – начала Эгле, сунув руки в карманы джинсов, – я еду вперёд и пытаюсь прибраться дома, а вы принесёте что-нибудь к чаю. А то у меня и вправду ничего, кроме овсяного печенья.

– Вот это я понимаю, – одобрительно отозвался Марсен, – наконец-то конструктивный диалог. Отпишись, когда приедешь.

– Ага!

И Эгле ускочила к велосипеду. Марсен подождал, пока она скроется из виду, и медленно, осторожно поднялся с земли. Выпрямился.

– Ты передумал развоплощаться? – небрежно спросил я.

– Да, с этим можно подождать... – рассеянно кивнул Марсен.

И начал подниматься по склону, так легко, будто это и не он сейчас сидел, бледный и молчаливый, потихоньку перестающий существовать.

Обернулся ко мне:

– Ты идёшь?

Я продолжал стоять, глядя на него исподлобья, закусив губу. Марсен сделал несколько шагов вниз.

– Эй, эй, Сим, ты же не думал, что я и вправду собираюсь отбросить коньки?

– Думал, – буркнул я. – И до сих пор думаю, что ты корчишь из себя героя и превозмогаешь.

– Балда. – Марсен развернулся и продолжил восхождение. Я поспешил за ним. – Если бы всё действительно было так плохо, я бы любой ценой оказался подальше от тебя. Меньше всего на свете я хочу умереть при сочувствующих свидетелях.

– Тогда почему ты так старался избавиться от Эгле? – Я наконец-то нагнал его.

– Потому что я не был уверен, что смогу подняться. Не ты один стесняешься падать на задницу при дамах.

– А меня ты этим зрелищем, стало быть, шокировать не боишься, – проворчал я.

– Не боюсь, – подтвердил Марсен. – Тебе хотя бы ничего не надо объяснять.

Я представил, что встретил сначала шайку Кори, а потом Марсена, который не может подняться и устоять на ногах. Да уж, история была бы не из приятных. Как и любая история о встрече с Кори и его шайкой в безлюдном ночном городе.

Сто-о-о-оп!

– Ты знаешь, – начал я и понял, что голос у меня подра-

гивает, – мне всё-таки нужны объяснения. Что случилось? Почему сейчас вдруг праздник и ярмарка? Откуда всё это взялось?

Марсен пожал плечами.

– Ниоткуда. Всегда тут было.

В голову мне пришла ещё одна страшная мысль. Я спросил, как можно спокойнее:

– Нас всё-таки убили? Это твой затакт – ночная ярмарка?

– Нет. – Марсен бросил на меня быстрый взгляд. – Нет, конечно. Я знаю, как выглядит мой затакт, и это определённо не он. А ты, насколько я знаю, никогда не был счастлив на ярмарках. Так что мы совершенно точно живы. Причём оба.

– Да каких тритонов!

– Тихо, – поморщился Марсен. – Людей пугаешь. Им весело, а ты ругаешься.

– Конечно, ругаюсь! – прошипел я. – Мне уже ничего не понятно! Я ужасный сын, я не в курсе маминого расписания. Но я точно знаю, что она ни за что бы не пошла куда-то на всю ночь! Ни одна мать, чей единственный ребёнок болен *una corda*, не уйдёт гулять с подругой, если дитяtko не дома и не приковано к батарее!

Марсен развёл руками:

– В этом-то и дело. У твоей мамы нет ни одного ребёнка, больного *una corda*. Видимо, достаточно давно, чтобы начать думать о чём-то ещё и заводить друзей.

– А... но... ведь...

Я даже остановился. И уставился на Марсена – совершенно круглыми, надо полагать, глазами.

– Каких тритонов... – несчастным голосом повторил я.

– Разрешённых, – мягко ответил Марсен. – Вполне гармонично. – Он слегка притопнул: – В достаточно устойчивые ступени. Вот скажи, давно ты в последний раз так громко ругался?

Хорошо, если достаточно устойчивые. И поблизости как раз нет ни одной дамы, при которой мне было бы стыдно плюхнуться на задницу.

Что я и сделал. Обхватил голову руками, посидел так немного, а потом снова посмотрел на Марсена. Тот вздохнул и жестом фокусника достал из-за пазухи свой сонотидий в виде хрустального шарика. Я вгляделся в мерцающие буквы, всплывшие в прозрачной глубине:

Я: «Сим со мной, всё в порядке»

Дана Нортенсен: «Слава Изначальной Гармонии! Спасибо огромное. Жду вас дома».

Я ощутил непреодолимое желание тихонько завывать. Что, опять же, и сделал.

– Видимо, пришло, когда я пел, – отметил Марсен, проверив время и дату сообщения.

Раздался тихий звон, внутри шарика разбежалась паутинка трещин. Буквы запрыгали, померкли, потом и вовсе растворились. Марсен покачал головой и бережно убрал шарик в карман. Вид у него был расстроенный.

– Тоже не выдержал, – мрачно прокомментировал я. – А кто бы выдержал, интересно.

Марсен промолчал.

– Так ты объяснишь мне, что произошло? – Я вперил в него взгляд, надеясь, что получилось достаточно угрожающе.

– Что, что... – Марсен опустил на землю рядом со мной. – Изменения мира, вот что. Я ведь объяснял тебе, что у теории Мелодии Духа два варианта?

– Допустим, – согласился я. Я уже со всем был готов согласиться.

Но крючконосый гад от меня не отстал:

– Какие?

И мне даже удалось восстановить диалог в памяти. И даже понять, что он имеет в виду.

– Это ты про время, да? – Уточнил я. – Что у нас или нет контроля над будущим, или есть контроль над прошлым?

– Точно.

Я снова осмотрелся.

Танцующие парочки. Бегающие друг за другом дети. Фонарики. Разноцветные флажки. Уличные музыканты.

– Значит... – В горле у меня пересохло, и голос звучал непривычно скрипуче. – Значит, в тот момент ты действительно... переиграл мир? Сразу весь? Отменил всё существующее, себя самого и...

– Не отменил. – Он прервался, чтобы зевнуть. – Но, вероятно, так и выглядит резонанс. В Изначальную Гармонию

нас, конечно, не взяли. Наверное, пока не доросли. Или, может, эхо всё ещё в нас нуждается. По крайней мере, никто не умер. И вроде не собирается.

– Чистые квинты, – пробормотал я. – Это просто нечестно. Я и саму идею резонанса толком понять не успел. А он уже случился. В двух шагах от меня. С твоей помощью. Охренеть.

Марсен приподнял бровь:

– А ты думал, я так вымотался только потому, что прогнал пятерых малолетних идиотов?

– Вот как раз этого я и не думал. – Я положил подбородок на колени. – Даже сразу тебе сказал, что как-то ты очень уж сдал от такой безделицы. Но зачем? Выходит, ты и вправду мог просто их прогнать.

– Не мой масштаб, – гордо ответил Марсен.

Кажется, оживает, подумал я. Но он тут же снова стал серьёзным и уставшим.

– Меня не спрашивали, на самом-то деле. Иногда ты просто делаешь то, что должен. Иначе что-то навсегда теряется. Бывает так, что цена выше, чем ты готов отдать. Но потом оказывается, что взамен получил больше, чем отдал.

Я молчал. На комментарии и вопросы меня всё ещё не хватало.

– Так уже бывало, – продолжал Марсен. – Не стыдно признать себя маленьким и глупым по сравнению с Изначальной Гармонией. В отличие от нас, она всегда знает, как бу-

дет лучше. А со мной легко договориться. И я знаю, что в такие минуты надо просто звучать. Очень легко принять решение, когда бессмысленное небытие берёт тебя за глотку. Не сомневаться. Не отступать. Стоять насмерть. Только тогда прозвучит что-то настоящее, и эхо вспомнит, каким оно всегда хотело быть.

Он умолк. Я тоже молчал. Молчал и смотрел на звёзды.

– Конечно, вряд ли Кори и его друзья сделались славными парнями вроде нас с тобой, – снова заговорил Марсен. – Присутствия в изменённом пространстве они просто не выдержали... ну, ты сам видел. Но, по крайней мере, они никого не убили сегодня вечером. Не факт, что завтра им не захочется ещё раз погулять по ночному городу. Так что будь осторожен. – Он вздохнул. – Всё-таки, я – очень несовершенный инструмент. Как и любой человек, к сожалению. Кстати, постарайся не спрашивать у Эгле ничего по поводу её болезни.

У меня сердце ушло в пятки. Но я всё же спросил:

– Почему?

Марсен тоже поднял голову и посмотрел на звёзды.

– Потому что этой болезни больше нет. С её внутренней мелодией практически всё в порядке, как и с твоей. А заново созданные миры куда более хрупки, чем утренние сны. Не надо сбивать их с толку вопросами о тех вариантах реальности, которые не нравятся тебе самому.

– Ты это точно знаешь? – Я посмотрел на него в упор.

– Дружище, – фыркнул Марсен, – ты, естественно, не пом-

нишь. Но перед тем, как отправиться на пляж, ты ретранслировал ей свою мелодию. А звучал ты в тот момент так, что даже я бы свалился. Что уж говорить о девочке-резонаторе.

Я в самом деле этого не помнил. Вообще мало что помнил о последнем вечере. Хотя... да. Какие-то неясные образы начали всплывать, когда я об этом подумал. Меня вдруг отчаянно замутило.

– Марсен, я же её не... нет, сейчас я видел, что она жива, но если тогда я...

– Нет, – негромко, но очень веско перебил меня Марсен. – Ты её не убил.

Я всё сглатывал и никак не мог сглотнуть комок, подкашивший к горлу. Но всё же смог достаточно внятно выдавить:

– Если ты просто бережёшь мои нервы... – Дальше голоса не хватило.

Физиономия Марсена оказалась лучшим аргументом. Потому что он снова смотрел на меня, а во взгляде читалось явственное: «Больной, что ли?»

И я был готов встретить этот взгляд хоть тысячу раз, потому что он снова имел в виду вовсе не *una corda*. Однако Марсен всё же снизошёл до словесных объяснений.

– Я вовремя её нашёл, – сказал он. – И принял меры. Но вот искать тебя после этого было тем ещё развлечением. Ты ведь уже не звучал моими песнями.

Я медленно кивнул:

– Это я уже понял. Но... как так вышло... – Сбился. –

Чёрт. Почему мы оба здоровы?

– Чистые квинты... – Устало вздохнул Марсен. – Ну, сейчас-то что не так? Что за привычка вечно ждать подвоха, тыкать чудо палочкой и искать у него вшей?

Наверное, у меня был очень несчастный вид, потому что Марсен прекратил уничижительную тираду. Пожал плечами:

– Если тебе интересны мои догадки, то я думаю, что Альбин смог вас вылечить. Обоих. По Эгле можно заметить, что раньше она была резонатором. Ну, конечно, – он бросил на меня ехидный взгляд, – она и сейчас будет понимать чувства других лучше, чем ты. Но это уже проблема характера.

Он снова зевнул, прикрыв рот рукой, и беззаботно закончил:

– А остальное я, вероятно, вспомню завтра. Правда, завтра тебе эти объяснения уже не понадобятся, потому что вопросов больше не будет.

– Это всё очень хорошо, – деревянным голосом сказал я, – но я не об этом спрашивал. Вот ты... согласился на предложение Изначальной Гармонии. Звучал по-настоящему. Почему мир должен был измениться именно так? Почему живые и здоровые мы – решение Изначальной Гармонии?

– Почему... – эхом отозвался Марсен. – Потому что мы трое очень неплохо проводили время? Потому что ты знаешь, что любит и не любит Эгле? Потому что я был твоим донором? Потому что Эгле сложила журавлика и загадала

желание? Потому что мы любим море и ночной Ленхамари? Потому что это естественно – хотеть, чтобы смешные существа, которых мы называем друзьями, видели как можно больше хорошего и как можно меньше плохого? Небытие всего этого не терпит. Я выдвинул ему ультиматум, текст которого мы писали вместе.

– Что же ты тогда сразу так не сделал?

Я попытался вложить в интонацию всю язвительность, которая сейчас была мне доступна. Но Марсен лишь рассеянно повёл плечом:

– Говорю же – я тут практически ни при чём. Может, важен был сам момент близости к краю. Реальность, которую мы знали, достигла предела неустойчивости, когда мы оба поняли, как малы наши шансы выжить. Может быть, именно поэтому тебя всегда так привлекала опасность. Ты просто сам был неустойчивой ступенью, стремившейся к разрешению. И вот – всё получилось.

На ум мне пришла дурацкая, но отчего-то ужасно забавная мысль.

– Погоди-ка... – медленно сказал я. – Если моя мелодия энергетически – твоя мелодия, получается, ты меня... разрешил?

– Разрешил, – серьёзно кивнул Марсен. – Так что подойди к этому ответственно и, пожалуйста, будь.

Я не выдержал, фыркнул и рассмеялся. Смеялся долго. И опять – до слёз.

...Эмоциональная вспышка прогорела, как праздничный трескучий огонёк, оставив после себя беспокойство. Я очень боялся задавать этот вопрос, но я должен был знать. И даже пусть крючконосый соврёт мне, главное, чтобы он сделал это убедительно.

– А если однажды мне покажется, что мне только приснилось выздоровление?

– А это уже никого не волнует, – отмахнулся Марсен. – Чтобы вернулась твоя *una corda*, кому-то снова придётся здорово напрячься. Кто же согласится подталкивать этот славный мир к совершенно бессмысленным изменениям, да ещё и такой ценой? Проблем тебя ожидает множество, не волнуйся. Какой среди них не будет – так это *una corda*.

– Серьёзно? – тихо спросил я.

– Чтоб я сдох, – торжественно ответил Марсен. И наконец-то улыбнулся.

Где-то в недрах его плаща раздалось приглушённое чириканье – сигнал входящего сообщения.

– Эгле доехала, наверное... – Марсен порылся в кармане и вытащил сонотиций. – Да, точно. Она молодец, а мы ещё нет. Надо хотя бы придумать, что мы ей принесём. Ты когда-нибудь выбирал, какой вариант правды принести к чаю? Эй, Сим!

Я не слышал. Я уставился на хрустальный шарик.

Абсолютно целый.

Марсен проследил за моим взглядом. Невозмутимо спря-

тал шарик в карман.

– Никому не рассказывай.

Не знаю, что ещё в нашем мире изменилось той ночью. Но мерзкая привычка Марсена таинственно улыбаться определённо осталась с нами. Боюсь, навсегда.

Всё-таки, у Изначальной Гармонии очень странные представления о том, что такое «к лучшему».